

Иван Сергеевич КНИЖНИК-ВЕТРОВ

**А. В. КОРВИН-КРУКОВСКАЯ (Жаклар)
ДРУГ Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО
ДЕЯТЕЛЬНИЦА ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ**

М.: ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
ПОЛИТКАТОРЖАН И СС.-ПОСЕЛЕНЦЕВ
1931

Веб-публикация: **Vive Liberta**, 2012

Иван Сергеевич Книжник-Ветров

наст. имя Израиль Самойлович (Соломонович?) Бланк
(20.06.1878 - 18.02.1965)

публицистические псевдонимы: А.К.; К.; Кн.-Ветров, И.; Кн.-В-ов, Ив.;
Кр., А. Крат., А.; Кратов, А.; Кратов, Андрей; Верусин, Сергей, Ветров,
И., И.И.; И.К.; И.К.-В.; И.Н.; Интеллигент из народа; Исаев И.; Надеждин
И.

В нашей библиотеке можно ознакомиться с его монографией «**РУССКИЕ
ДЕЯТЕЛЬНИЦЫ I ИНТЕРНАЦИОНАЛА и ПАРИЖСКОЙ КОММУНЫ
Е.Л. ДМИТРИЕВА, А.В. ЖАКЛАР, Е.Г. БАРТЕНЕВА**» (М.-Л.: Наука. 1964. 260
с.)

о Парижской коммуне - документы, исследования, мемуары,
публицистика, пьесы, стихотворения, романы,
живопись и графика, радиопередачи и фильмы
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm#commune

ПРЕДИСЛОВИЕ

Выяснение подробностей жизни и деятельности Анны Васильевны Корвин-Круковской, по мужу Жаклар, интересно в трех отношениях:

во-первых, оно дает нам новые, еще неизвестные и неучтенные критической литературой данные для обрисовки индивидуальных влияний, под которыми находился своеобразный гений художника-публициста Ф. М. Достоевского, творчеству которого посвящены десятки книг и сотни статей у нас и за границей;

во-вторых, оно обогащает нас новыми фактами о первых сношениях русских революционных кружков с иностранными, о знакомстве их с идеями Маркса и об их участии в работе руководившегося Марксом Первого Интернационала;

наконец, в-третьих, оно дает нам новые материалы об участии русских революционеров в Парижской коммуне 1871 г.

Вопрос о связи между русским революционным движением 60-х годов XIX в., Первым Интернационалом и Парижской коммуной 1871 г. в исторической литературе почти совсем не разработан. Поэтому кажется почти случайным то, что во главе Лионского восстания 28 сентября 1870 г., непосредственно предшествовавшего Парижской коммуне, стоял М. А. Бакунин и ему помогал русский офицер Озеров. Еще большей случайностью кажется то, что в самой Парижской коммуне 1871 г. участвовали бакунисты-французы и целый ряд русских революционеров, — и бакунистов, и сторонников Маркса, — имена которых мало известны и сведения о которых весьма скудны. Подробное изучение революционного развития каждого из русских участников Парижской коммуны убеждает нас, что для них участие в Парижской коммуне было не случайностью, а органически вытекало из общего состояния русского революционного дви-

жения 60-х годов, не находившего для себя достаточного пространства в самой России, но уже ясно связывавшего себя с пролетарской революцией на Западе.

Имя «русской Анны Жаклар»¹⁾, как участницы Парижской коммуны, упоминается в двух-трех словах или в нескольких строках во многих мемуарах о Коммуне и в некоторых ее документах. Но в виду того, что Анна Жаклар оказалась не только парижской коммунарой, но и талантливой русской писательницей Анной Васильевной Корвин-Круковской, высоко ценимой Ф. М. Достоевским, и сестрой знаменитого ученого математика Софьи Ковалевской, явилась возможность найти о ней много забытых материалов в русской литературе, очень далекой от интереса к Парижской коммуне, и многие материалы, еще не опубликованные. Последние переданы были мне в большей их части племянницей Анны Васильевны, дочерью С. В. и В. О. Ковалевских — Софьей Владимировной Ковалевской и некоторыми другими лицами, упоминаемыми мною в тексте²⁾. В итоге обработки этих материалов получилось довольно ясное представление об этой замечательной русской женщине 60-х годов, оказавшейся также одной из первых русских сторонниц Маркса в Первом Интернационале, хотя надо сказать, что как раз о революционной деятельности Анны Васильевны материалы скуднее всего.

Жизнь и деятельность Анны Васильевны Корвин-Круковской-Жаклар составляет одну из прекраснейших страниц нашей культурной истории, когда коммунистические чаяния еще только нарождались. Через нее и нескольких других интересных русских деятелей и деятельниц той эпохи, о которых мною рассказано в другом месте³⁾, протягивается

¹⁾ Транскрипция «Жаклар», а не «Жакляр» принята здесь согласно подписи самой Анны Васильевны в ее письме к Достоевскому 70-х годов и ее подписи «Жаклар—Корвин» в «Альбоме М. И. Семевского». См. Знакомые. Альбом М. И. Семевского, издателя-редактора исторического журнала «Русская старина». Книга автобиографических собственноручных заметок. Спб. 1888. Стр. 78.

²⁾ Пользуюсь случаем, чтобы здесь и публично выразить всем им свою благодарность за любезное содействие в подготовке настоящей работы.

³⁾ См. мои статьи: Участник Парижской коммуны 1871 г. В. А. Потенко в «Каторге и ссылке». 1929, № 5 (54); Е. Г. Бартенева—социалистка и писательница—там же, 1929, № 11; Героиня Парижской коммуны Елизавета Дмитриева в «Летописях марксизма». 1928, № 7—8 и в «Красной панораме», 1929, № 12; Детство и юность Елизаветы Дмитриевой в «Каторге и ссылке» за 1930 г., № 11.

полувековая нить от I Интернационала к III Интернационалу и от Парижской коммуны 1871 г. к строящейся у нас коммуне наших дней. По-новому родными и близкими делаются для нас и Первый Интернационал и Парижская коммуна. И если теперь, окруженные враждой всего буржуазного мира и вне, и внутри СССР, мы главным образом сильны тем, что нам сочувствует передовой пролетариат других стран, мы имеем полное право сказать европейскому пролетариату, указывая на русских деятелей Парижской коммуны, подобных Корвин-Круковской-Жаклар: «Есть капля и наших усилий в ваших прошлых битвах за коммунизм; помогая нам теперь, вы только платите нам свой исторический долг»¹⁾.

¹⁾ В основу настоящей работы легли три статьи автора, здесь совершенно переработанные и слитые вместе: Анна Васильевна Корвин-Круковская-Жаклар—деятельница Парижской коммуны и писательница—в «Звезде», 1928, № 10; Ф. М. Достоевский и Анна Васильевна Корвин-Круковская—в литературно-художеств. сборнике «Красная панорама», 1929, май и Виктор Жаклар—деятель Парижской коммуны и русский журналист—в «Проблемах марксизма», 1930, № 5—6.

Предисловие

I. Воспитание в семье (1843—1863 гг.)

II. Знакомство с «нигилизмом». Начало писательства (1863—1864 гг.)

III. Дружба с Ф.М.Достоевским. Первая поездка за границу (1865—1887 гг.)

IV. Встречи с «нигилистами» и революционерами в Петербурге. «Эмансипация» от семьи. (Зима 1867—68 — весна 1869 гг.)

V. Жизнь в Париже. Дружба с революционной писательницей Андре Лео и с членами Интернационала Малоном и Жакларом. (Весна 1869-лето 1870 гг.)

VI. Среди русских и французских эмигрантов в Женеве. Работа в Русской секции Интернационала. Отношение к событиям во Франции (Июль и август 1870 г.)

V I. Накануне Парижской коммуны. (Сентябрь 1870—март 1871 гг.)

VIII. Работа в Коммуне (18 марта—28 мая 1871 г.)

IX. Организация побега Жаклара. Жизнь в Берне и в Цюрихе.

(Июнь 1871— июль 1874 г.)

X. Снова в России. Новые встречи с Ф.М.Достоевским. (1874—1881 гг.)

XI. Последние годы жизни. Писательство. Болезнь. Смерть. (1881—1887 гг.)

Приложение

Судьба В.Жаклара после смерти Анны Васильевны

Обращение к читателям

Указатель имен

I. Воспитание в семье (1843—1863 гг.)

Анна Васильевна Корвин-Круковская родилась в Москве 6—18 октября 1843 г.¹⁾ Отец Анны Васильевны был родовитый литовский дворянин и помещик, в жилах которого текла русская, польская и цыганская кровь. Мих. Ив. Семевский, знавший его в 1862 г., отзывался о нем как о «несколько надутым генеральством», «сухом и чопорном» человеке.

Мать Анны Васильевны была дочерью генерала от инфантерии и внучкой известного астронома Шуберта, немца по национальности.

Годы раннего детства Анна Васильевна прожила сначала

¹⁾ Н. Н. Голицын в своем „Библиографическом словаре писателей“ (СПб. 1889, стр. 138), основываясь на ошибочном указании в небольшом некрологе Анны Васильевны, помещенном в № 1 „Исторического вестника“ за 1888 г., будто Анна Васильевна умерла „на 41-м году жизни“, указывает дату ее рождения 1847 год. Повидимому отсюда эта дата, без проверки, перешла и в „Источник словаря русских писателей“ С. А. Венгрова (том III, стр. 175) и в „Новый энциклопедический словарь“ Брокгауза-Ефрона, так как оба эти словаря ссылаются на Голицына и на некролог. Но расчет времени, единодушно указываемый Софьей Ковалевской и ее биографами, заставил меня считать годом рождения Анны Васильевны 1843 год. Софья Ковалевская в своих художественных „Воспоминаниях детства“ (см. „Вестник Европы“, 1890, № 7 и 8, ясно говорит: „Сестра моя Аня была лет на 6 меня старше, а брат Федя года на 3 моложе“. Зная, что Софья Ковалевская родилась 3—15/I 1850 г., этим самым устанавливаем и год рождения ее сестры. См. также воспоминания бывшего гувернера семьи Корвин-Круковских И. И. Малевича („Русская старина“, 1890, № 12), отличающиеся точностью дат, и редактора „Русской старины“ Мих. Ив. Семевского (там же). Упоминаемый здесь „брат Федя“ — Ф. В. Корвин-Круковский — в письме в „Русской старине“ за 1890 г., № 9, стр. 625, утверждает, что „Аня родилась в 1843 г. и была старше Софьи на 7 лет“. Дочь Софьи Ковалевской сообщила мне, что, согласно имеющемуся у нее дневнику ее бабушки, Анна Васильевна родилась в конце 1843 г. Наконец, на основании датировки еще неопубликованного письма А. М. Евреиновой („Жанни“) к Анне Васильевне в день рождения последней 6—18/X—1868 г., удалось установить и точную дату.

в Москве, где ее отец был начальником арсенала, а с 1855 г. в Калуге, куда отец был переведен по службе ¹⁾.

По окончании Крымской войны отец Анны Васильевны был произведен в генерал-лейтенанты артиллерии, вскоре вышел в отставку и в мае 1858 г. поселился с семьей в своем родовом имении Палибино, Невельского уезда, Витебской губернии, в 150 верстах от Витебска ²⁾. «В это время, — говорит Софья Ковалевская в своих «Воспоминаниях», — уже ходили слухи о предстоящей «эмансипации», и они-то и побудили моего отца серьезнее заняться хозяйством, которым до тех пор заведывал управляющий». Возможно, что на решение заняться хозяйством повлияло и то, что в начале 1850 г. генерал так проигрался в карты в английском клубе в Москве, что пришлось заложить бриллианты его жены.

Во время поселения семьи в деревне Анне Васильевне было 15 лет. До этого времени живя веселой беспечной жизнью, родители занимались ее воспитанием очень мало. Отец считал воспитание детей женским делом, а мать заходила на минуту взглянуть на детей только перед отъездом на бал или на вечер. Дети проводили время среди гостей няни, горничных и других нянь, слушая их сплетни. Посторонних детей они видели редко, а с «простыми детьми» няня не позволяла им играть. Гуляли дети редко, «только в случае исключительно хорошей погоды, да еще в большие праздники», когда няня водила их в церковь. А в детской стоял «особенный запах — смесь ладана, деревянного масла, майского бальзама и чада от сальной свечи». Форточка раскрывалась редко. «Гувернантка-француженка не может войти в детскую без того, чтобы не поднести брезгливо платка к носу». Детская комната прибиралась при детях, которые вдыхали поднимавшуюся при подметании пола и вытряхивании постелей пыль. Спали в детской кроме трех детей няня и крепостная девочка, приставленная к детям для услуг. Одно было хорошо, что няня рассказывала детям сказки. В итоге Анна Васильевна, очень избалованная родными потому, что была первой из детей, в 12 лет была и крайне невежественна и даже писать правильно по-русски не умела. Вместе с семьей из Москвы в Калугу, а затем в Палибино переезжала гувернантка-француженка, но по приезде в де-

ревню она была отставлена и заменена англичанкой. Последняя занималась с Анной Васильевной года два, так что она изучила кроме французского английский язык. Но как ни старалась англичанка сделать из Анны Васильевны «примерную мисс», из этого ничего не вышло, так как Анна Васильевна постоянно ссорилась с гувернанткой и не подчинялась ей. В 15 лет Анна Васильевна окончательно «вышла из повиновения», стала считаться взрослой и переселилась из детской комнаты в верхний этаж, где жила мать. Был в доме гувернер-поляк Малевич, который также занимался с Анной Васильевной ¹⁾, но влияния на нее почти не оказал. Музыке учили Анну Васильевну до 15 лет.

О детстве Анны Васильевны ее сестра замечает: «Анюта росла вольным казаком, не признавая над собою никакого начала. Ей был открыт свободный доступ в гостиную, и она с малолетства заслужила себе репутацию прелестного ребенка и привыкла занимать гостей своими остроумными, подчас очень дерзкими выходками и замечаниями». Она же была царицей на детских балах. С сестрой Софьей Анна Васильевна играла в хозяйку и прислугу, причем Анна Васильевна исполняла роль прислуги очень искусно ²⁾.

Гораздо печальнее оказалось положение Анны Васильевны, когда она подросла.

Местоположение Палибина на границе Литвы и России счень неблагоприятно отразилось на общении с людьми Корвин-Круковских. В Польше шло уже глухое брожение, вспыхнувшее восстанием в 1862—63 гг. Православного русского генерал-лейтенанта польские соседи-помещики не хотели знать, молодежи не было. Лишь изредка Анна Васильевна видела приезжавших к отцу исправника, акцизных чиновников, да евреев-скупщиков. Жил в доме по целым месяцам дядя, брат отца, лет 60, жену которого задушили за дурное обращение ее крепостные прислуги. Имение его было в 20 верстах, и потому он приезжал часто, сообщая за обедом новости науки, вычитанные им из иностранных журналов. Приезжал изредка из Петербурга другой дядя — молодой брат матери, но Анну Васильевну он развлекал мало ³⁾. Неизменный пасьянс и преферанс отца с гувернером Мале-

¹⁾ Указание Малевича.

²⁾ См. указанное выше письмо Ф. В. Корвин-Круковского, стр. 625—626.

³⁾ См. стенограмму автобиографического рассказа С. В. Ковалевской в «Русской старине», 1891, № 11, стр. 450.

¹⁾ В некрологе Анны Васильевны ошибочно указано, что первые годы жизни она провела в Палибине.

²⁾ См. упомянутые выше воспоминания Малевича и письмо Ф. В. Корвин-Круковского, стр. 624.

вичем наводил тоску. Одинокие прогулки по аллеям старинного парка, прогулки верхом также занимали мало. «Анна часто приходила к отцу, — рассказывает С. В. Ковалевская, — и со слезами на глазах упрекала его за то, что он держит ее в деревне». Раз в год на 1—1½ месяца отец отправлял ее с женой своей к теткам в Петербург погостить и повеселиться. Но женихов подходящих не находилось. «Чтобы хоть чем-нибудь наполнить пустоту своей жизни, сестра постоянно выдумывала себе какие-нибудь искусственные увлечения».

В доме была довольно большая библиотека, но преимущественно из иностранных книг; ни Пушкина, ни Лермонтова, ни Некрасова, по указанию Софьи Ковалевской, в ней не было. С русской поэзией дети знакомились по хрестоматии Филонова.

Анна Васильевна читала массу английских исторических романов и под влиянием мистического романа Бульвера «Гаральд» прониклась в 16 лет мистицизмом, поселилась в башне, имевшейся при доме, и подражала в самобичевании и самоотречении известному средневековому монаху, автору книги «Подражание Христу» Фоме Кемпийскому. Но это продолжалось недолго. Сыграв хорошо главную роль в домашнем спектакле, устроенном по поводу именин матери, Анна Васильевна почувствовала призвание быть актрисой и попросилась у отца учиться в театральную школу, но отец не пустил ее.

В такой атмосфере деревенского одиночества и деспотизма отца Анне Васильевне суждено было бы зачахнуть в полной бездеятельности, но общественная атмосфера России 50-х и начала 60-х годов была такова, что увлекла в новый мир и Анну Васильевну, а под ее влиянием и ее сестру Софью.

II. Знакомство с «нигилизмом». Начало писательства. (1863—64 гг.)

В те годы вся Россия бурлила. Крестьянство, забитое многовековым крепостничеством и обманутое «освобождением», поднимало стихийные бунты. Университетская молодежь, происходившая из небогатых помещичьих семей, разоренных «освобождением», и из детей мелкого чиновничества и духовенства, встречая со стороны правительства препятствия на своем пути к образованию, которое служило для нее единственным средством к материальному устройству жизни, впервые приступила к массовому политическому движе-

нию, поняв, что ее собственное будущее связано с необходимостью изменения всего политического и социального строя России. К движению примкнула и передовая женская молодежь, для которой знание той или другой профессии тоже стало насущной жизненной необходимостью, но которая не допускалась вовсе к высшему образованию под тем предлогом, что это противоречит ее «женственной природе». Желая доказать, что никакой особой «женственной природы» не существует и что женщины имеют такое же право на высшее образование, как и мужчины, молодые женщины стали стремиться к самостоятельному заработку, к освобождению от опеки семьи и даже по внешности начали подражать мужчинам: стали стричь волосы, просто одеваться и т. п. Во всех интеллигентных слоях русского общества начался семейный разлад между «отцами» и «детьми». Критика со стороны молодого поколения существующего и политического и бытового уклада жизни была названа «нигилизмом». «Нигилистами» слыли и писатели легальных журналов — М. И. Михайлов, Шелгунов, Чернышевский, Добролюбов, Писарев, и участники тайных революционных кружков — «Великорусс», «Земля и воля» и «Молодая Россия», и многие ученые, как И. М. Сеченов, И. И. Мечников и др.

Эти новые течения жизни достигли до Анны Васильевны в Палибине через посредство сына местного приходского священника. Попович этот по окончании семинарии отказался пойти в священники и против воли отца поступил на естественный факультет. В первый же свой приезд на каникулы летом 1862 г. в Палибино молодой студент заинтересовал Анну Васильевну тем, что держал себя независимо по отношению к ее всеильному в деревне отцу. Она начала с ним тайно встречаться на прогулках, слушала его рассказы о «тех великих людях, перед которыми благоговела вся тогдашняя молодежь», получала от него журналы «Современник» и «Русское слово» и даже лондонский «Колокол» Герцена.

К осени студент поссорился с отцом своим и был выгнан им из дома, но влияние на Анну Васильевну уже было произведено. Она изменилась даже наружно: начала одеваться просто, в черные платья, и волосы зачесывать назад под сетку, презрела балы и выезды и по утрам стала учить крестьянских ребятишек и на прогулках подолгу разговаривала с деревенскими бабами. Появилась у нее страсть к учению. Она стала выписывать целыми ящиками серьезные книги по

естествознанию и истории. Кузина Анны Васильевны Софья Аделунг в своих воспоминаниях о Софье Ковалевской между прочим сообщает, что Анна Васильевна в это время очень интересовалась естественными науками, и ее комната превращена была в «вивариум» для лягушек, кротов и других животных, сохранявшихся там для наблюдений. «Когда они распрыгались по всему дому, их изгнали совсем, к великому горю Анюты».

Аделунг приводит и письмо тетки от 26 июня 1862 г., где говорится, что «Анюта все время проводит у себя в комнате, изучает Аристотеля и Лейбница и целые листы заполняет выписками и рассуждениями. Никогда не гуляет. Только вечером ходит она по салону, углубленная в размышления»¹⁾.

Но при всем том окружавшая Анну Васильевну жизнь была «бледна и однообразна». Не было в ней «ни интересов, ни волнений, кроме тех, которые можно почерпнуть из книг»²⁾.

Наконец, Анна Васильевна потребовала от отца, чтобы он отпустил ее одну в Петербург учиться. Но отец не пустил ее, считая, что «долг всякой порядочной девушки жить со своими родителями, пока она не выйдет замуж»³⁾.

Яркий образ Анны Васильевны за год до этого периода рисует нам редактор «Русской старины» М. И. Семеvский, посетивший проездом ее семью зимой 1862—63 г.

Анне Васильевне «было лет 17 или 18⁴⁾. Стройная прекрасная блондинка, с синими, иногда как бы зелеными, глазами и дивною волнистою косою».

«Оживленная беседа в области литературы со старшей барышней (Анной Васильевной) восхищает нас: невольно дивишься, как под сенью деревенского дома, в глуши, в течение нескольких лет почти безвыездной жизни выросла такая прекрасная девушка: она вся дышит возвышенными идеалами жизни; чего-чего только она не перечитала на трех-четырех языках; какое близкое знакомство с историей, какая бойкость суждений в области философии и истории —

и все это проявляется в таких простых, очаровательных формах, и вас не гнетет вся эта начитанность, вся эта вдумчивость в прочитанное и изученное»¹⁾.

Из других источников мы знаем также, что Анна Васильевна имела большое влияние на развитие своей младшей сестры, будущей гениальной математички и талантливой писательницы, называющей Анну Васильевну своей «духовной мамой».

Под влиянием Анны Васильевны у Софьи развилась любовь к литературе, способность анализировать свой литературный мир и глубоко задумываться над вопросами жизни.

Охваченная влиянием идей, Анна Васильевна в 20 лет стала писать, и в рассказе «Сон» выразила все, что ее в то время волновало, а также свой протест против деспотизма отца.

Героиня рассказа Лиленька, дочь бедного учителя немецкого языка, занимавшаяся шитьем для заработка, живет среди людей пожилых, боящихся жизни и старающихся внушить страх к жизни и ей. Но ее томит однообразие жизни, и она тоскует по любви. Однажды на похоронах одного студента она знакомится с молодым студентом, но из-за предрассудков ее среды знакомство это обрывается на первой же встрече. И вот ночью после этой встречи ей снится сон: встретилась она с покойным студентом, сошлась с ним, и они живут с ним бедной трудовой, но счастливой жизнью. Под влиянием этого сна Лиленька стала сокрушаться о даром утраченной молодости, заболела и умерла²⁾.

Так как в июле 1862 г. передовые журналы того времени «Современник», «Русское слово», «День» были приостановлены на 8 месяцев вследствие начавшейся в то время правительственной реакции, можно было ожидать, что их при-

¹⁾ Как видно из дневника матери Анны Васильевны на французском языке, любезно предоставленного мне для просмотра Софьей Владимировной Ковалевской, зимой 1862—1863 г. М. И. Семеvский добивался «позволения бывать» в доме Корвин-Круковских, но отец Анны Васильевны не разрешил ему этого. Повидимому, Семеvский претендовал на то, чтобы стать женихом Анны Васильевны.

²⁾ Софья Ковалевская передает содержание этого рассказа в своих «Воспоминаниях детства» совершенно неправильно, слив его отчасти с содержанием другого рассказа Анны Васильевны «Михаил», который хотя имеет некоторое сходство с первым по фабуле, но все же содержит такие моменты, которых вовсе нет в «Сне». Мнимый пересказ Софьи Ковалевской по существу является новым рассказом ее собственного сочинения. Героиня его Лиленька не дочь бедного учителя и швея, а выходит из дому не иначе как в сопровождении горничной или лакея.

¹⁾ Sophie von Ade lung, Jugenderinnerungen an Sophie Kowalewsky. „Deutsche Rundschau“. Берлин. 1896. Том 89, стр. 396—397.

²⁾ См. Автобиография С. В. Ковалевской. „Русская старина“. 1891, № 9, стр. 449—463.

³⁾ См. „Воспоминания детства“ Софьи Ковалевской.

⁴⁾ Это неверно, ей было лет 20, так как она родилась в октябре 1843 г.

кроют совсем; так как в мае 1863 г. закрыт был журнал Достоевского «Время» за статью Страхова о Польше, Анна Васильевна тайно, через посредство экономки, послала свой первый рассказ в начавший выходить с января 1864 г. журнал Достоевского «Эпоха». Подписалась она псевдонимом Ю. О.—в, что означало «Юрий Орбелов». Так Анна Васильевна тайно от отца стала пробивать себе дорогу к самостоятельной жизни путем литературного заработка.

Ф. М. Достоевский нашел рассказ «чересчур наивным» и даже «с погрешностями против русской грамоты», но в то же время проникнутым «юношеской непосредственностью, искренностью и теплотой чувства» и обещал его напечатать «с удовольствием». Все это он писал ей в пространный письме, цитируемом в «Воспоминаниях» Софьи Ковалевской. Письмо адресовано было конспиративно на имя экономки с указанием действительного адресата лишь на внутреннем конверте.

Действительно, в № 8 «Эпохи» за 1864 г. напечатан рассказ «Сон».

Этот литературный успех сильно ободрил Анну Васильевну, и она в три недели написала другой рассказ «Послушник», который также послала Достоевскому.

Как видно из «Полного собрания писем Ф. М. Достоевского», изданного Госиздатом и любезно предоставленного мне для ознакомления еще в корректуре их редактором А. С. Долининым, рассказ очень понравился в редакции «Эпохи». Сообщая о том, что название «Послушник» было «забраковано» духовной цензурой и что «повесть напечатана в № 9 «Эпохи» под названием «Михаил», что «эту повесть духовная цензура первоначально запрещала и потому я должен был согласиться на многие вымарки и исправления», Достоевский затем добавляет: «Повесть ваша («Михаил») всем близким к редакции людям и постоянным нашим сотрудникам очень понравилась. Один из них (Страхов, он же пишет «Заметки летописца»), мнению которого я больше всех доверяю, находит у вас большое приращение (подчеркнуто здесь и ниже Достоевским) мастерство и разнообразие... Вам не только можно, но и должно смотреть на свои способности серьезно. Вы — поэт. Это уже одно многого стоит, а если при этом талант и взгляд (sic), то нельзя пренебрегать собою. Одно — учитесь и читайте. Читайте книги серьезные. Жизнь сделает остальное. Да еще надобно верить (sic!). Без этого ничего не будет...».

Рассказ напечатан в № 9 «Эпохи» за 1864 г. на первом месте¹⁾.

Герой рассказа «Михаил», сын богатого вельможи, остался рано круглым сиротой. Молчаливый и непохожий на других детей, он начал чахнуть, когда дядя-опекун на 12 году жизни отдал его в корпус. Тогда его взял к себе в лаврский монастырь другой дядя, старший брат отца, бывший когда-то большим жуиром, а потом, после ареста и 12-летней ссылки, постригшийся в монахи. В лавре Михаил живет с дядей, наблюдает холодную пустоту его души и все же сам становится послушником, хочет раздать свое имение нищим. Но вот лавру посещает одна старая княгиня с молодой дочерью Маней, которые оказываются старыми друзьями родителей Михаила. Беседа с княжной будит в Михаиле новые чувства, его начинает манить жизнь, и он возвращается в мир. Приехав к богатому дяде, у которого есть жуир-сын, он узнает, что прельстившая его княжна выйдет замуж за этого жуира. Он чувствует, что для жизни не годится («все корни подточены») и возвращается в монастырь к дяде-монаху, заболевает чахоткой и через три месяца умирает с «опустелым сердцем», «в тягостном душевном оцепенении» на «глазах у монахов и дяди-схимника, которые ничем не могут облегчить его предсмертных душевных страданий.

В лице Михаила и его дяди здесь даны типы «лишних» людей из дворян и такие факты из жизни дворянского класса, которые свидетельствуют о неизбежной его гибели.

При получении Анной Васильевной денег из «Эпохи» за ее рассказ 5—17 сентября 1864 г.²⁾ случилась беда. Пакет попал случайно прямо в руки ее отца, заставившего экономку вскрыть его при себе, и вся тайна раскрылась. Прочтя цитированное выше сопроводительное письмо Достоевского к Анне Васильевне и узнав, что его дочь получила деньги «от незнакомого мужчины», как какая-нибудь наемница, отец «чуть не умер на месте со стыда и отчаяния». Он сказал дочери: «Теперь ты продаешь свои повести, а придет, пожалуй, время, и себя будешь продавать». Он потребовал от

1) В некрологе Анны Васильевны в «Историческом вестнике» неправильно указано, что рассказы были напечатаны в 1861 г.

2) А. С. Долинин ошибается, относя это письмо к 14 декабря в редактированном им 1 томе писем Достоевского. Так как письмо было получено 5—17 сентября, в день именин матери Анны Васильевны — Елизаветы Федоровны, то письмо Достоевского могло быть им написано и отправлено в конце августа или в начале сентября 1864 г.

Анны Васильевны обещание, что она больше писать не будет, но Анна Васильевна не соглашалась, и они не разговаривали целыми днями. Лишь спустя несколько недель, под влиянием матери, которая тайно гордилась тем, что ее старшая дочь стала писательницей, отец согласился прослушать ее рассказ «Сон» в торжественной семейной обстановке. Так как этот печальный рассказ заключал в себе много автобиографического, то отец смягчился и разрешил ей писать Достоевскому и даже обещал лично с ним познакомиться при первой поездке в Петербург. Это была большая жертва со стороны генерал-лейтенанта артиллерии!

В январе 1865 г., отправляя жену с дочерьми в Петербург, где Анна Васильевна должна была встретиться с Достоевским, отец все же предупреждал: «Достоевский — человек не нашего общества. Что мы знаем о нем? Только то, что он журналист и бывший каторжник... Надо быть с ним очень и очень осторожным»...¹⁾.

III. Дружба с Ф. И. Достоевским. Первая поездка за границу. (1865—67 гг.)

Зиму с января 1865 г. Анна Васильевна вместе с 15-летней сестрой Соней и матерью до самого апреля 1865 г. прожила в Петербурге в гостях у теток Шуберт.

Повидимому молодая писательница не очень торопилась повидаться с Достоевским. Лишь спустя больше месяца после приезда она собралась написать Достоевскому и пригласить его к себе (о посещении Достоевского молодой девушкой 22 лет не могло быть и речи). Процитируем это письмо полностью, так как оно очень любопытно.

28 февр. Воскресенье

Петербург

Милостивый Государь

Федор Михайлович,

Я приехала на несколько дней с моей матерью в Петербург и пользуясь Вашим позволением, спешу дать Вам знать, что была бы чрезвычайно рада повидаться с Вами и познакомиться лично. Может быть Вы не откажитесь (sic!) зайти к нам на-днях, и в таком случае чрезвычайно обяжете.

¹⁾ Цитаты взяты из упомянутых выше «Воспоминаний детства» Софьи Ковалевской, а весь рассказ проверен по другим иностранным и русским источникам.

если дадите знать, — если возможно с этим посланным, — в какой день и когда Вы соберетесь (sic!), чтобы я могла Вас ожидать. Чем раньше назначите день, тем приятнее будет для меня.

Примите уверение в моем уважении

Анна Круковская.

Наш адрес: На Васильевском Острове, в (sic) 1-й линии, Дом (sic) Шуберта, квартира Фед. Фед. Шуберта¹⁾.

Как видим, молодая писательница действительно слаба в орфографии, которую мы сохранили полностью, исправив лишь письмо по новому правописанию в отношении пропуска твердых знаков и замены букв «ять» и «фита». Но при всем том Анна Васильевна была уже вполне определившимся в своем духовном развитии человеком, с довольно широким образованием и с определенной антипатией к «вере», в которой Достоевский видел тогда самое главное в жизни²⁾. Возможно, что именно совет Достоевского в письме, что «надобно верить, без этого ничего не выйдет», заставил Анну Васильевну воздержаться от немедленного приглашения его к себе по приезде в Петербург. Но в конце концов любопытство одержало верх, и он был любезно приглашен.

Во всяком случае тот образ Анны Васильевны, который дает Л. Гроссман в своей книге «Путь Достоевского» (Л. 1924), будто она в это время была красавицей «с фантастически гордым характером», «русалкой», «царицей балов», послужившей прототипом Достоевскому для создания Катерины Ивановны, отнюдь не соответствует действительности. Как увидим ниже, сам Достоевский также не воспринимал ее образа в таком извращенном виде.

Итак, первая встреча между Анной Васильевной и Достоевским, наконец, состоялась. Ей было 22 года, ему — 44. Месяцев за 10 до этого, в апреле 1864 г., он потерял свою первую жену, которая умерла. Повидимому Анна Васильевна

¹⁾ Письмо в подлиннике хранится в Пушкинском доме в Ленинграде. Корвин-Круковские гостили в доме отца Елизаветы Федоровны, матери Анны Васильевны. В письме дата по старому стилю. Год не указан. Это было в 1865 г. в самом начале его, так как рассказ «Михаил» напечатан осенью 1864 г., встреча же с Достоевским у автора произошла в первую же ежегодную поездку Корвин-Круковских в Петербург. Год указан и Софьей Ковалевской.

²⁾ Дочь Достоевского, Л. Ф., повидимому, со слов отца, тоже утверждает, что политические, нравственные и религиозные убеждения Корвин-Круковской были уже прочно установлены. См. «Достоевский в изображении его дочери Л. Достоевской». Гиз, 1922, стр. 55.

как женщина произвела на Достоевского с первого же взгляда большое впечатление, так как, несмотря на неудовлетворенность его первым визитом в присутствии матери Анны Васильевны и ее тетушек, он стал приходить очень часто, 3—4 раза в неделю, просиживал целые вечера, иногда далеко за полночь, «рассказывал содержание задуманных им романов, иногда сцены и эпизоды из собственной жизни» (в том числе о чувствах, испытанных перед расстрелом и при входе в «помиловании» каторгой) и о своих эпилептических припадках¹⁾. Но больше всего они спорили. «Постоянный и очень жгучий предмет спора между ними был нигилизм».

Мы знаем уже, что в ранней юности, лет 16, Анна Васильевна пережила кратковременное увлечение средневековой романтикой и испытала религиозный экстаз, теперь же, в качестве атеистки и «нигилистки», она считала религиозность и мистицизм Достоевского совершенно для себя неприемлемым и как уже пережитую ступень своего духовного развития.

Но и Достоевский, давно когда-то переживший увлечение атеизмом и утопическим социализмом и попавший за это на каторгу, тоже считал, что он стал выше нигилизма. Достоевский сам призывал теперь образованные классы к слиянию с народом, мир мещанства он ненавидел не меньше Герцена, к студенческому движению относился сочувственно и высоко ценил стремление женщин к высшему образованию²⁾.

При всем принципиальном различии взглядов спорить с Достоевским Anne Васильевне было очень интересно. Эти споры заставляли ее приводить все новые доводы в защиту своих атеистических и нигилистических взглядов, хотя и раньше она не все в «нигилизме» принимала, и она чувство-

¹⁾ См. об этом в «Воспоминаниях детства» Софьи Ковалевской и у Аделунг в указ. выше немецкой книге.

²⁾ Об отношении Достоевского к миру мещанства см. «Зимние заметки о летних впечатлениях» Достоевского, напечатанные в 1863 г. в журн. «Время», кн. 2—3.

«О сочувственном отношении Достоевского к студенческому движению 1861—62 гг. и о выступлении его в пользу их на литературно-музыкальном вечере» 2 марта 1862 г. см. воспоминания Н. Н. Страхова в «Полном собрании сочинений Ф. М. Достоевского». Том I. Биография письма и заметки из записной книжки. СПб. 1883, стр. 233.

Об отношении Достоевского к высшему женскому образованию см. Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, письмах и заметках. Составил Ч. Ветринский. М. 1912, стр. XXIX.

вала, что духовно растет в этих спорах. При этом раскрывалась перед нею полная противоречий душа Достоевского, который не даром не так еще давно, по выходе из каторги, писал Н. Д. Фонвизинной: «Я скажу вам про себя, что я — дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки. Каких страшных мучений стоила и стоит мне эта жажда верить, которая тем сильнее в душе моей, чем более во мне доводов противных»³⁾. К тому же недавнее свидание с Герценом в Лондоне, летом 1862 г., диалектически обострило мысль Достоевского по отношению к социализму.

Даже через 20 лет, вспоминая об этих спорах, Анна Васильевна «с большим чувством говорила о влиянии на нее Достоевского в ранней молодости, считая, что общение с ним много ценного в ней тогда пробудило, осветило ей многое в окружающей жизни, наметило ей впереди цели желанных достижений». Ей дорого было и то, что, несмотря на разницу лет, он спорил с нею «с трогательною добротою, как равный с равным... спорили... до крика»⁴⁾.

Достоевский также находил большой интерес в этих спорах. Он видел перед собою не девушку — «синий чулок», весь «нигилизм» которой проявляется главным образом во внешности, а широко и глубоко образованную девушку, которая, несмотря на то, что все воспитание ее «было направлено к тому, чтобы развить из нее блестящую светскую барышню»⁵⁾, всем нутром своим уже оторвалась от ограниченных узких интересов своей среды и жаждет подвигов во имя человечности, чего по существу желал и он сам, и притом эта девушка — талантливая писательница, творческие образы которой тоже произвели большое впечатление на Достоевского.

Года через полтора, уже сделав предложение другой молодой девушке, в которую он влюбился и которая скоро стала его женой, Достоевский отозвался об Anne Васильевне, несмотря на ее атеизм и «нигилизм», в следующих выраже-

¹⁾ Цитировано по книге Вл. Астрова «Не нашли пути». СПб. 1914, стр. 145. Раздвоение действительно продолжалось в Достоевском до смерти. См. его письмо 1880 г. к неизвестной адресатке в указ. выше книге Ч. Ветринского, стр. 298—299, написанное незадолго до его смерти.

²⁾ Цитата из неопубликованных записок Н. Д. Гизетти, урожденной Бекарюковой, писательницы (псевдоним ее — Т. Барвенкова), близко знавшей Анну Васильевну в 1834—86 гг.

³⁾ Слова Софьи Ковалевской.

ниях: «Анна Васильевна — одна из лучших женщин, встреченных мною в жизни. Она чрезвычайно умна, развита, литературно образована и у нее прекрасное доброе сердце. Это — девушка высоких нравственных качеств; но ее убеждения диаметрально противоположны моим, и уступить их она не может, — слишком уж она прямолинейна»¹⁾.

В этом отзыве об Анне Васильевне чувствуется уважение Достоевского к ее «убеждениям», несмотря на его несогласие с ними, и, конечно, образ «русалки» и «царицы балов», привнесенный сюда Л. Гроссманом, не имеет ничего общего с тем впечатлением об Анне Васильевне, которое она оставила в Достоевском на всю его жизнь.

Будучи очень впечатлительным и страстным («настоящий огонь», — говорили о нем и его родители), Достоевский сразу влюбился в Анну Васильевну и через два месяца после начала личного знакомства сделал ей предложение стать его женой. Обстоятельства, при которых это произошло, художественно описаны в «Воспоминаниях детства» Софьей Ковалевской, тогда 15-летним подростком, влюбленным в Достоевского, и мы не станем извращать это описание пересказом. Анна Васильевна отказалась выйти замуж за Достоевского, но, повидимому, отказалась в такой форме, что это Достоевского нисколько не обидело, и он продолжал еще питать надежду на принятие его предложения и сохранил с Анной Васильевной дружеские отношения.

У нас очень мало документов, свидетельствующих об отношениях Достоевского и Анны Васильевны непосредственно после апреля 1865 г., когда Анна Васильевна рассталась с Достоевским, уехав с сестрой и матерью обратно в Палибино.

Указание Софьи Ковалевской, будто Достоевский через 6 месяцев после отказа Анны Васильевны стать его женой, т. е. в октябре 1865 г., написал ей, что встретил Анну Григорьевну Сниткину и женится на ней, является ошибкой в дате²⁾. Это письмо не могло быть написано Достоевским раньше чем через полтора года после апреля 1865 г., так как мы знаем, что Достоевский признался Анне Васильевне в своей любви не позже апреля 1865 г., а от самой

А. Г. Достоевской³⁾, что Достоевский познакомился с нею 4 октября 1866 г., когда она начала у него работать в качестве стенографистки, и что она стала его невестой 8 ноября 1866 г. (в «Собрании писем Ф. М. Достоевского» под редакцией А. С. Долинина указанного Софьей Ковалевской письма нет вовсе).

С другой стороны, из письма отца Анны Васильевны, генерала Корвин-Круковского к Достоевскому от 14 января 1866 г. из Палибина, в котором он благодарит за «участие в литературных занятиях» его дочери, мы можем заключить, что в декабре 1865 г., до первых чисел января 1866 г., Анна Васильевна с матерью опять была в Петербурге и виделась с Достоевским. В этом письме генерал Корвин-Круковский пишет между прочим:

«По возвращении жены моей с дочерью из Петербурга они сказали мне, что Вы располагали приехать летом отдохнуть у нас в деревне. Конечно, мы все были бы этому рады»...⁴⁾.

Достоевский в письме к Анне Васильевне в Палибино от 17 июня 1866 г., написанном еще до знакомства с Анной Григорьевной, рассказывает ей о своих финансовых и литературных делах, выражает желание ее видеть, просит написать, когда именно она хочет приехать в Павловск⁵⁾, и «очень хочет погостить» в Палибине. Из письма можно заключить, что Достоевский еще добивается благосклонности Анны Васильевны⁶⁾.

В начале ноября 1866 г. Анна Васильевна писала Достоевскому из-за границы, куда она уехала в сопровождении матери и сестры вследствие своей болезни⁷⁾. Об этом письме Достоевский говорил своей стенографистке Анне Григорьевне за два дня до того, как сделал ей предложение, так что последняя даже приревновала Достоевского к Анне Васильевне, что она и отметила в своих «Воспоминаниях».

Здесь мы должны остановиться на одном пункте в отношениях Анны Васильевны к Достоевскому, который изображен в неправильном свете А. Г. Достоевской в ее «Воспоми-

¹⁾ См. «Письма Ф. М. Достоевского к жене». Гиз. 1926, стр. 312, примечание А. Г. Достоевской.

²⁾ Подлинник этого письма хранится в Пушкинском доме в Ленинграде.

³⁾ В Павловске жили родственники Анны Васильевны — Евреиновы.

⁴⁾ См. упомянутое «Полное собрание писем Ф. М. Достоевского» под ред. А. С. Долинина. Изд. Гиз.

⁵⁾ Письма этого мы не могли найти.

¹⁾ А. Г. Достоевская. Воспоминания. Гиз. 1925, стр. 47.

²⁾ Эту ошибку повторяет и Л. Гроссман в главе «Невеста Достоевского» в указанной выше книге, стр. 142.

нениях» и который, хотя и признан Л. Гроссманом «не совсем правильным», но совершенно им не выяснен.

А. Г. Достоевская пишет: «Как-то раз Ф. М. (Достоевский) подробно рассказал мне, как сватался к Анне Васильевне Корвин-Круковской, как рад был, получив согласие этой умной, доброй и талантливой девушки, и как грустно было ему вернуть ей слово, сознав, что при противоположных убеждениях их взаимное счастье невозможно ¹⁾».

И дальше А. Г. Достоевская передает опять подлинные якобы слова Достоевского об Анне Васильевне после получения им ее заграничного письма в ноябре 1866 г. «Навряд ли... наш брак мог быть счастливым. Я вернул ей данное слово и от всей души желаю, чтобы она встретила человека одних с ней идей и была бы с ним счастлива» ²⁾».

Отсюда можно заключить, что хотя бы короткое время Анна Васильевна была невестой Достоевского, что на его предложение стать его женой она ответила согласием и что сам Достоевский отказался потом на ней жениться.

Но все это совершенно не соответствует действительности. По свидетельству Софьи Ковалевской, Анна Васильевна сейчас же после предложения Достоевского стать его женой говорила ей: «Я, разумеется, очень люблю его и ужасно, ужасно уважаю. Он такой добрый, умный, гениальный. Но... я не так люблю его, чтобы пойти за него замуж... Ему нужна совсем не такая жена, как я. Его жена должна совсем посвятить себя ему, всю свою жизнь ему отдать, только о нем и думать. А я этого не могу, я сама хочу жить. К тому же он такой нервный, требовательный. Он постоянно как-будто захватывает меня, всасывает меня в себя; при нем я никогда не бываю сама собою» ³⁾».

При таком отношении к Достоевскому Анна Васильевна не могла ему ответить согласием на предложение стать его женой, и это несогласие не могло его обидеть, так как он, конечно, понимал, что говорит: «Я сама хочу жить», — Анна Васильевна выражала только органическую потребность в проявлении своей личности, составляющую смысл жизни каждого человека.

Уж наверно, если бы Анна Васильевна стала невестой Достоевского хоть в течение одного дня, это обстоятельство

было бы отмечено ее сестрой и стало бы известно и ее отцу. Между тем тон упомянутого выше письма генерала Корвин-Круковского к Достоевскому от 14 января 1866 г. позволяет понять, что отцу известно о любезном знакомстве его дочери с Достоевским, но не о будущих их родственных отношениях.

Письмо самого Достоевского к Анне Васильевне от 17 июня 1866 г., цитированное выше, также свидетельствует, что Достоевский домогается встречи с Анной Васильевной и хочет приехать к ней погостить. В нем нет ни одного слова, которое могло бы дать повод думать, что Анна Васильевна согласилась стать его невестой.

Отказ Анны Васильевны стать женой Достоевского был известен и посторонним лицам, как можно заключить из воспоминаний упомянутого выше М. И. Семевского. Последний пишет, что Анна Васильевна «стала кумиром Достоевского, горячо, глубоко, искренно любившего ее и безуспешно просившего ее руки».

Таким образом рассказ А. Г. Достоевской о согласии Анны Васильевны стать женой Достоевского и о возвращении ей последним «данного слова» можно объяснить двояко:

Или А. Г. Достоевская передает «подлинные слова» Достоевского, которые в действительности никогда им ей сказаны не были. Как увидим ниже, ее воспоминания весьма фантастичны и в некоторых других пунктах, касающихся Анны Васильевны.

Или Достоевский сознательно уклонялся от истины, когда говорил любившейся ему Анне Григорьевне, что получил согласие Анны Васильевны стать его женой, но вернул ей слово. Повидимому, он говорил это для того, чтобы, с одной стороны, повысить свои шансы в глазах Анны Григорьевны, которая была более чем вдвое моложе его, и с другой стороны — польстить ей же указанием, что она лучше Анны Васильевны, от которой он сам якобы отказался, несмотря на ее высокие качества. Что Достоевский был способен рассказывать о себе и не такие небывалые вещи, мы знаем из воспоминаний самой же А. Г. Достоевской о том, как он рассказал И. С. Тургеневу о мнимом изнасиловании им девочки, чтобы посмотреть, какое впечатление это произведет.

Во всяком случае, на основании документов и свидетельств Софьи Ковалевской и М. И. Семевского можно считать установленным, что Анна Васильевна никогда невестой Достоевского не была.

¹⁾ „Воспоминания“. Гиз. 1925, стр. 36.

²⁾ Там же, стр. 56.

³⁾ „Воспоминания детства“, „Вестник Европы“. 1890, № 8, стр. 638—639.

Н. Д. Гизетти в своих неопубликованных записках говорит по этому поводу следующее: «Этот брак для Анны Васильевны немислим был уже и потому, что, яркая энтузиастка-шестидесятница, она не могла бы поступиться своими «диаметрально-противоположными» убеждениями не только в угоду Достоевскому, высоко ею чтимому гениальному писателю и недавнему политическому мученику, но и человеку, которого полюбила бы, как это случалось тогда. В те времена это был вопрос чести для отстаивавшей в активной борьбе свое равноправие и самостоятельность женщины, а не только вопрос, будет ли счастье. И не одной личной «прямолинейностью» решались подобные вопросы».

Вопреки Н. Д. Гизетти, я полагаю, что «противоположные убеждения» не играли в отказе Анны Васильевны стать его женой, как и в том факте, что он «горячо, глубоко-искренно полюбил ее», никакой роли. Сама Анна Васильевна ничего не говорит о своем отрицательном отношении к убеждениям Достоевского. Это отношение не мешало ей дружить с ним до конца его жизни. Если при всей противоположности убеждений Достоевский мог полюбить Анну Васильевну и даже после своей женитьбы на другой женщине отзываться о ней с величайшим уважением, значит и он считал, что ее «противоположные убеждения» достойны уважения. «Принципиальная противоположность убеждений» в качестве препятствия к браку с Анной Васильевной только впоследствии, уже после отказа стать его женой, была выдвинута Достоевским для объяснения А. Г. Достоевской неудачи его сватовства к Анне Васильевне как лисий довод в басне о лисе и винограде: «На взгляд-то он хорош, да зелен». Фактически «принципиальная противоположность убеждений», как увидим ниже, отнюдь не мешала продолжению дружбы Достоевского с Анной Васильевной, чего обычно не бывает, когда «противоположность убеждений» перевешивает все духовные связи, как не было и с Достоевским в другом случае, при встрече его в 1867 г. с И. С. Тургеневым, о котором Достоевский писал, что «он слишком оскорбил меня своими убеждениями».

Но вернемся к Анне Васильевне.

С осени 1866 до осени 1867 г. Анна Васильевна провела за границей. Кузина ее Аделунг сообщает, что в 1866 г. мать Анны Васильевны и сестра последней заезжали проездом в Штутгарт и останавливались в семье Аделунгов. В ноябре 1866 г., как мы уже знаем, Анна Васильевна писала Достоев-

скому из-за границы. Осенью 1867 г., как сообщает Малевич, Анна Васильевна с сестрой и матерью уехала в Петербург¹⁾.

Мы не знаем, встречалась ли Анна Васильевна в конце своего пребывания в Швейцарии с Достоевским, приехавшим с женой из Бадена в Женеву 13—25 августа 1867 г.²⁾ и прожившим за границей до июля 1871 г. Встречи Достоевского с Анной Васильевной в Швейцарии в конце августа и в начале сентября 1867 г. могли быть, хотя жена Достоевского о них не упоминает, говоря, что Достоевский познакомил ее с Анной Васильевной лишь через 6 лет после их брака (здесь неточность, так как это знакомство могло произойти не раньше чем через 8½ лет после их брака, в сентябре 1875 г.). Во всяком случае мы в праве думать, что за год пребывания своего за границей Анна Васильевна получила добавочный революционный заряд, заразив им и свою сестру, так как подруга Софьи Ковалевской Леффлер со слов последней сообщает, что зимою 1867—1868 г. «обе сестры очень увлекались новыми идеями и мечтами о перевороте в обществе»³⁾.

За границей, главным образом в Швейцарии, центре тогдашней русской эмиграции, Анна Васильевна пробыла, как мы видели, с начала сентября 1866 г. до осени 1867 г., т.-е. как раз то время, когда там произошли 1-й и 2-й конгрессы Интернационала (в Женеве в начале сентября 1866 г. и в Лозанне в начале сентября 1867 г.) и 1-й конгресс Лиги мира и свободы, на котором выступил Бакунин, отрекшийся уже совершенно от своего славянского мессианизма и полагавший, что «Запад должен определить (sic) Россию по части социальной революции», и возлагавший особые надежды на романские народы. Реакция в России, начавшаяся после покушения Каракозова на Александра II 4 апреля 1866 г., несколько не смущала Бакунина. Он говорил: «Я никогда не верил в правительственный прогресс, ни в государственный социализм, я рад, что правительство и государство выходят откровенно наружу, оказываются тем, чем они долж-

1) См. И. И. Малевич. Воспоминания. „Русская старина“, 1890, № 12, стр. 615—654. Точность дат здесь достовернее, чем в других воспоминаниях о семье Корвин-Круковских.

2) См. Итинерарий к заграничному путешествию Ф. М. и А. Г. Достоевских в 1867 г. по „Дневнику А. Г. Достоевской“ в книге „Письма Ф. М. Достоевского к жене“. Гиз. 1926, стр. 380—381.

3) См. Софья Ковалевская. Воспоминания А. К. Леффлер, герцогини ди-Кайянелло. „Северный вестник“, 1892, № 9—12. То же в отдельном издании. Спб. 1893.

ны быть. Как ни тупо еще сознание в русском народе, пробудится, наконец, и оно; а так как в нашем государстве нет ничего органического, — все только дело механики, — лихо только будет ломке начаться, ничто потом не остановит ее: империя лопнет, — в этом я не сомневаюсь, желаю только, чтобы лопнула она при нас»¹⁾.

Конгрессы Интернационала и выступление Бакунина и других русских в Лиге мира и свободы составили злобу дня для всех газет, и можно предположить, что вопросы, обсуждавшиеся на этих конгрессах, еще укрепили в Анне Васильевне ее «нигилизм» и симпатии к революции.

IV. Встречи с «нигилистами» и революционерами. «Эмансипация» от семьи (зима 1867—68 г. — весна 1869 г.)

Но прежде всего Анне Васильевне надо было вырваться из «гнетущей, мешающей жить искренно и серьезно палибинской обстановки»²⁾ и освободиться от опеки семьи. Средством для этого мог служить только фиктивный брак с таким человеком, который предоставил бы ей полную свободу устроить свою жизнь по-своему. Фиктивные браки в те годы были обычным средством освобождения передовых девушек от власти родителей. «Мы ищем людей, подобно нам, горячо преданных делу, чьих принципы были бы тождественны с нашими, которые не женились бы на нас, а освободили бы, сознавая, что мы необходимы, будучи полезны в настоящей обстановке»...³⁾.

И вот Анна Васильевна начала искать среди знакомых такого человека, с которым она могла бы вступить в фиктивный брак.

«Когда трем или четверем из нас, молодежи, — писала впоследствии об этом периоде своей жизни С. В. Ковалевская, — случалось где-нибудь в гостиную встретиться впервые среди целого общества старших, при которых мы не смели громко выражать своих мыслей, нам достаточно было

намека, взгляда, жеста, чтобы понять друг друга и узнать, что мы находимся среди своих, а не чужих. И когда мы убеждались в этом, какое большое, тайное, непонятное для других счастье доставляло нам сознание, что вблизи нас находится этот молодой человек или эта молодая девушка, с которыми мы быть может раньше и не встречались, с которыми мы едва обменивались несколькими незначительными словами, но которые, как мы знали, одушевлены теми же идеями, теми же надеждами, тою же готовностью жертвовать собой для достижения известной цели, как и мы».

Такого единомышленника сестры Корвин-Круковские встретили прежде всего в лице Владимира Онуфриевича Ковалевского¹⁾.

Это был сын небогатого помещика Витебской губернии, прекрасно знавший иностранные языки и с 16 лет зарабатывавший на жизнь переводами для книгопродавцев Гостиного двора. В 1861—63 гг. он побывал в Германии, Франции и Англии, и в Лондоне, между прочим, давал уроки детям Герцена. Он близко знаком с такими вождями «нигилизма», как писатели Шелгунов и Михайлов, член «Земли и воли» доктор Боков и проф. Сеченов. Он принял участие в польском восстании 1863 г. и с этого же года в Петербурге стал издателем естественно-научных иностранных книг, которые сам же большею частью и переводил. Зимой 1866—67 г. он поехал

¹⁾ По рассказу Леффлер, Анна Васильевна с сестрой и еще одной молодой девушкой — Инной Лермонтовой — явились прежде всего с предложением фиктивного брака к одному молодому профессору университета, но получили от него отказ. Этот рассказ неверен, так как из писем 1868 г. В. О. Ковалевского и сестер Корвин-Круковских (о них еще будет речь ниже) видно, что с Лермонтовой они познакомились уже после того, как Софья Васильевна Корвин-Круковская вышла замуж за В. О. Ковалевского. Леффлер ошибается также, называя Лермонтову Инной. Ее звали Юлией Всеволодовной. Ю. В. Лермонтова родилась в Петербурге 21 декабря 1846 г. и получила домашнее образование. Живя в 60-х годах в Москве, она вступила в переписку с А. М. Евреиновой и сестрами Корвин-Круковскими по вопросу о поступлении в университет. В 1869 г. ей удалось поехать за границу, и она училась 3 года в Гейдельберге, живя вместе с С. В. Ковалевской, и затем 2 года в Берлине. Работала у Бунзена и Гофмана по химии и получила диплом доктора химии в Геттингене в 1874 г. Затем работала в лабораториях Бутлерова в Петербурге и Морковникова в Москве и напечатала ряд статей по химии, в частности по перегонке нефти. В 1884 г. она вынуждена была оставить занятия по химии «по трудности найти применение своих знаний» (так ценило самодержавие царя ценных специалистов) и поселилась в своем имении, где занялась сельским хозяйством. (Настоящие сведения взяты из краткого жизнеописания Ю. В. Лермонтовой, составленного, повидимому, ею самой и переданного мне Софьей Владимировной Ковалевской).

¹⁾ Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. Женева. 1896. Биографическое введение М. Драгоманова, стр. СII.

²⁾ Выражение С. В. Ковалевской в одном ее письме к Анне Васильевне в октябре 1868 г. и подчеркнуто ею же.

³⁾ Выражение ровесницы Анны Васильевны и ее кузины и близкой подруги А. М. Евреиновой в ее письме к Ю. В. Лермонтовой от 1 июня 1868 г. Письма С. В. Ковалевской, А. М. Евреиновой и Анны Васильевны Корвин-Круковской-Жаклар в подлинниках переданы были мне дочерью С. В. Ковалевской — Софьей Владимировной.

в качестве корреспондента «С.-Петербургских ведомостей» на войну, которая велась между Австрией, Пруссией и Италией», и состоял в штабе Гарибальди, двинувшегося с отрядом волонтеров в итальянский Тироль¹⁾. В. О. Ковалевский зимой 1867—68 г., не оставляя издательского дела, решил серьезно заняться наукой (впоследствии он стал профессором палеонтологии в Московском университете с 1881 г.), узнав про необычайную любовь к науке сестры Анны Васильевны Софьи, согласился стать фиктивным мужем последней, чтобы помочь ей уехать за границу учиться.

В. О. Ковалевский нашел в сестрах Корвин-Круковских «личностей, далеко не обыкновенных»... «Это сильно работающие и замечательно развитые существа»...²⁾. В частности про свою будущую жену он пишет: «Я со всею своею опытностью в жизни, с начитанностью и натертостью не могу и в половину так быстро схватить и разбирать разные политические и экономические вопросы, как она»³⁾.

Встретив сопротивление со стороны отца сестер Корвин-Круковских, В. О. Ковалевский, по соглашению с ними, решил «крупно компрометироваться», и вот в мае 1868 г., за день до отъезда из Петербурга в Палибино, Софья Васильевна «убежала» к нему на квартиру «и сказала, что не поедет домой; приехала мать, была сцена, слезы... но, наконец, она уехала, но нас обещали поженить осенью»⁴⁾.

Вместе с сестрами Корвин-Круковскими В. О. Ковалевский еще в Петербурге учился физиологии и редактировал печатавшиеся у него переводы Дарвина. Около 25 июня 1868 г. он поехал к ним на 3 недели в деревню, и там они продолжали заниматься еще более усидчиво, не менее 6 часов в день, причем занимались математикой, физикой, органической химией и опять редактированием⁵⁾.

Сближение с В. О. Ковалевским оказало плодотворное влияние на Анну Васильевну и ее сестру, сразу поставив их в центре тогдашнего передового Петербурга. Это ясно видно из писем тех лет В. О. Ковалевского¹⁾, Анны Васильевны и ее сестры, а также их кузины и подруги Анны Михайловны Евреиновой, дочери инженер-генерал-лейтенанта, коменданта Петергофа, бывшей всего лишь на 1 год моложе Анны Васильевны и также страстно стремившейся вырваться из-под семейной опеки, чтобы уехать за границу учиться. Впоследствии А. М. Евреинова добилась своей цели, первая из русских женщин получила ученую степень доктора прав в Лейпциге и с 1885 по 1890 год издавала журнал «Северный вестник».

Наиболее часто, повидимому, Анна Васильевна встречалась с сестрой сосланного на каторгу распространителя подпольных листов «Великоросс» — Марией Александровной Обручевой²⁾, которая для получения самостоятельности вышла фиктивно замуж за готовившего ее к экзамену на аттестат зрелости молодого врача Петра Ивановича Бокова, личного друга Чернышевского и члена «Земли и воли». Боков и его жена были людьми нового быта не на словах, а на деле. Их фиктивный брак перешел в настоящий, так как они полюбили друг друга. Но вскоре М. А. Бокова, слушая лекции по физиологии профессора Сеченова, одного из виднейших представителей научного материализма в России, сблизилась с ним, и Боков дал ей полную свободу, оставшись ее другом на всю жизнь. Более того, полюбивши в свою очередь другую женщину, Боков поселился с нею на одной квартире с Сеченовым и Марьей Александровной. В романе «Что делать?» Чернышевский в 1862—63 гг. под именем Лопухова, как образец человека нового быта, изобразил Бокова³⁾. Мария Александровна переводила для издательства В. О. Ковалевского «Жизнь животных» Брэма⁴⁾ и, повиди-

1) Письма В. О. Ковалевского к брату хранятся в Комиссии по истории знаний Академии наук СССР.

2) Вероятно, по рассеянности В. О. Ковалевский называет ее в письмах Марьей Алексеевной, но в письмах С. В. Ковалевской и А. М. Евреиновой она именуется Марией Александровной или просто «Машей».

3) Впервые историю М. А. Сеченовой я узнал 30 декабря 1928 г. в Москве от Софьи Владимировны Ковалевской. О Бокове см. также: С. Султанов. Герой «Что делать?» — в «Утре России». 1914, №№ 36 и 55 и в хрестоматии Т. А. Богданович. Любовь людей 60-х годов. Л. 1929, стр 58—61.

4) См. об этом С. И. Пономарева. Наши писательницы. СПб. 1891. стр. 78.

1) О В. О. Ковалевском см. книгу А. А. Борисяка «В. О. Ковалевский. Его жизнь и научные труды». Изд. Акад. наук СССР. 1928, а также «Детели революц. движения в России». Т. I. Часть II. М. 1923. Здесь указана литература о нем. Что В. О. Ковалевский был настроен революционно, видно из его письма к брату от 9 окт. 1869 г. из Парижа, где он отрицательно отзывался о «буржуазных взглядах» Вырубова и о равнодушии последнего к «рабочему вопросу».

2) См. письмо В. О. Ковалевского к брату от 11—23 мая 1868 г.

3) Письмо без точной даты, которое надо отнести к началу июня 1868 г.

4) См. там же.

5) См. письмо от 28 июня 1868 г.

мому, была очень дружна с В. О. Ковалевским, так как именно она убрала квартиру Ковалевских до приезда их в Петербург после их фиктивного брака в Патибине 15 сент. 1868 г.¹⁾ Мария Александровна училась в Гейдельбергском университете и впоследствии была врачом-окулистом. Официально Мария Александровна продолжала носить фамилию Бокова, о чем можно заключить из того, что Иван Михайлович Сеченов, фактический муж ее, считался одно время возможным кандидатом для фиктивного брака с Анной Васильевной Корвин-Круковской, но не согласился на это²⁾.

Как видно из письма В. О. Ковалевского к брату в Неаполь от 11—23 мая 1868 г., он и Бокова начали встречаться с сестрами Корвин-Круковскими зимой 1867—68 г. у Сусловой, которую сестры Корвин-Круковские посещали тайно от родных, уезжая из дому под предлогом всенощной.

Надежда Прокофьевна Суслова, дочь бывшего крепостного крестьянина, впоследствии владельца ситцебумажной фабрики, была ровесницей Анны Васильевны Корвин-Круковской. Она была вольнослушательницей в медико-хирургической академии, где занималась под руководством Сеченова. С 1864 до 1867 г. она училась на медицинском факультете в Цюрихе³⁾ и вскоре вышла замуж за профессора Эрисмана. Она первая из русских женщин сдала экзамен на доктора медицины, хирургии и акушерства в Цюрихе и в Петербурге⁴⁾ и, повидимому, бывая в Петербурге, часто встречалась с сестрами Корвин-Круковскими и с А. М. Евреиновой, а из-за границы переписывалась с ними. Так, в письме к Ю. В. Лермонтовой от 23 июня 1868 г. А. М. Евреинова упоминает, что Н. П. Суслова-Эрисман писала ей и сестрам из Вены: «Мы успели с ней сойтись, точно знали век друг друга». Впоследствии, когда Ковалевские собирались весной 1869 г. уехать за границу, их квартира должна была перейти к той же Сусловой⁵⁾, собиравшейся открыть в Петербурге женскую клинику. Это была одна из первых русских нигили-

сток. У нее была сестра, Аполлинария Прокофьевна, тоже нигилистка, оказавшая некоторое влияние на Достоевского.

Судя по письмам А. М. Евреиновой и сестер Корвин-Круковских тех лет, у В. О. Ковалевского бывали: его брат Александр Онуфриевич Ковалевский, зоолог, впоследствии академик, «нигилист сильный», как характеризует его С. В. Ковалевская, затем Илья Ильич Мечников, известный биолог, открывший фагоциты («надежд на него никаких не может быть как на фиктивного мужа, — пишет про него С. В. Ковалевская 17 и 20 сентября 1868 г.), известный своими передовыми убеждениями доктор Белоголовый, жена помощника профессора физики в университете Фан-дер-Флита «из нигилистического кружка»¹⁾, и другие.

Из революционеров, причастных к подпольной работе, кроме д-ра Бокова, с В. О. Ковалевским были близки по его издательским делам управляющий книжным магазином и библиотекой для чтения Черкесов и его помощник по магазину В. Я. Евдокимов. Как увидим дальше, А. М. Евреинова перед своей поездкой за границу обращалась к Евдокимову за помощью и писала ему из Берлина. А. М. Евреинова была также одной из корреспонденток литературного критика и революционера П. Н. Ткачева по поводу его статей о женском вопросе и завязала с ним и личное знакомство.

В письме от 15 ноября 1868 г. она сообщает Ю. В. Лермонтовой: «Вы пишете мне про статью Ткачева. Действительно эта статья того самого, которого знаю и всякий раз, что бываю в Петербурге у сестер²⁾, всегда урываюсь и к нему. У него могу я встретить людей, которые бы охотно оказали услугу освободить нас. Личность эта далеко не обыкновенная, но хорошая и глубоко сочувствующая женскому делу. Крайний радикал по убеждениям и вообще мы сходимся, очень сходимся во многом, касающемся дела. Познакомилась я с ним именно вследствие названной вами статьи. По прочтении ее в майской и июньской книжках «Дела»³⁾ я нашла должным заявить ему полное и искреннее сочувствие, как женщина, борцом за которую он так выказал

¹⁾ Об этой уборке упоминает 17 сент. 1868 г. С. В. Ковалевская в письме к Анне Васильевне и А. М. Евреиновой.

²⁾ См. письмо С. В. Ковалевской от 17 и 20 сент. 1868 г.

³⁾ См. Статистические сведения о женщинах, учившихся в швейцарских университетах и в Париже в „Первом женском календаре“, Ариян. 1899, стр. 139—142.

⁴⁾ См. об этом упоминание в статье Герцена „Женщина и священник, приобщенные к правам человека“. Сочинения Герцена, том XX, стр. 372.

⁵⁾ См. об этом в письме С. В. Ковалевской к сестре и А. М. Евреиновой в письме от 17 сентября 1868 г.

¹⁾ См. письмо С. В. Ковалевской к сестрам без даты—от начала октября 1868 г. в „Голосе минувшего“. 1916, № 3, стр. 229.

²⁾ Разумеются сестры Корвин-Круковские.

³⁾ Речь идет о статье Ткачева „Люди будущего и герои мещанства“, но указание А. М. Евреиновой, что статья эта напечатана в майской и июньской книжках „Дела“, неверно, так как фактически она напечатана в апреле и мае 1868 г.

себя. На это письмо получила я от него славное письмо, в котором, изливая свою благодарность за сочувствие мое к нему, очень просил устроить знакомство с ним. Таким образом приобрела я участие и расположение к нам и я надеюсь, что это будет не бесполезно для нас... С нетерпением ожидаю я появления в печати одной его переводной работы «Рабочий вопрос»¹⁾.

Как видно из письма А. М. Евреиновой от 13 апреля 1869 г., она была знакома и со студентом Языковым (даже предполагала выйти за него фиктивно замуж), который «отправляется навсегда в Америку, чтобы устроить там русскую колонию для молодых людей, которым обстоятельства мешают развиваться».

Так как А. М. Евреинова жила общею духовною жизнью с сестрами Корвин-Круковскими и с В. О. Ковалевским, то несомненно, что и последние были осведомлены обо всем, что касалось знакомых А. М. Евреиновой.

Повидимому сестры Корвин-Круковские и А. М. Евреинова внимательно следили за всем, что касается политики. Так, в письмах С. В. Ковалевской и А. М. Евреиновой к Ю. В. Лермонтовой мы встречаем упоминания в январе 1869 г. о студенческих волнениях в Петербурге. В письме от 6 мая 1868 г. А. М. Евреинова пишет, что «убеждена, что только научно-экономическим путем возможно достичь переворота к лучшему. В дальнейшем у нас (разумеются и сестры Корвин-Круковские. И. К—В.) имеется в виду много проектов, в которых ассоциационное начало пока преимущественно избрано нами как самое доступное переходное состояние для массы».

В другом письме от 23 июня 1868 г. она же пишет: «Неопровержимая аксиома политической экономии это, что единственный регулятор в определении богатства — это труд. Последний находится в рабской зависимости от капитала, — честные научные люди поняли, что первая забота их должна заключаться в освобождении труда, так как иначе регулируется он неверно». Наконец, в третьем письме от 15 ноября 1868 г. она пишет: «Напрасно думаете

¹⁾ Разумеется переведенная Ткачевым книга Бехера „Рабочий вопрос в его современном значении и средства к его разрешению“. По показанию В. Черкесова Максму Неттлау, П. Н. Ткачев в 1868 г. состоял в Петербурге в революционном подпольном кружке. См. М. Nettlau. Bakunin und die russische revolutionäre Bewegung in den Jahren 1868—73“ в „Архиве“ Грюнберга, т. V, стр. 376.

вы, что трудно приложить к делу знание политической экономии; напротив, трудно, если не сказать невозможно, предпринять что-либо практическое без знания начал и законов, руководствуясь которыми единственно и возможно не заходить в своих предприятиях в область утопий. Почва, исследование которой и затем разработка представляет всякому желающему применить свое знание по этой науке широкое поле и готовый сырой материал, — это наши русские артели».

Как видно из этих выписок, сестры Корвин-Круковские и А. М. Евреинова вполне стояли на уровне социалистических идей 60-х годов, легших через несколько лет в основу народничества. Но возможно, что от Ткачева они слышали и о Марксе, так как Ткачев еще в 1865 г. в статье в «Русском слове» (№ 12) делал ссылку на предисловие «К критике политической экономии» Маркса, где вкратце изложена теория исторического материализма, и затем проводил идеи этого предисловия и в других статьях.

В марте 1869 г. Ткачев выпустил в Петербурге прокламацию «К русскому обществу»¹⁾ и вскоре был арестован, но в письмах А. М. Евреиновой и сестер Корвин-Круковских нет упоминания об этом.

В письме от 6 мая 1868 г. А. М. Евреинова также сообщает, что она и Анна Васильевна изучили стенографию, «которая как мне, так и для занятий моей сестры (разумеется Анна Васильевна. И. К—В.) чрезвычайно сокращает время при наших письменных занятиях». Предполагалось ими спользовать стенографию и для заработка, так как одно время у них был проект бежать из семьи. Но без паспорта выйти оседло было невозможно, а потому у них явился другой план — под видом паломничества по монастырям совершить длительное путешествие по России и познакомиться с условиями жизни народных масс. В начале января 1869 г. решено было уехать за границу, причем об Анне Васильевне и кузина пишет в письме, относящемся к этому времени: «Анюта поедет во Францию познакомиться и исследовать социальное движение, где в настоящее время появилось много хороших личностей и движение там всего сильнее, так что поездка ее будет не бесполезна». А. М. Евреинова с Анной Васильевной предполагали жить в Париже переводчицами для

¹⁾ См. Куклин. Итоги революционного движения в России за 40 лет. СПб. 1903. Примечания. Стр. 201.

В. О. Ковалевского, который заверил их, что может дать им работы на 1.000 рублей в год, причем переводить они будут с помощью стенографии, а на 1.000 рублей в Париже прожить в год вдвоем можно. Затрудняла их лишь мысль о том, успеют ли они при усиленном труде над переводами заняться еще учением¹⁾. Наконец, в марте 1869 г. Анна Васильевна решила поехать в Париж «совершенно одна в надежде, еще далеко неверной, найти себе там занятие и извлечь из этого пользу для своей литературной деятельности, а осенью снова начнется та же история, т.е. родители будут требовать, чтобы она вернулась к ним, а она будет отказываться. А между тем как бы плодотворно могла быть для ее таланта поездка по России под предлогом посещения монастырей, о которой она мечтает вот уже пять лет»²⁾.

Как видно из последнего замечания С. В. Ковалевской, в планах Анны Васильевны об устройстве ее жизни значительную роль играло и ее желание писать. «При такой обстановке»³⁾, — пишет об Анне Васильевне в письме от 1 июня 1868 г. Евреинова, — она слишком отделена от действительности практической жизни, вследствие чего и типы, долженствующие выражать ее стремление и направление, не могут быть достаточно живо воспроизведены. Перемена обстановки, основательное изучение начал общественности и общение с людьми вообще это по-моему для нее насущная потребность. Первое, т.е. другая обстановка, необходимо для второго и третьего. Потому что даже самые созданные и не скопированные ею типы в настоящее время выражают только ту ступень, до которой она дошла в уяснении себе тех принципов, которые должны заменить все устарелое и вредное, следовательно, дают только предчувствие о ее будущих созданиях». Затем А. М. Евреинова сообщает о напечатанных в «Эпохе» повестях «Послушник Михаил» и «Летний вечер»⁴⁾: «В последней, впрочем, уже предчувствуется ее настоящее направление и стремление к иной, новой жизни. Писала она под псевдонимом Ю. О-в. После этого она вздумала попытаться

1) См. письмо А. М. Евреиновой от февраля 1869 г.

2) См. письмо С. В. Ковалевской к Ю. В. Лермонтовой от конца марта 1869 г.

3) Разумеется обстановка в семье в Палибине и в Петербурге у тетушек.

4) В «Эпохе», как мы видели выше, напечатаны только две вещи за подписью Ю. О-в: «Михаил» и «Сон». Так как действие в рассказе «Сон» происходит в летний вечер, то, вероятно, Евреинова сочла это за заглавие рассказа.

свою силу в комедии и написала их несколько. Но все как-то не успевала в этом до последней, которую в настоящую минуту перечитывает одна из наших актрис, долженствующая исполнять в ней главную роль. Во всяком случае раньше осени мы не узнаем результатов этой попытки, так как выбор новых пьес для постановки на сцене производится цензурным комитетом обыкновенно осенью». В письме от 23 июня 1868 г. на вопрос своей адресатки Ю. В. Лермонтовой о комедии Анны Васильевны, А. М. Евреинова сообщает ей: «Актриса, прочитав, посоветовала обратиться к одному из цензоров театрального комитета и осталась в восторге от пьесы. Теперь хлопоты по этому будут лежать на мне, и я на-днях примусь за это дело. Название этой комедии «В глуши», но советуют переменить это название, потому что пьеса такого же имени, говорят, когда-то отвратительно шла в одном из театров, так что впечатление произвела самое неблагоприятное».

Итак, мы узнаем, что до лета 1868 г. Анна Васильевна написала несколько пьес комедийного характера. К сожалению, никаких сведений об их судьбе мы не имеем. Повидимому, цензура их не разрешила к представлению на сцене. Цензурные препятствия должны были еще более увеличить стремление Анны Васильевны уехать за границу.

Впрочем, мы имеем одно свидетельство, явно указывающее, что стремление Анны Васильевны за границу вызывалось прежде всего ее революционными планами. Подруга С. В. Ковалевской — известная польская революционерка Мария Викентьевна Залесская, по мужу Мендельсон, а по революционной фамилии — Янковская, рассказывает об этом со слов С. В. Ковалевской следующее: «Начитавшись тайком революционных брошюр (Анна Васильевна), намеревалась не более не менее, как ниспровергнуть старый буржуазный строй и перевернуть вверх ногами всю Европу»...¹⁾. Эти планы Анны Васильевны, как мы видели выше, были вполне согласны с тогдашней идеей Бакунина, что революция должна охватить сначала Западную Европу, где для революции почва уже готова, а это должно увлечь и народные массы России.

1) См. Мария Мендельсон. Воспоминания о Софье Ковалевской. «Современный мир». 1912, № 2, стр. 144.

щин»¹⁾, и это, конечно, еще более должно было заинтересовать Анну Васильевну личностью Андре Лео.

В Париже Анна Васильевна могла узнать, что Андре Лео, кроме всего, еще и социалистка, так как последняя поместила в женевской бакунинской газете «Egalité» свое profession de foi, очень умеренное, заставившее Бакунина обозвать ее «буржуазной социалисткой» и заявить, что она не будет сотрудничать его газеты²⁾.

Это был период, когда Бакунин, живя в Женеве, развил особенно энергичную переписку с французскими деятелями Интернационала, тайно состоявшими членами бакунинского «Интернационального братства», ставившего себе целью использовать Интернационал для бунтарских предприятий, и начал готовить совершенно новую организационную и пропагандистскую кампанию среди членов Интернационала во Франции. Его газета «Egalité» тайно ввозилась во Францию эмигрантами и усердно читалась членами Интернационала, так как официально она считалась органом романской секции Интернационала в Швейцарии³⁾.

Андре Лео сблизилась в это время с одним из основателей Интернационала в Париже Бенуа Маломом, который как раз в это время руководил кооперативной бакалейной лавкой в Пюто и там же был секретарем местной секции Интернационала. Малон происходил из бедной крестьянской семьи и сначала учился у своего старшего брата, который был учителем сельской школы, но еще мальчиком ушел в Париж и здесь работал ряд лет в качестве поденщика, носильщика, затем стал красильщиком. Все это время он усердно читал книги, сочинял стихи и занимался общественной работой. В 1865 г. он подружился с рабочим Варленом, основателем и душой Интернационала во Франции, и стал также одним из пропагандистов последнего. В 1866 г. он был делегирован на женевский конгресс Интернационала, затем, как мы уже указали, руководил кооперативной бакалейной лавкой в Пюто и там же был секретарем секции Интернационала. В 1868 г. по второму процессу Интернационала в Париже он успел уже отсидеть 3 месяца в тюрьме, затем ездил в Швейцарию, где по-

знакомился с Бакуниным. Малон стал членом «Интернационального братства» Бакунина, но в начале 1869 г. ушел из него⁴⁾.

Повидимому под влиянием Малона Андре Лео вступила в члены Интернационала⁵⁾ и познакомилась с идеями Бакунина. Возможно, что помещение ею программной статьи в газете Бакунина тоже было ей внушено Маломом, который, разойдясь с Бакуниным в практических путях революции, захотел через Андре Лео воздействовать на своего учителя.

Практическое изучение наборного дела в типографии, знакомство с французской рабочей средой и дружба с такими активными деятелями общественного и революционного движения, какими были Андре Лео и Бенуа Малон, естественно, должны были поставить Анну Васильевну сразу в самую гущу тогдашнего французского революционного движения. В этой среде Анна Васильевна сблизилась и со своим будущим мужем Шарлем — Виктором Жакларом.

Жаклар был уроженец лотарингского города Меца и происходил из крестьянской семьи. По окончании средней школы он стал преподавателем математики, а в 1863 г., когда ему было 20 лет, переехал в Париж и поступил в высшую медицинскую школу⁶⁾.

В качестве студента-медика он впервые увидел «окруженного в глазах общества таким зловещим ореолом» Бланки, когда последний, пассажирный с 1861 г. в тюрьму Сент-Пелажи, был переведен по болезни в клинический госпиталь, а позже в некеровскую больницу. «Главный доктор ежедневно посещал Бланки и... студентам приходилось присутствовать при их беседе». Бланки произвел на Жаклара большое впечатление⁷⁾.

В конце октября 1865 г. Жаклар участвовал в конгрессе студентов всех европейских университетов в Льеже, за что был исключен из университета до его окончания⁸⁾. В Льеже

¹⁾ Это видно из письма Бакунина „Всем этим господам“, в „Письмах М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву“. Спб. 1906, стр. 326—331.

²⁾ См. об этом в письме протеста Андре Лео против ареста Малона от 1 мая 1870 г., напечатанном в книге Тестю об Интернационале и якобинизме. Париж. Том I, стр. 291.

³⁾ См. Jean Vermorel. Un enfant de Beaujolais. Auguste Vermorel. Лион—Париж. 1911. стр. 160—161, примеч. 1. L. Andrieux. La Commune à Lyon en 1870 et 1871. 1906, стр. 58. Delion. Указ. соч., стр. 341.

⁴⁾ См. статью Жаклара (Жика) в „Слове“. 1881, № 2, стр. 200 об Огюсте Бланки.

⁵⁾ См. словари Ларусса и Вапери-Гарнье.

¹⁾ См. Барон де-Вилье. „Женские клубы и легионы амазонок“. М. 1912. стр. 390.

²⁾ См. об этом в томе 5-м франц. издания сочинений Бакунина. Париж. 1911, стр. 25—36.

³⁾ См. об этом более подробно в моей статье „М. А. Бакунин и Парижская коммуна“.

Жаклар сблизился с жившим там в то время Бланки и его сотрудниками из студентов-медиков и вместе с последними использовал конгресс для демонстрации против режима Наполеона III. В своей декларации на конгрессе студенты-революционеры, проникнутые эклектической смесью из идей Прудона и Бланки, говорили: «В моральной области мы хотим путем уничтожения всех предрассудков и церкви добиться отрицания божества и провозглашения свободы исследования; в политической области мы хотим путем осуществления республиканской идеи добиться федерации народов и солидарности личностей; в социальной области мы хотим путем образования собственности, отмены наследования и уничтожения наемного труда добиться солидарности и справедливости»¹⁾.

После Льежа Жаклар жил в Париже, переписывался с Бланки и 21 января 1866 г. участвовал в манифестации студентов-бланкистов, за что был приговорен к тюремному заключению²⁾. По выходе из тюрьмы Жаклар занимался агитацией среди рабочих в кварталах Клиши и Сент-Уэн, причем собирал политический кружок еженедельно по четвергам или средам у себя на квартире под предлогом занятия музыкой и пением³⁾. Есть сведения, что Жаклар был в сношениях с Карлом Марксом, к которому он дал рекомендательное письмо Полю Лафаргу, когда тот, исключенный из Высшей медицинской школы, поехал для окончания своего медицинского образования в Лондон⁴⁾. Состоял Жаклар и членом Интернационала, где был представителем от университетской молодежи, и ему приписывают авторство книги «Теория коммунизма»⁵⁾.

В сентябре 1868 г. Жаклар принял участие во втором конгрессе буржуазной «Лиги мира и свободы», на который были приглашены и многие члены Интернационала и в котором выступал и М. А. Бакунин. Здесь Жаклар произнес речь, в которой между прочим говорил, что «надо быть атеистом, чтобы совершить социальную революцию» и что «окончательная республика установится только на дымящихся развалинах»

¹⁾ См. Ю. М. Стеклов. Поль Лафарг. Пгр. 1918, стр. 6.

²⁾ Жеффруа. Заключенный. Изд. Глаголева, стр. 189. А. Зевазс. Огюст Бланки. Пгр. 1922, стр. 167—168 и 181.

³⁾ Enquête parlementaire в одном томе, стр. 267.

⁴⁾ Ю. М. Стеклов. Указ. соч., стр. 7.

⁵⁾ Edmond Lepelletier. Histoire de la Commune de Paris. Том III. Париж, 1913, стр. 25. Louis Barron. Sous le drapeau rouge. Париж. 1889, стр. 161—162.

буржуазного общества¹⁾. Когда конгресс Лиги 25 сентября отверг радикальные предложения Бакунина и его сторонников, Жаклар вместе с ними (их было всего 18 человек, в том числе бланкист Аристид Рей и член Интернационала лионский рабочий Альбер Ришар) вступил в основанный Бакуниным «Альянс социальных революционеров», поставивший своей целью всеевропейскую социальную революцию²⁾.

Сблизившись с Бакуниным, Жаклар не стал анархистом, но это сближение повлияло на него в том смысле, что он стал нажимать на Бланки, торопя его с революционным выступлением. В конце 1868 г., когда число заговорщиков-бланкистов в Париже достигло 800 человек, из которых только сто имели ружья на руках, Жаклар предложил Бланки продолжать вербовку среди военных и завязать сношения с офицерами-демократами. В начале 1869 г., при обсуждении вместе с Бланки и его ближайшими сторонниками проекта захвата казармы, как отправного пункта революционного переворота, Жаклару удалось убедить Бланки, что проект не годится ни со стратегической ни с других точек зрения. Но Бланки все же не отказался от своего предприятия, и это, повидимому, привело к тому, что Жаклар и представляемые им члены группы бланкистов потеряли надежду на успех предприятия и отошли в сторону. После этого Жаклар сблизился с развившими большую активность членами Интернационала — Малоном, Варленом и др.³⁾.

Точной даты сближения Анны Васильевны с Жакларом мы не знаем. В. О. Ковалевский, гостивший у Анны Васильевны вместе с женой осенью 1869 г. в Париже, в письме об этом к брату в октябре 1869 г. еще ни словом не упоминает о Жакларе. Мария Мендельсон сообщает, что весной 1870 г. Анна Васильевна жила уже вместе с Жакларом как с мужем в Латинском квартале, в маленьком отеле, с вонючей лестницей. Приехавшая к ней в гости С. В. Ковалевская была встречена на вокзале Анной Васильевной и молодым французом В. Жакла-

¹⁾ Histoire de l'Internationale par un bourgeois-republicain. 1873, стр. 115—116.

²⁾ М. Неттлау. Жизнь и деятельность М. А. Бакунина. М. 1920, стр. 43. Материалы для биографии М. Бакунина. Том III. Гиз. 1928, стр. 247.

³⁾ В первоначальном наброске моей статьи об Анне Васильевне в „Звезде“, 1928, № 10 о Жакларе имеется много неточных данных. Здесь все данные о Жакларе приводятся на основании нового специального исследования о нем, напечатанного с некоторыми сокращениями в „Проблемах марксизма“, 1930, № 5—6. Там же указаны более подробно многочисленные источники, на которых статья основана.

ром, которого Анна Васильевна представила сестре в качестве своего мужа. Так как для установления близости Анны Васильевны с Жакларом требовался некоторый срок, можно предположить, что начало этой близости относится не раньше как к декабрю 1869 г.¹⁾ Это тем более вероятно, что в ноябре 1869 г. Анна Васильевна гостила у сестры в Гейдельберге по случаю приезда туда ее подруг Ю. В. Лермонтовой и А. М. Евреиновой и, вероятно, только в декабре 1869 г. поехала обратно в Париж. Правда, биограф А. М. Евреиновой указывает, что «14 ноября 1869 г. А. М. Евреинова была встречена в Гейдельберге своими близкими друзьями Анной Васильевной Жаклар, С. В. Ковалевской и Ю. В. Лер-

1) Таким образом указание Н. Д. Гезетти в ее неопубликованных записках, что Анна Васильевна стала женой Жаклара осенью 1870 г. после начала франко-прусской войны, когда они оба в госпитале ухаживали за ранеными, неверно. Неверны также и утверждения по этому поводу Л. П. Гроссмана.

В статье „Бакунины и Достоевский“ („Печать и революция“, 1923, книга IV, стр. 102) Гроссман пишет: „В 60-е годы Достоевский знакомится довольно близко с Жакларом, мужем его „невесты“ Анны Васильевны Корвин-Круковской, впоследствии известным коммунар. Это был один из видных сторонников Бакунина; когда в 1868 г. на конгрессе Лиги мира в Берне Бакунин был вынужден оставить Лигу, Жаклар вместе с Реклю и некоторыми другими последовал за ним“.

Из сказанного здесь можно заключить, что к 1868 году Анна Васильевна уже была замужем за Жакларом и что с последним Достоевский познакомился уже тогда как с мужем Анны Васильевны. Между тем из указанных выше дат ясно, что Анна Васильевна была за границей лишь до осени 1867 г. и поехала второй раз за границу лишь весной 1869 г., после чего сблизилась с Жакларом.

Анонимный автор статьи о Жакларе в большом „Larousse“, откуда Л. Н. Гроссман может быть почерпнул свои сведения о Жакларе, также ошибается, говоря, что Жаклар, „преследуемый в последние годы империи, уехал из Парижа за границу и там женился на русской, разделявшей его убеждения“.

Таким образом, если и вероятно, что осенью 1868 г., живя в Женеве, Достоевский мог приехать опять на второй конгресс Лиги мира в Берн и мог познакомиться с Жакларом, то совершенно неверно, что в то время Жаклар был мужем Анны Васильевны. Нет никаких оснований утверждать, что Анна Васильевна встречала Жаклара ранее мая 1869 г., когда она уехала в Париж.

Таким образом попутно мы лишаем Л. П. Гроссмана одного из его доводов в пользу сближения им одного из героев „Бесов“ с М. А. Бакуниным, хотя не сомневаемся, что Достоевский мог видеть и слышать Бакунина 10 сентября 1867 г. в Женеве, как это установил Л. П. Гроссман, и что вполне согласуется с письмом Достоевского к Ивановой-Хмыровой от 29 сентября—11 октября 1867 г., где он упоминает о своем посещении Конгресса мира.

монтовой»¹⁾, но надо думать, что Анна Васильевна названа здесь Жаклар лишь потому, что носила эту фамилию впоследствии.

Отметим кстати, что выезд А. М. Евреиновой из России вызван был очень трагическими обстоятельствами и имел своим последствием много арестов в Петербурге.

Е. А. Штакеншнейдер в своем дневнике сообщает об этом следующее: «У петергофского коменданта Евреинова есть очень красивая дочь, за этой дочерью приволокнулся сильно великий князь Н. Н. Отец молодой девушки был не прочь от ухаживаний, напротив того, сильно поощрял их. Это вывело молодую девушку из терпения. Преследуемая с двух сторон, она хотела топить, но одна ее подруга, а именно жена Ковалевского, издателя многих хороших книг, учащаяся чему-то в Гейдельберге, которой она писала о своем безвыходном положении, посоветовала ей: «чем топить, приезжай лучше сюда; если не знаешь, как это устроить, то посоветуйся с Евдокимовым». Евдокимов — помощник Черкесова в его магазине. Евреинова не была с ним знакома, но по совету своей подруги отправилась к нему... Евдокимов дал ей, — иные говорят 200, другие — 50 рублей... Евреинова прибыла благополучно в Гейдельберг и оттуда прислала Евдокимову телеграмму, в которой уведомляла его о своем прибытии и в то же время благодарила за оказанную помощь»²⁾. Рассказ Е. А. Штакеншнейдер сопровождается примечанием за подписью В. С.: «В. Я. Евдокимов сообщил мне, что в письме к нему из Берлина А. М. Евреинова описывала собрание рабочих, на котором она присутствовала, причем резко отозвалась о наших порядках. Письмо было подвергнуто перлюстрации,

1) См. биографию А. М. Евреиновой в „Первом женском календаре“ П. Н. Ариян, 1905, стр. 376—380. Биография написана, повидимому, со слов самой А. М. Евреиновой. Дата приезда А. М. Евреиновой в Гейдельберг указана по старому стилю, так как В. О. Ковалевский в письме к брату от 30 ноября 1869 г. (нового стиля) пишет: „три дня тому назад и Евреинова без паспорта убежала из России, пешком перешла по болоту ночью через границу и теперь в Гейдельберге“. Ю. В. Лермонтова, как видно из его же письма от 26 октября 1869 г., приехала в Гейдельберг еще в октябре 1869 г. и поселилась вместе с С. В. Ковалевской.

2) См. из дневников Е. А. Штакеншнейдер „Голос минувшего“, 1916, № 4, стр. 73. Все это рассказано под датой: „5 декабря 1868 г.“, но здесь ошибка в годе, так как из писем В. О. Ковалевского мы знаем, что бегство А. Е. Евреиновой из дому произошло в 1869 г.

у В. Я. Евдокимова и в магазине Черкесова был сделан обыск и его и Черкесова арестовали»¹⁾.

Приведенные здесь сообщения дают новые штрихи, подтверждающие наличие революционных связей у Ковалевских и у Анны Васильевны в Петербурге в 1868—1869 гг.

VI. Среди русских и французских эмигрантов в Женеве. Работа в русской секции Интернационала. Отношение к событиям во Франции (июль — август 1870 г.)

Сближение с Жакларом имело для Анны Васильевны то последствие, что вся ее дальнейшая жизнь и революционная работа обусловлены главным образом судьбой и революционной работой ее мужа.

Летом 1870 г. в Париже произошли следующие события: один из парижских революционеров Межи убил агента полиции, и по этому поводу арестовано было много лиц. 18 июля 1870 г. в Блуа инсценирован был большой процесс против членов Интернационала, причем кроме Межи привлечено было много других лиц по обвинению в заговоре против Наполеона III, третьих — в ниспровержении империи, четвертых — за их идеи²⁾.

Жаклар оказался привлеченным к этому процессу по обвинению в заговоре, но ему удалось бежать в Швейцарию³⁾. Вместе с ним поехала туда и Анна Васильевна.

В письме к сестре и к А. М. Евреиновой из Женевы в Гейдельберг⁴⁾, Анна Васильевна пишет, между прочим, следующее: «Как непостижимо, что от родных все еще нет ни слуху ни духу. Я объясняю это очень худо; уже не узнали ли они что-нибудь про нашу жизнь в Париже и не озлились ли так, что и отвечать не хотят. Я думаю, обождав еще с неделю, написать им второе письмо, в котором объявить им мой отъезд

1) Об этих же арестах В. О. Ковалевский пишет брату 8 янв. 1870 г. из Мюнхена в Киев: „Ты разве не слыхал ничего в Питере об арестах, заговорах и т. д., ведь Черкесов и Евдок(имов) арестованы и мои дела от этого, конечно, приходят в совершенный упадок“... Мы уже знаем, что издания В. О. Ковалевского продавались в книжном магазине Черкесова.

2) См. об этом у Claretie. Histoire de la revolution de 1870—71. Том I. Париж, стр. 175—176.

3) См. об этом у Lefrangais. Souvenirs d'un revolutionnaire. Брюссель. 1902, стр. 388 и у Andrieux. La Commune à Lyon en 1870 et 1871. Париж. 1906, стр. 57—58.

4) Письмо не имеет даты, но по содержанию его можно отнести к концу июля 1870 г.

из Гейдельберга в Женеву, а еще лучше прямо адресовать из Женевы, говоря, что, не получая от них ответа и не желая долее медлить, я решилась переехать к Жак(лару)¹⁾, надеясь, что мой пачпорт (sic) достаточен для брака; но так как это последнее предположение оказалось неверным, то настоятельно прошу их выслать мне мои бумаги, чтобы прекратить мое неловкое положение. Едва ли они тогда будут упрямыться. А между тем мои бумаги мне действительно крайне необходимы. Жак (лар) уже имеет все необходимое для него, и как только придут мои бумаги, мы поедем в Берн, где обвенчаемся гражданским браком и на другой день в женевской церкви, так как здешний священник объяснил мне, что мой брак может считаться не только в России, но и даже и везде за границей только тогда законным, когда я соблюду требования нашего закона».

Таким образом мы видим, что Анна Васильевна озабочена легализацией своего фактического брака с Жакларом. Все это делалось и ради родителей, для которых фактический брак по одной любви был «позором», и для того, чтобы не отрезать себе путей в Россию, да и в западно-европейских буржуазных странах пользоваться теми правами, которые дает только законный брак (например, при сношениях с революционером-мужем, сидящим в тюрьме, и т. п.).

В том же письме Анна Васильевна сообщает о своих сношениях с женевскими эмигрантами из России: «С здешними русскими я держусь очень политично; они мне очень обязательны и заискивающи, так что держаться в стороне почти невозможно; кроме того, с Натоей Утиной я даже очень дружна. Но до сих пор мое участие в женевском «тайном обществе» и «центральном комитете» ограничивается переводом кое-каких брошюр Маркса по Интернационалу (sic) для приложений к номерам «Народного дела». Это я делаю из любезности к Ольге. Здесь, кажется, кишат тьмою тьмущею русские эмигранты; последние истории и аресты нагнали их во множестве, но я ни с кем не знакомлюсь и только встречаю на улицах».

«Ната Утина» это — Наталья Иеронимовна Корсини, жена Николая Исааковича Утина, возглавлявшего в то время рус-

1) Повидимому, мистификация по отношению к родителям Анны Васильевны, будто она живет при Ковалевских в Гейдельберге, продолжалась, а в упоминаемом первом письме Анна Васильевна писала, что в Гейдельберге встретилась с Жакларом и желает за него выйти замуж, для чего просит родителей выслать ей необходимые для брака документы.

скую секцию Интернационала в Женеве ¹⁾. У жены Утина имелось свое собственное политическое прошлое: происходя из княжеской семьи, она в 1861 г. приняла участие в студенческом движении, за что была посажена в крепость. Она же была членом комитета Литературного фонда. В августе 1863 г. она уехала за границу. 17 февраля 1866 г. она обвенчалась с Н. И. Утиным в женевской православной церкви ²⁾.

Упоминаемая далее «Ольга» — это Ольга Степановна Зиновьева, по мужу Левашова, происходившая из аристократической петербургской среды; ее сестра была замужем за эмигрантом Н. И. Жуковским, близким другом М. А. Бакунина. О. С. Левашова давала средства на издание «Народного дела», перешедшего с 1 октября 1868 г. в руки Н. Утина, и была одной из учредительниц русской секции Интернационала в Женеве ³⁾.

Таким образом мы устанавливаем, что Анна Васильевна была «очень дружна» с Н. И. Утиной-Корсини и с О. С. Левашовой. Из того обстоятельства, что Анна Васильевна называет их в письме к С. В. Ковалевской и А. М. Евреиновой просто «Натой» и «Ольгой», надо заключить, что последние были давнишними близкими подругами и самой Анны Васильевны и ее адресаток. Так как Н. И. Утина уехала из России еще в 1863 г., то приходится думать, что она была или подругой детства сестер Корвин-Круковских или стала с ними близко знакома во время пребывания в Швейцарии всей семьи Корвин-Круковских в 1867 г. О. С. Левашова, вероятно, была близко знакома с сестрами Корвин-Круковскими и с А. М. Евреиновой по петербургским нигилистским кружкам.

Естественно таким образом, что как только Анна Васильевна оказалась в Женеве, Н. И. Утина и О. С. Левашова вовлекли ее в «тайное общество», под которым, повидимому, разумеется русская секция Интернационала, официально открытая в начале 1870 г. и с 22 марта имевшая своим представителем в лондонском Генеральном совете Карла Маркса ⁴⁾. В «Центральный комитет», под которым надо разуместь немецкий центральный комитет Интернационала в Женеве,

основанный щеточником Иоганном-Филиппом Беккером, участником баденско-пфальцского похода 1849 г., и деятельно помогавший организации немецких секций Интернационала в Швейцарии, Германии и Австрии, повидимому, вовлек Анну Васильевну его основатель (мы увидим дальше, что с Беккером Анна Васильевна была также близко знакома). Так как Анна Васильевна знала в совершенстве иностранные языки и имела среди знакомых репутацию незаурядной писательницы, то естественно также, что именно ее привлекли к переводу на русский язык брошюр Маркса по Интернационалу. По всей вероятности здесь речь идет о манифесте и статутах Интернационала, написанных Марксом, хотя и вышедших анонимно.

Так как кроме Утиных и О. С. Левашовой в состав учредителей Русской секции Интернационала в Женеве в то время входили также Виктор Иванович и Екатерина Григорьевна Бартеневы (муж и жена), о которых мы знаем из неопубликованных записок Н. Д. Гизетти, что Анна Васильевна была с ними впоследствии в большой дружбе, то можно предположить, что знакомство с последними Анна Васильевна завязала также в это время. Вероятно также, что здесь же в Женеве Анна Васильевна познакомилась и с другой деятельницей Русской секции Интернационала — Елизаветой Лукиничной Томановской (урожденной Кушелевой), известной под псевдонимом «Елизавета Дмитриева» ¹⁾.

Относительно материальных условий своей жизни Анна Васильевна в том же письме сообщает: «Мне так досадно, что я не могу приняться за уроки, а между тем мне их сулят всюду. Даже Утина говорила мне, что к ней часто обращаются русские с просьбой рекомендовать учительницу... Я пишу теперь детскую сказку «Маленький Савояр». Не могла бы Юленька ²⁾ свезти ее с собою в Россию и лично отдать Кашперовой. Как странно, что эта последняя так и не прислала денег, — уже не отдумала ли она платить».

Повидимому невозможность заняться уроками вызывалась занятостью Анны Васильевны литературной работой для петербургской издательницы детских книг Кашперовой. В следующем письме она пишет: «Я пишу весь день и читаю Прудона». Была ли напечатана упоминаемая здесь детская

¹⁾ Н. Утин жил с женой в Женеве с 1866 г. См. об этом Герцен. Собрание сочинений. Т. XX, стр. 287—288.

²⁾ О Корсини см. Герцен, Собрание сочинений, том XVI, стр. 433 и 439.

³⁾ См. Дейч. «Русская революционная эмиграция 70-х годов». Гиз. 1920, стр. 21 и уже цитированные «Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву».

⁴⁾ См. «Письма Маркса к Кугельману». Гиз. 1928, стр. 86.

¹⁾ О Е. Г. Бартеневой см. мою статью, упомянутую выше. О Е. Л. Томановской см. мою новую работу: «Детство и юность Елизаветы Дмитриевой» в «Каторге и ссылке», № 11 за 1930 г.

²⁾ Т.-е. Ю. В. Лермонтова. Как видно, она собиралась поехать на время в Россию.

сказка Анны Васильевны «Маленький Савояр» в 1870 г., мне не удалось установить за отсутствием каталогов этого издания в библиотеках Ленинграда.

В следующем письме без даты, но которое можно отнести к началу августа 1870 г., Анна Васильевна о своем материальном положении сообщает: «Что касается до нашего житья, то в материальном положении все обстоит благополучно. Жак (лар) нашел очень выгодный урок, кроме того, принят в ту школу, о которой я тебе говорила; все это вместе дает ему до 300 фр. в месяц; только выгодный урок не навсегда, а только до конца октября; все же куда это отлично. Только *le revers d la medaille* ¹⁾ в том, что ему приходится работать и бегать как каторжный (*sic!*). Уроки начинаются с 7 часов утра, он должен идти далеко за Женеву, возвращаться к часу в другой конец, в другую деревню, и свободен только в 6 часов вечера, а до тех пор буквально не вздыхает ни минутки».

В этом же письме Анна Васильевна сообщает интересные сведения о Париже и тамошних революционерах в связи с начавшейся 15 июля Франко-прусской войной: «Я на днях имела известия о Малоне. Он был выпущен на поруки ²⁾ и кто-то внес за него 500 франков. Вследствие этого обстоятельства он и не воспользовался свободой, чтобы бежать от постигшего его осуждения на год тюремного заключения. Тогда здешняя русская партия ³⁾, в лице Ольги ⁴⁾, написала ему, что они внесут эти деньги и чтобы он бежал; но он отказался, говоря, что *l'Internationale a besoin de victimes* ⁵⁾ и что в тюрьме он больше подвигает нравственно *sa cause* ⁶⁾, нежели в изгнании. Но на днях пришло другое письмо, где он пишет очень смутно и экзальтировано и говорит, что что-то готовится и затевается (*sic!*) в Париже. Жак (лар) также ждет с нетерпением точных известий от своих друзей о настроении умов.

1) Обратная сторона медали.

2) Необходимо отметить, что с весны 1870 г. Малон много разъезжал по Франции для пропаганды организации рабочих союзов и объединения их в федерацию. Посланный газетой „Марсельеза“ в Крезе во время организованной там стачки рабочих, он сам агитировал за ее продолжение и написал поэму „Стачка углекопов“. В мае 1870 г. он был арестован за работу в Интернационале и в июне присужден к 1 году тюрьмы и 100 франкам штрафа.

3) Разумеется Русская секция Интернационала в Женеве.

4) Т.-е. О. С. Левашовой.

5) Интернационал нуждается в жертвах.

6) Свое дело.

Желательно было бы предпринять что-нибудь в случае поражения ¹⁾. Но ведь чем чорт не шутит, может быть они ²⁾ будут победителями, тогда прощай на несколько лет революция, доверие восстановится, коммерсанты, буржуа и *chauvins* ³⁾ будут на стороне Бонапарта и придется, пожалуй, раскаяться, что упустили такой случай, когда Париж был свободен от войск. Все это очень сложно, и трудно решиться, как поступить».

В этой части письма Анны Васильевны от начала августа 1870 г., повидимому, идет речь о подготовлявшемся движении 8 августа, когда 30 тысяч парижан пошли к палате депутатов, чтобы потребовать от оппозиционных депутатов провозглашения низвержения Бонапарта. Депутаты оппозиции ответили, что для этого час еще не настал ⁴⁾.

Малон не мог не знать о подготовке этого движения. Жаклары в то время полагали, что революционное выступление в Париже может быть удачным, так как войска ушли на фронт.

Но вот между 6 и 9 августа 1870 г. французская армия терпит три поражения со стороны немецких войск, и Жаклары приходят в большое возбуждение. В письме к сестре в Гейдельберг от 12 августа Анна Васильевна пишет: «Вот уже неделя, что известия поражения французов и беспокойств в Париже держат нас что называется *sur le qui vive* ⁵⁾. Мы решили ехать туда, несмотря на опасности, еще увеличивающиеся вследствие военного положения и его, Жаклара, осуждения к *déportation* ⁶⁾... Но перед настоящими обстоятельствами нельзя оставаться в бездействии, и недостаток в людях с головами и решительностью слишком ощутителен, чтобы думать о спасении своей кожи. Нас удерживают пока только хлопоты о паспорте или виде на чужое имя, без которого невозможно въехать в Париж. Все это найдется, мы надеемся, завтра или послезавтра. Кроме того, он простудился и было бы безрассудным ехать не поправившись для того, чтобы слечь там в постель... Ж. (Жаклар) покидает здесь отличное положение; за последнее время нашлось так много уроков, что он принужден был даже отказывать, так как буквально от 6 часов

1) Войск Наполеона III.

2) Т.-е. бонапартисты.

3) Шовинисты патриоты.

4) См. об этом указанную книгу Лефрансе, стр. 383.

5) Настороже.

6) К ссылке.

утра до 7 вечера не может вздохнуть ни минутки. К несчастью, все это так еще недолго, временно, что большой выгоды от этого он не извлечет; хорошо и то, что путешествие возможно и ему не препятствует полное безденежье».

В том же письме Анна Васильевна излагает и свой взгляд на общее политическое положение во Франции: «Я вовсе не делаю себе иллюзии относительно всех трудностей. Условия для хорошего и прочного водворения республики очень плохи. Безденежье, поражение и неприятель на границе, а может быть и под самым Парижем — все это не очень благоприятствует социальному движению, без которого республика та же тирания. Кроме того, все шансы на стороне орлеанистов, и междоусобные распри неизбежны. Но тем необходимее для республиканцев не быть в разброде и в одиночку, и каждый порядочный человек может быть теперь полезен. Масса — это такое бестолковое стадо баранов, настоящие события в Париже это доказывают, если эта истина еще требует подтверждения. Палата ничего толкового не сделает, да от нее, кроме движения в пользу Орлеанов, и ждать нечего; народ же только бунтуется без пути»...

Здесь мы имеем опять намек на неудачное выступление в Париже 8 августа 1870 г. и на переговоры 60 представителей Федерации рабочих обществ Парижа с республиканскими депутатами о низвержении Наполеона. Депутаты, как отмечает в своем дневнике того времени Лефрансе, боялись революции больше всего и потому колебались, говоря, что нужно еще взятие Страсбурга, чтобы настало время действовать¹⁾. Жаклары, повидимому, были хорошо осведомлены относительно всего, что делалось в то время по части политических выступлений в Париже не только по газетам и письмам, но и на основании бесед с эмигрантами из Парижа.

В письме к сестре в Лондон от 20-х чисел августа 1870 г.²⁾ Анна Васильевна убеждает Ковалевских, желавших поехать в Париж для научных занятий, что «бесполезно, да и безрассудно ехать в город, которому предстоит через несколько дней выдержать осаду; но я полагаю, что и самый въезд туда невозможен. Едва ли впустят туда иностранцев; теперь только о том и заботятся, как бы избавиться от лишних и бесполезных жителей. Лучшее для вас — это оставаться до поры до времени в Лондоне».

¹⁾ См. указанную книгу Лефрансе, стр. 384—386.

²⁾ На большинстве писем дат нет и они установлены мною на основании их содержания и других данных.

Относительно политического настроения в Париже Анна Васильевна пишет в том же письме: «Нам пришлось увидеться здесь с разными парижанами, только что приехавшими оттуда, и все в один голос утверждают, что кроме апатии или безалаберного, искусственно поддерживаемого энтузиазма к Трошю¹⁾, Париж не представляет ничего, могущего дать пищу революционной партии. Газеты также достаточно подтверждают эту горькую истину; все, что остается теперь делать, это терпеливо ожидать исход этого сумбура. По-моему, водворение Орлеанов кажется неизбежным; да я этому и не сильно огорчаюсь; при настоящих условиях какой же шанс может остаться настоящей социальной республике? Занятая отражением неприятеля, раздираемая внутренними орлеанистскими и бонапартистскими партиями, униженная, разоренная, она принуждена была бы заниматься одною внешнею политикою, преобразоваться в воинское диктаторство и могла бы только еще раз на практике скомпрометировать свое социальное значение. Пускай лучше предоставят Орлеанам расхлебывать эту кашу, заключать постыдный мир, который впоследствии им же взвалят на плечи и обратят в могучее орудие революционерной (sic!) пропаганды против них».

Рассуждение Анны Васильевны и, повидимому, и ее мужа о том, что революционная партия Франции должна во имя социальной революции только терпеливо выждать исхода событий и предоставить буржуазному правительству заключить постыдный мир и тем себя еще более скомпрометировать, — это рассуждение приобретает особенное значение для нашей оценки их революционной тактики, если мы сравним его с суждениями на ту же тему, написанными спустя 3 недели Фр. Энгельсом.

1 сентября 1870 г. Энгельс писал Марксу следующее: «Если бы сейчас в Париже можно было что-нибудь сделать, то необходимо следовало бы помешать выступлению рабочих до заключения мира... Каков бы ни был мир, его надо заключить, прежде чем рабочие смогут что-нибудь сделать. Если они победят сейчас — на службе национальной обороны, — то им придется принять наследство Бонапарта и теперешней буржуазной республики. Немецкие армии разобьют их без всякой пользы и отбросят лет на 20 назад. Сами они от ожидания ничего не потеряют... Правительство, каково бы оно ни

¹⁾ Трошю — реакционный генерал, был тогда губернатором Парижа, а после провозглашения республики 4 сентября 1870 г. стал президентом правительства национальной обороны.

было, если оно заключит мир, не сможет существовать после этого... После заключения мира все шансы для рабочих благоприятнее, чем до него... Очень скверно, что в партии так мало людей, которые имели бы смелость видеть современное положение вещей таким, каково оно есть в действительности. Есть ли в Париже хоть один человек, который осмелился бы только подумать, что в этой войне активная сила сопротивления Франции сломлена, и что вместе с этим отпадает также и надежда на то, что можно будет вытеснить вторгнувшиеся войска путем революции? Я боюсь, что еще дойдет до этого, как раз именно потому, что люди не хотят видеть действительного положения»¹⁾.

Таким образом мы видим, что Энгельс опасался, что в Париже нет ни одного человека, который хотел бы видеть действительное положение и понимать, что с выступлением во имя социальной революции надо выждать до заключения мира. Энгельс был совершенно прав, так как в Париже среди вождей революционеров господствовало настроение Бланки и Бакунина, возбуждавших рабочих к войне до победы над немцами²⁾. Но, как мы видели, среди французских эмигрантов в Женеве, в лице Жаклара и его жены, принадлежавших к тогдашней «партии» (т.е. членов Интернационала), люди, видевшие действительное положение вещей, были. Жаклары считали, что надо предоставить реакционерам заключить постыдный мир и обратить его в орудие пропаганды против них.

Вообще надо сказать, что среди французских эмигрантов в Женеве, повидимому, совершенно самостоятельно выработывались некоторые основы той марксистской тактики, которая применялась позднее, незадолго до Парижской Коммуны, в противовес тактике бакунистов и бланкистов, стоявших за войну до победного конца. (Об этом вопросе придется еще говорить дальше).

То же письмо Анны Васильевны, которое мы сейчас цитировали, дает нам некоторое представление о том, кто вырабатывал марксистскую тактику для Франции среди эмигрантов Женевы накануне Коммуны. «У нас здесь довольно много знакомых, — пишет Анна Васильевна, — разумеется, между французскими революционерами и эмигрантами. Не-

которые из них очень порядочные и милые люди; один молодой немецкий студент из Тюбингема, другой оратор *des réunions publiques* (народных собраний) *Le Français*, которого ты, кажется, слышала раз, и несколько других, с которыми знакомство довольно приятно и даже полезно. Особенно этот молодой студент очень серьезно занимался и очень хорошо знает все социальные движения Германии. Здесь также один из деятелей Интернационала Беккер, замечательно преданный делу и симпатичный человек. Он в полном смысле слова посвятил себя народному делу и удивительно как умеет понимать и толковать народу».

Упоминаемый здесь Анной Васильевной «молодой немецкий студент из Тюбингема» не кто иной как Эдуард Вайян, которому в то время было не более 30 лет, но который на вид, вероятно, казался еще моложе. Реакционный биограф Делион считает Вайяна французом только по рождению, так как по окончании образования в Париже, где он был близок с бланкистами, Вайян уехал в Германию, учился в Гейдельберге, познакомился там с Франкелем (знакомым Маркса и будущим членом Коммуны), переехал в Австрию, где учился в университете в Вене, а потом вернулся в Германию — в Тюбинген, откуда уехал в конце июля 1870 г.¹⁾ после того, как в июне того же года присутствовал в Штутгардте на конгрессе эйзенахцев и приветствовал их от имени французских социалистов²⁾.

Будучи членом Интернационала с 1867 г. и будучи хорошо знаком с социальным движением Германии. Вайян мог думать по-марксистски о многих вопросах, несмотря на то, что он раньше принадлежал к группе Бланки, как принадлежал к ней и Жаклар. Если мы видели, что Жаклар разошелся с Бланки по тактическим вопросам и отошел от него в сторону в 1869 г., то мы имеем основания полагать, что и Вайян был тогда далек от Бланки. Иначе мы не можем объяснить того факта, почему Вайян, как и Жаклар, не принял никакого участия после революции 4 сентября 1870 г. в газете бланкистов «*La Patrie en danger*», ни в клубе бланкистов, отчеты о заседаниях которого под председательством Бланки напечатаны на страницах «*Patrie en danger*»,

¹⁾ К. Маркс и Ф. Энгельс. „Письма“. М. 1922, стр. 224—225. Разрядка везде у самого Энгельса.

²⁾ См. об этом подробнее в моей статье „Бакунин и Парижская коммуна“.

¹⁾ См. Делион, указ. книгу, стр. 212.

²⁾ См. об этом статью Д. Б. Рязанова „Вайян и Маркс“ в „Очерках по истории марксизма“. 1923, стр. 328.

начиная с № 3 от 9 сентября 1870 г. и кончая № 25 от 5 октября 1870 г. с перечислением всех участников заседаний ¹⁾).

Упомянутый далее в письме Анной Васильевной Беккер — это, как мы уже указали, Иоанн-Филипп Беккер, основатель немецкого центрального комитета Интернационала в Женеве, деятельно помогавший организации секций Интернационала в Швейцарии, Германии и Австрии. Он увлекся было на время Бакуниным, как и В. Жаклар, но к этому времени стал врагом Бакунина и ревностным сторонником Маркса.

После всего здесь сказанного мы легко поймем, почему Жаклары и их друзья отнеслись отрицательно к Лавиллетскому выступлению Бланки в Париже 14 августа 1870 г. ²⁾.

В том же письме к сестре от 20-х чисел августа 1870 г. Анна Васильевна пишет: «Я думаю, ты уже достаточно узнала из газет про дело Villette, чтобы убедиться, что это — деяние рук бланкистов под предводительством самого. (Курсив подлинника; разумеется Бланки). Это — безрассудное дело, имеющее самые трагические последствия и, кроме того убило нравственно все значение самого главы. Ему уже не подняться после этого».

Говорить так о Бланки, как о совершенно чужом по партии человеку, очевидно, могли только люди, считающие себя сторонниками другой партии. Не остается сомнений, что Анна Васильевна, Виктор Жаклар и их друзья Вайян и Беккер принадлежали к сторонникам Маркса.

В следующем письме, которое писано 1 сентября 1870 г., Анна Васильевна далее говорит: «Последние известия о взятии Наполеона опять взбудоражили нас пуще прежнего и мы решились ехать в Париж. Мы выезжаем завтра, в понедельник ³⁾. Разумеется, это решение представляет много опасности. Республика так еще далека, что новое правительство, какого бы свойства оно ни было, все же отнесется с одинаковым недоброжелательством к революционерам. К тому же

¹⁾ Д. Б. Рязанов ошибается, полагая, что совместная работа Вайяна с Бланки относится „собственно к краткому периоду между 4 сентября 1870 г. и началом марта 1871 г.“ (см. указ. сочин., стр. 328, примечание). Чтобы в этом убедиться, см. газету „Patrie en danger“, имеющуюся в Институте Маркса и Энгельса в Москве.

²⁾ Бланкисты захватили на бульваре Ля-Виллет пожарные казармы и хотели поднять восстание, но и в этом революционном квартале население видело всюду немецких шпионов и не поддерживало бланкистов.

³⁾ Как увидим из дальнейшего, это был понедельник 2 сентября 1870 г., так как 4 сентября Жаклары были уже в Лионе.

Амнистии быть не может так скоро, и Жак(лар) рискует многим. Но делать нечего. Когда человек хочет, чтобы его убеждения и поступки были приняты за известное дело, он должен рисковать собою. И если бы я и имела влияние удерживать Жак(лара), то ни за что не решилась бы употребить его. Самое же меня лично страшно как интересует то, что происходит в настоящую минуту, и не будь этого опасения за свободу Ж(аклара), я с величайшим бы удовольствием готовилась к отъезду».

Оказалось, что полагая, что республика еще далека, Анна Васильевна ошиблась. 4 сентября республика была провозглашена одновременно в Лионе и в Париже. Об этом Жаклары узнали, повидимому, лишь по прибытии в Лион.

VII. Накануне Парижской коммуны

(Сентябрь 1870—март 1871 гг.)

В дальнейшем мы для ближайших 6—7 месяцев не находим в документах почти ничего об Анне Васильевне. Но зная, что она сопровождала своего мужа Виктора Жаклара в его поездке во Францию и «принимала самое горячее, самое страстное участие в политических движениях того времени и ничего лучшего не желала, как рисковать жизнью рядом с человеком, с которым она навсегда связала свою судьбу» ¹⁾, мы можем проследить за жизнью Анны Васильевны постольку, поскольку мы имеем сведения о ее муже.

Как видно из цитированных уже нами мемуаров Андриэ о Лионской коммуне 1870—71 г., В. Жаклар в начале сентября 1870 г. действовал в Лионе, где имел связи в рабочей среде через члена Интернационала и бакуниста Альберта Ришара. Здесь В. Жаклар выступил удачно на народном собрании и сразу вошел в доверие лионских рабочих.

8 сентября 1870 г. на собрании в зале Ротонды Жаклар избирается в число 10 комиссаров, которые должны были быть посредниками между «народом Лиона» и Комитетом общественного спасения, организовавшимся тогда в Лионе под влиянием агитации бакунистов. Жаклар же был избран одним из трех комиссаров (другие два были Альбер Ришар и Андриэ), которые должны были отправиться в Париж,

¹⁾ Слова А. К. Леффлер. О пребывании Анны Васильевны в Париже во время его осады немцами (осада началась 17 сентября 1870 г.) упоминает в одном из писем к брату и В. О. Ковалевский.

чтобы доложить правительству национальной обороны предложение «народа Лиона»¹⁾. Как видно из воспоминаний Альбера Ришара, именно Жаклар был инициатором предложения Лионской демократии послать в Париж делегацию, причем он выражал желание, чтобы такую же инициативу проявили и другие центры демократии, а не ждали бы приказаний из Парижа. Целью делегаций должно было быть установление французского правительства по соглашению всех центров демократии с избранниками парижской революции. Это предложение было принято. Жаклар, уехав в Париж, уже не вернулся оттуда²⁾.

В Париже, повидимому, Жаклар застрял оттого, что был там вовлечен в работу «комитетов защиты и бдительности» (иначе «наблюдательных комитетов»), которые с 5 сентября 1870 г., т.-е. уже на другой день после провозглашения республики, стали организовываться во всех 20 округах Парижа по 4 представителя от каждого округа, имея во главе своей республиканский центральный комитет национальной защиты 20 округов Парижа (кратко он потом назывался — ЦК 20 округов)³⁾. Эта организация составила из представителей «наиболее прогрессивных партий» и помещалась в том же помещении на Кордери, где заседал Федеральный совет всех парижских секций Интернационала и Федеральная камера всех рабочих обществ Парижа. «В ЦК преобладали члены Интернационала». Так утверждает современник его — член Интернационала и бакунист Джемс Гильом, то же самое свидетельствует участник тогдашних парижских и лионских событий бакунист генерал Клузере, биограф Варлена и участник тогдашних событий Файе, и эти утверждения вполне соответствуют действительности согласно проверенного мною профессионального и партийного состава членов ЦК 20 округов⁴⁾.

1) См. указ. книгу Андриэ, стр. 57—58.

2) См. A. Richard, Bakounine et l'Internationale à Lyon. „Revue de Paris“ 1896, № 17, стр. 146. В. О. Ковалевский в письме к брату из Лондона от 26 сентября 1870 г. также упоминает, что Жаклар в Париже в качестве „делегата красной Лионской республики“.

3) О возникновении ЦК 20 округов рассказано в афише его от 13—14 сентября 1870 г. См. *Murailles politiques françaises*. Том I, стр. 90—91.

4) См. Гильом „Варлен-заговорщик“ в сборнике „Парижская Коммуна“, изд. Коминтерна, II. 1921, стр. 123, *Memoires du generale Cluseret*, том III. Париж, 1888, стр. 46 и мою статью о проф. и парт. составе ЦК 20 округов, которая еще будет напечатана.

Принимая во внимание воинственный патриотический характер ЦК 20 округов, приходится думать, что в нем из членов Интернационала преобладали бланкисты и бакунисты, настроенные очень патриотически, а сторонников Маркса, считавших, что надо заключить постыдный мир и сделать его исходным пунктом для борьбы против существующего строя за социализм, было очень немного. Последние, во всяком случае, не имели в нем никакого влияния вначале, так как это влияние ничем не обнаруживается из документов.

Гильом сообщает, что «под красным плакатом, отпечатанным 19 сентября и требовавшим созыва всеобщего ополчения, срочного вооружения и разрешения вопроса о продовольствии, фигурировали между прочим рядом с фамилией Варлена имена Белэ, Комбо, Камелина, Дюва, Ферре, Флуранса, Жаклара, Лефрансе, Малона, Пенди, Лотье, Ранвье, Риодона, Тейсса, Вайяна и Валлеса. За день до появления этого плаката германская армия окончательно обложила столицу Парижу предстояло быть отрезанным от всего мира 28 января 1871 г.»¹⁾. Таким образом, в начале осады Парижа Жаклар уже был членом ЦК 20 округов и, значит, одним из четырех представителей одного из округов Парижа. Он был, повидимому, 18-й округ — Монмартр, наиболее оживленный и наиболее революционный из центральных округов Парижа, так как от комитета бдительности этого же округа, как увидим дальше, Жаклар впоследствии был выдвинут кандидатом в члены Коммуны, и Анна Васильевна в это время Коммуны тоже работала в женском комитете бдительности 18-го округа. Вероятнее всего, что Жаклары жили в Монмартре, так как представительство в комитетах бдительности было по месту жительства (по округам)²⁾.

Но кроме работы в комитете бдительности 18-го округа и в ЦК 20 округов, которая состояла, вероятно, главным образом в произнесении речей на публичных собраниях и в уча-

1) См. Гильом, цитир. статья. Мы изменили в ней лишь транскрипцию некоторых имен, неверно переведенных. Так, Белэ назван Белеем, Флуранс — Флураном, Пенди — Пинди, Тейсс — Тешом. Затем осада Парижа началась не 18, а 17 сентября.

2) По существу своей работы ЦК 20 округов играл в Париже со второго дня революции 4 сентября 1870 г. ту же роль, какую у нас в Петрограде со второго дня февральской революции играл Совет рабочих депутатов. В первом преобладали бакунисты и бланкисты, во втором — меньшевики и эсеры. Но тогда как принцип представительства в Париже был по округам, в Петрограде он был по заводам, что обеспечивало ему более рабочий состав.

ствии в заседаниях, Жаклар со времени осады был назначен начальником 158-го батальона национальной гвардии¹⁾. Кем Жаклар был назначен батальонным командиром, наши источники не указывают. Более правильно, как увидим дальше, указание Зеваэса, что батальонным командиром Жаклар был избран самими же национальными гвардейцами 158-го батальона²⁾.

Это было время, когда передовые партии в Париже стали предпринимать шаги к завоеванию командных высот в национальной гвардии, чтобы противопоставить ее правительственной армии, так как в национальной гвардии офицерство было мало надежным с точки зрения интересов революции. Некоторое представление об этом дает следующий факт.

В газете бланкистов «Patrie en danger» от 14 декабря 1870 г. находим помеченное 12 октября письмо Жаклара к национальным гвардейцам 158-го батальона, в котором, из-за конфликта с реакционным генералом Тамизье, Жаклар подает в отставку. Как видно из этого письма, 10 октября на посту в Шато-Руж (это был дом публичных балов на улице Клиньякур на Монмартре, где впоследствии помещался ЦК национальной гвардии) два пьяных реакционных офицера, из которых один был начальником поста, сделали попытку взбунтовать батальон против отсутствовавшего Жаклара как начальника батальона. Национальные гвардейцы арестовали пьяных офицеров, а когда Жаклар прибыл на пост, он одобрил этот арест. Однако реакционный генерал Тамизье, вышший начальник национальной гвардии, взял этих офицеров под свое покровительство и прислал приказ об их освобождении. «Итак, — пишет Жаклар, — власть, исходящая не знаю откуда, растоптала ту власть, которою меня облекли вы; произвол объявил себя выше вашего голосования. Такое положение для меня невыносимо³⁾ и потому я подаю в отставку не генералу, а батальону, который меня избрал. Я думал дальше быть во главе всех вас, сражаясь одновременно против пруссаков внешних и внутренних. С грустью оставляю я эту надежду. Посылаю вам мое горькое сожаление и уношу с собою неизгладимое воспоминание о ваших

¹⁾ См. об этом из полицейского источника у Делиона, указ. книга, стр. 343. То же подтверждает и Лепеллетье, повидимому, лично знавший Жаклара (см. указ. книгу, том III, стр. 25), но у него неверно указан 138 батальон вместо 158.

²⁾ См. Зеваэс. Огюст Бланки. II. 1922, стр. 193.

³⁾ Здесь и дальше разрядка самого Жаклара.

бешеных «браво», которыми вы неоднократно в моем присутствии приветствовали республику, истинную республику, а не только замаскированную, чтобы успешнее помириться с монархией... Реакция подымает голову. Вспомните прошлое! Вспомните, как падают республики, как низвергаются в пропасть самые большие и самые героические нации. Республиканцы, будьте осторожны! Прощайте, дорогие товарищи, всем вам братски жму руку. Ваш экс-командир Виктор Жаклар».

Если зададимся вопросом, почему именно пьяные реакционные офицеры сделали попытку взбунтовать 158-й батальон национальной гвардии против его начальника Жаклара, то ответ на вопрос мы найдем в характеристике Жаклара тех дней. По указанию Луи Баррона, Жаклар «никогда не был солдатом, это был молодой, крупный ростом, нервный стройный брюнет, с неуверенной (*déguingandé*) походкой, с постоянной хитрой улыбкой на кончиках губ. В мундире, при длинных черных своих волосах, с бородой артиста, в очках, он имел вид молодого художника (*garin*) или переодетого студента»¹⁾. По указанию Лепеллетье, Жаклар был человек образованный, храбрый и с очень мягким характером; со своей черной длинной бородой, высоким ростом, очками, скромным видом... он производил впечатление одного из тех «господ докторов» из Иены или Гейдельберга, которые между двумя лекциями командуют отрядами и заставляют маневрировать пушки»²⁾. Эта характеристика Жаклара вполне подтверждается Н. Д. Гизетти в ее неопубликованных записках, когда она познакомилась с Жакларом лет 13—14 спустя. «Даже во внешности этого типичного француза, — пишет она, — было что-то от русской простоты: не наивной, грубой или с хитрецой, а той простоты высшего достоинства, которая чувствовалась, скажем, у Короленки, у Фрея, порою встречается и в русском безграмотном крестьянине». Естественно, что человек с такой внешностью и с такими внутренними качествами, к тому же известный как революционер, должен был казаться склонным к пьянству реакционным офицерам не на месте в роли начальника батальона национальной гвардии.

¹⁾ См. Barron, указ. книгу, стр. 161—162.

²⁾ См. Lepelletier, указ. книгу, том III, стр. 25. Характеристика Лепеллетье относится к несколько более позднему времени, когда Жаклар был назначен полковником 17-го легиона, но разница в несколько месяцев роли не играет.

Повидимому, отставка Жаклара не была принята, так как в дальнейшем мы находим сведение у Делиона, что Жаклар был отставлен от командования 158-м батальоном 4 ноября после того, как принял участие в восстании 31 октября, именно за участие в этом восстании ¹⁾.

В восстании 31 октября Жаклар, повидимому, действительно принял участие, так как в этот день его и Бланки встретил между 6 и 7 вечера, по возвращении из ратуши член Интернационала Пьер Везинье, говорящий об этом в своих воспоминаниях о событиях той эпохи. Жаклар был ни жив ни мертв, страшно пораженный дурным приемом, который оказал им 106 батальон национальной гвардии, бывший на стороне правительства, и его начальник Ибос, оскорблявшие их и угрожавшие им. «Не без труда, — говорит Везинье, — мы вырвали их из рук этих сумасшедших; мы должны были их повести с револьверами в руках в залу, где были арестованы члены правительства национальной обороны.

В рассказе о событиях 31 октября, имеющемся в книге Жеффруа о Бланки, Жаклар рядом с Бланки не упоминается, но подтверждается, что когда начались преследования лиц, игравших активную роль в событиях 31 октября, то были арестованы Верморель, Лефрансе, Везинье и Тибальди; Ранвье, Жаклар, Тридон и Бауэр тоже были арестованы, но потом их выпустили ²⁾.

Итак, со времени осады, т.е. с 17 сентября и до 4 ноября 1870 г. ³⁾, Жаклар был командиром 158 батальона национальной гвардии, стоявшего за социальную революцию.

Повидимому, в виде протеста против того, что Жаклар был отставлен от должности командира 158-го батальона национальной гвардии, он был избран между 5 и 8 ноября по-

¹⁾ См. указ. книгу Делиона, стр. 343. Делион указывает дату отстранения Жаклара от командования батальоном 6 ноября, но, как увидим дальше из письма Жаклара к прокурору республики, это произошло 4 ноября.

²⁾ См. Pierre Vésinier. Comment a péri la Commune. Париж. 1892, стр. 324.

³⁾ См. Жеффруа, указ. книгу, стр. 240. Это „потом“, как увидим ниже, означает через два месяца.

⁴⁾ В. О. Ковалевский в письме к брату из Берлина в Тор от 25 декабря 1870 г. все еще говорит о Жакларе как о „начальнике батальона национальной гвардии“, но это объясняется его неосведомленностью о событиях, из-за неполучения писем от жены Жаклара.

мощником мэра 18 округа города Парижа ¹⁾, где мэром был избран Клемансо, а помощниками мэра, кроме Жаклара, Ж. А. Лафон и С. Дерер, члены Интернационала. Подписи всех четырех мы находим в афише по поводу их избрания в мэрию, помеченной 10 ноября 1870 г. ²⁾. Подпись Жаклара поставлена в скобки, причем указано, что ему подписаться лично «помешали» (empêché).

Оказывается, что Жаклар сидел в это время в тюрьме Консьержери, как это видно из его письма к прокурору республики от 14 ноября 1870 г., напечатанного в газете «Patrie en danger» от 18 ноября 1870 г. Жаклар жалуется, что арестован 4 ноября и в то же время избран в муниципалитет, а исполнение обязанностей по муниципалитету несовместимо с сидением в тюрьме. Никаких обоснованных серьезных обвинений на допросе ему не пред'явили. Значит, доказательств его вины не существует. Поэтому во имя права, представителем которого является прокурор, и во имя народного голосования, представителем коего является сам Жаклар, он требует своего освобождения. Подписывается он: «отставленный начальник 158-го батальона, помощник мэра 18-го округа».

Но письмо не скоро подействовало на прокурора республики. Пришлось Жаклару посидеть еще два месяца и 1 день. Выпустили его из тюрьмы только 5 января 1871 г., как видно из письма бывшего прокурора Дидье в материалах следственной комиссии ³⁾, но выпустили лишь для того, чтобы предать его за участие в восстании 31 октября военному суду. 10 марта 1871 г. Жаклар был судим военным судом, но был оправдан ⁴⁾.

На это оправдание могло повлиять то обстоятельство, что на выборах в Учредительное собрание 8 февраля 1871 г. Жаклар получил около 60.000 голосов ⁵⁾. Если мы вспомним, что даже Бланки получил на этих выборах всего 52.000 голосов ⁶⁾, то поймем, что популярность Жаклара была довольно велика.

¹⁾ См. F. Damé. La résistance. Les maires, les députés de Paris etc. 1871, стр. 365—369.

²⁾ См. Murailles politiques, том I, стр. 400. О том, что Лафон и Дерер были членами Интернационала, видно из специального списка парижских членов Интернационала, составленного мной на основании документов эпохи.

³⁾ См. Enquête parlementaire в одном томе, стр. 560.

⁴⁾ См. статью о Жакларе в большом Larousse.

⁵⁾ См. об этом у Ларусса и у Лепеллетье, в цитир. уже страницах.

⁶⁾ См. Жеффруа, указ. книга, стр. 256.

О популярности Жаклара среди парижских революционных кругов свидетельствует и то обстоятельство, что вместе с двумя другими членами Интернационала он был избран в помощники мэра на Монмартре и вскоре был выдвинут на пост начальника всех войск Монмартра и 4-го сектора, о чем будет речь дальше. Повидимому, бакунисты и бланкисты, готовившиеся к захвату власти и к провозглашению Коммуны в Париже, вполне доверяли Жаклару как революционеру, хотя он и не был с ними согласен во всех тактических вопросах революции ¹⁾.

Мы легко можем себе представить, что пришлось пережить Анне Васильевне во время ареста Жаклара и военного суда над ним. Но никаких документов об этом я не нашел.

VIII. Работа в Коммуне (18 марта — 28 мая 1871 г.)

О работе Анны Васильевны во время Парижской коммуны сведения также чрезвычайно скудны. Приходится судить о ней лишь на основании одного документа из секретного архива III отделения, любезно предоставленного мне в копии покойным П. Е. Щеголевым, на основании нескольких строк, написанных разными авторами об Анне Васильевне, по подписям ее на том или ином воззвании, выпущенном во время Коммуны, по упоминанию о ней в материалах парламентской следственной комиссии по поводу революции 18 марта и по одному касающемуся ее декрету последних дней Коммуны.

Документ из секретного архива III отделения — это письмо на французском языке секретаря русского посольства в Париже Обрескова к управляющему III отделением графу Шувалову от 24 июня — 6 июля 1871 г. Здесь Анна Васильевна именуется «мегерой», «достойной супругой некоего Жаклара, начальника 10-го легиона, отмеченного среди начальников-коммунаров своей кровавой натурой», и о ней говорится, что она «была замешана в насилиях Коммуны».

¹⁾ Указание Д-Косты (Les blanquistes. Париж. 1912, стр. 35), повторяемое А. Зевазсом (Огюст Бланки. II. 1922, стр. 193), что в клубе Бланки Жаклар присутствовал на беседах „Старика“ о событиях дня, как мы видели выше, вряд ли достоверно. Но если даже Жаклар и посещал клуб Бланки, то сторонником его в это время он уже не был. Он только использовал два раза газету Бланки „Отечество в опасности“ для „писем в редакцию“, приведенных нами выше. В „Слове“ за 1881 г. № 2 напечатана статья Жаклара о Бланки и в ней нет ни одной фразы, из которой можно было бы заключить, что автор разделяет убеждения Бланки.

в арестах и последних неистовствах сопротивления». Как увидим ниже, неточно указание, что Жаклар был начальником 10-го легиона, и, выражаясь мягко, «неточна» и квалификация Анны Васильевны как коммунарки. Секретарь посольства Обресков знал, что Анна Васильевна — русская, но он не знал, как видно из письма, что она — дочь генерал-лейтенанта артиллерии, иначе он, вероятно, выражался бы о ней иначе.

Луиза Мишель в своих воспоминаниях о Коммуне, говоря о сохранившихся именах деятельниц Коммуны, упоминает имя Анны Васильевны в числе «организаторш народного образования до борьбы в самом Париже, где они проявили себя героинями». Кроме Анны Васильевны здесь названы Лео, Перье, Реклю, Сапиа.

Барон де Вилье в своей книге «Женские клубы и легионы амазонок» (М. 1912) указывает, что «большая часть афиш, выпущенных жительницами Монмартра, были написаны Луизой Мишель, русской Анной Жаклар и Андре Лео».

Из четырех статей Гарнье и Ларусса об Андре Лео и Жакларе ¹⁾ мы узнаем, что Анна Васильевна вместе с Андре Лео основали газету «La Sociale», которая, как известно, выходила по вечерам ежедневно с 31 марта до 17 мая. В этой газете, бывшей наиболее выдержанным в социалистическом духе органом Коммуны, писались наиболее серьезные статьи по социальным вопросам. К сожалению, в самой газете статьи подписывались очень редко, и подписи Анны Васильевны мы не встречаем.

В книге Марфоріо о Коммуне ²⁾ находим известие, что комитет бдительности 18-го округа 6 мая принял постановление о немедленном устранении из госпиталей и тюрем сестер-монахинь по инициативе гражданок: председательницы Пуарье, секретарши Жаклар и членов президиума Баруа и Тессон. В тот же день они вынесли решение об устранении уличной проституции.

Как видно из показания в парламентской следственной комиссии по поводу революции 18 марта Барраля де Монто, сына крупного мануфактуриста с юга и полковника штаба 7-го округа в войсках Коммуны, который пробрался в военное командование Коммуны с согласия Тьера и его прави-

¹⁾ Vapereau. Dictionnaire universel des contemporains. Дополнения к 4-му изд. 1873 г. L. Garnier, стр. 99 и 116.

²⁾ Marforio. Les écharpes rouges. Souvenirs de la Commune. Париж. 1872, стр. 24—25. О том же см. в газете „L'Etoile“, 1871, № 6 от 10 мая.

тельства как их шпион, он, по приказанию Делеклюза, был под наблюдением сначала Разуа, а затем Анны Васильевны Жаклар, «что сильно стесняло его действия». Повидимому, в шпионстве Делеклюз его только подозревал, но не знал о нем ничего достоверного ¹⁾.

Наконец, мы знаем из «Правительственного вестника» (Journal Officiel) Коммуны, что 21 мая 1871 г., в самый день вступления версальцев в Париж декретом Вайяна, делегата по народному образованию, была учреждена особая комиссия для реорганизации женского образования и для наблюдения за школами для девочек, и в числе пяти членов этой комиссии мы опять видим Анну Васильевну в компании коммунаров, упомянутых выше Луизой Мишель.

Участник Коммуны журналист Максим Вильом рассказывает, что 21 мая 1871 г. он присутствовал на завтраке в столовой министерства народного просвещения и среди лиц, сидевших «во главе стола», он упоминает и о «жене начальника 17-го легиона, помощника мэра во время осады, г-жи Жаклар» ²⁾.

Очевидно, Анна Васильевна уже приступила к работе в комиссии по реорганизации женского образования.

Поскольку Анна Васильевна была в близкой дружбе с Андре Лео, о взглядах Анны Васильевны во время Коммуны мы можем судить (не имея на то прямых указаний о ней самой) по взглядам ее друга.

Андре Лео, по указанию члена Коммуны Малона (в его книге «La 3-e défaite du prolétariat français», стр. 273), не выказывала склонности к насильственным мерам во время Коммуны, она даже порицала много действий Коммуны; но, умея отрешаться от неизбежных ее ошибок, она осталась верной пролетарской революции и наиболее ревностно отдалась ей в катастрофические последние дни.

Поскольку Анна Васильевна была замужем за Жакларом, естественно предположить, что она была прикосновенна и к его работе в Коммуне. Жаклар же с первого и до последнего дня Коммуны 1871 г. был активнейшим ее борцом. Пре-

жде всего он был «начальником войск Монмартра и 4-го сектора» и «руководил операциями в день 18 марта» ¹⁾.

Историк Парижской коммуны и ее очевидец и участник Лиссагаре упоминает о Жакларе в связи с арестом генерала Леконта на улице Клиньянкур, у поста Шато-Руж, где помещалась главная квартира офицеров батальонов национальной гвардии Монмартра. «Около трех с половиной часов (18 марта) Комитету охраны на улице Клиньянкур было доложено, что генерал Леконт в большой опасности. Толпа солдат окружила Шато-Руж и требовала немедленной казни. Члены Комитета бдительности 18-го округа Ферре, Бержере и Жаклар сейчас же послали коменданту Шато-Руж приказание позаботиться о пленнике. Когда пришло это приказание, Леконт был уже отправлен (на улицу Розье, где был расстрелян) ²⁾.

Приходится предположить, что члены комитета бдительности 18-го округа были одновременно и членами ЦК национальной гвардии, так как иначе нельзя понять, почему они могли послать коменданту Шато-Руж приказание позаботиться о пленнике.

Что Жаклар был членом ЦК национальной гвардии можно заключить и из того, что ЦК назначил его начальником батальонов Монмартра 18 марта ³⁾.

Далее Луиза Мишель сообщает, что «вечером 18 марта офицеры, взятые в плен вместе с Леконтом и Клеманом Тома, были отпущены на свободу Жакларом и Ферре; старались избегать как послаблений, так и бесполезной жестокости» ⁴⁾.

О том, что Жаклар был прикосновенен к событиям 18 марта днем на шоссе Клиньянкур, упоминает в своем показании следственной комиссии о революции 18 марта и полковник Ланглуа, бывший член Интернационала, которого мэры и депутаты Парижа прочли в начальники национальной гвардии после 18 марта ⁵⁾.

1) См. об этом письмо Жаклара в газетах „La Commune“ от 29—III—1871 г. и „Cri du peuple“, от 30—III—1871 г. Нигде в другом месте я не нашел сведений такого рода, но надо думать, что Жаклар не преувеличил своей роли в день 18 марта, раз он писал о ней публично в газетах.

2) Лиссагаре. „История Коммуны“, 1871 г. М. 1905, стр. 120. Взятое в скобки добавлено мною для большей ясности.

3) См. об этом обращении Жаклара к 17-му легиону национальной гвардии от 10 мая 1871 г. в газете „Mot d'Ordre“, № 78 от 12 мая 1871 г.

4) Луиза Мишель. „Коммуна“. (Из воспоминаний). Гив. 1926, стр. 76.

5) См. Enquête parlementaire в одном томе, стр. 404—405.

1) См. Enquête parl. в одном томе, стр. 288—292.

2) См. М. Vuillaume. Mes cahiers rouges au temps de la Commune. 3-е изд. Париж. Стр. 392.

Наконец, очевидец событий 18 марта 1871 г. внук графа Беньо (Beugnot), посланный военным министром на разведку в Монмартр и арестованный в 9 часов утра коммунарами, рассказывает, что, когда его привели в 6 часов вечера в Шато-Руж, то он был там допрошен начальником батальона Жакларом и был им отпущен на свободу ¹⁾.

Все эти свидетельства устанавливают с несомненностью, что В. Жаклар был членом комитета бдительности 18-го округа (Монмартра) и членом ЦК национальной гвардии в день 18 марта 1871 г. вместе с будущими членами Коммуны Ферре и Бержере.

В вопросе о соглашении ЦК национальной гвардии с мэрами Парижа Жаклар занял примиренческую позицию.

Мэры и депутаты Парижа расклеили 20 марта 1871 г. афишу, в которой предлагали Версальскому национальному собранию пойти на соглашение с Парижем на двух условиях: согласие на выборы начальников национальной гвардии и согласие на выборы муниципального совета Парижа, избранного всеми его гражданами. Этой афишей мэры хотели оттянуть время выборов в Коммуну, которые были сначала назначены на 22 марта, и действительно добились их оттяжки до 26 марта. Под афишей была подпись и помощников мэров и в том числе и Жаклара. В цитированном уже выше письме Жаклара (в «La Commune» от 29 марта 1871 г. и в «Cri du Peuple» от 30 марта 1871 г.) он утверждает, что «не подписывал и не разрешал подписывать никакой афиши, имевшей целью отсрочку выборов». Напротив, он утверждает, что «пробовал действовать убеждением, чтобы привести муниципалитеты к согласию с Комитетом» (разумеется ЦК национальной гвардии) ²⁾.

Не может быть никакого сомнения, что Жаклар желал торжества революции и не допускал никакой возможности оттяжки выборов в Коммуну. Но надо думать, что он одобрял условия соглашения с Версалем: согласие на выборы начальников национальной гвардии и согласие на установление муниципального совета Парижа, избранного всеми гражданами, так как современник событий, буржуазный мэр 2-го округа Парижа крупный парижский торговец шелковыми товарами и лентами Шерон в своих рукописных записках, писанных между 19 и 28 марта 1871 г. и хранящихся

в Институте Маркса и Энгельса, упоминает в записи от 24 марта, что Жаклар «очень красноречиво убеждал Ранвье (другого члена ЦК национальной гвардии, пользовавшегося в ней большим влиянием) добиться у ЦК сохранения соглашения». В самом деле, ведь если бы Версаль согласился на избрание муниципального совета всеми гражданами Парижа и на избрание начальников самой национальной гвардией, то это означало бы, что Версаль фактически одобрил выборы в Коммуну и одобрил, чтобы и командный состав национальной гвардии поддерживал Коммуну. Это обеспечивало бы торжество революции, и этого мог желать Жаклар. Но очевидно, что на такое соглашение Версаль мог пойти лишь в том случае, если бы его к этому вынудили какой-либо энергичной мерой, вроде захвата Французского банка. Отметим, что и Маркс, как он сам об этом пишет 22 февраля 1881 г. Домеле Ньюенгуису, считал, что Парижской коммуне можно было идти на компромисс с Версалем, «который единственно и был тогда достижим. Одного захвата Французского банка было бы достаточно, чтобы положить конец версальской заносчивости» ¹⁾. Но поскольку члены ЦК национальной гвардии, ставшие у власти в первые дни Коммуны, не решались на захват Французского банка, то Версаль поддерживал с Коммуной переговоры через мэров и депутатов Парижа только с целью выиграть время. Более дальновидные, чем Жаклар, члены ЦК национальной гвардии поняли это раньше и потому прекратили всякие переговоры. Но поскольку подпись Жаклара, хотя и без его ведома, фигурировала на соглашательской афише мэров и депутатов 20 марта и поскольку Жаклар, как он сам признается, «пробовал действовать убеждением, чтобы привести муниципалитеты к согласию с Комитетом» до тех пор, пока «накануне выборов, 25 марта, отчаявшись в достижении этого результата, живо призывал избирателей... идти голосовать вопреки оппозиции мэров» ²⁾, — все это набросило на его политическую репутацию некоторую тень в глазах ЦК национальной гвардии, так что Жаклару пришлось объяснить свое поведение в газетах, пришлось оправдаться в том, почему он до 25 марта не стоял за немедленные выборы, и публично высказать свое отношение к соглашению с Версалем.

¹⁾ См. «Письмо Маркса к Домеле Ньюенгуису», с предисловием Е. Пашуканиса в моск. «Правде» от 14 марта 1928 г.

²⁾ Жаклар даже пишет, что составил для этой цели обращение, расклеивка которого была запрещена «приказом свыше» т.е. со стороны мэра.

¹⁾ Рассказ Беньо цитируется в книге Comte d'Hérissou. Nouveau journal d'un officier d'ordonnance. La Commune. Париж. 1889, стр. 45—57.

²⁾ Взятое здесь и дальше в скобки—мои объяснения. И. К.-В.

Ларусс утверждает, повидимому, на основании афиши от 22 марта 1871 г., касающейся занятия мэрии Монмартра национальной гвардией ¹⁾, что за свое соглашательство Жаклар был даже временно арестован 22 марта и не был избран в Коммуну 26 марта, получив всего 503 голоса из 17.443 голосов Монмартра.

Но указание Ларусса на арест Жаклара неточно. В самой афише говорится об аресте на «несколько минут». А вот как Жаклар сам описывает этот факт мнимого своего ареста. «Появилась другая афиша, касающаяся занятия мэрии Монмартра. Вот факты:

Я был в мэрии. Меня извещают, что последняя занята и что есть приказ об изгнании муниципалитета. Я не был предупрежден ни как начальник сектора, ни как помощник мэра. В этот момент я слышу, что кто-то в соседней зале произносит слово «арест». Я вхожу. Я вижу моих товарищей Клемансо и Лафона, подвергнутых аресту. Я не колеблюсь. Я сам отдаюсь в плен. Я пишу комитету [центральному]. Ответа нет. Я подписываю протест.

Я убежден, что действовал как человек с сердцем и что служил республике всеми моими силами, сначала оружием, а потом убеждением.

Результат, на который я надеялся, был достигнут: правительство изгнано, несогласные муниципалитеты присоединены; этим путем была обезоружена реакция, Париж успокоен, выборы сделались всеобщими, и Коммуна основана.

Если эти объяснения не покажутся удовлетворительными, пусть кто угодно соберет жюри, составленное из каких угодно граждан, и я предстану пред ним.

Затем я в свою очередь допрошу моих обвинителей. Где они были в час борьбы? Скольких я мог бы назвать, которые запоздали с своим присоединением к Коммуне до часа ее торжества!

Я ставил на карту свою жизнь в этом деле, а мои обвинители выиграли в нем кандидатуру...

В «*Officiel*» от 26 числа говорят уже о соглашении с центральной властью. Есть лишь одно средство соглашения с Версалем — это взорвать его (*l'enlever*). Я записываюсь добровольцем.

Привет и равенство. 27 марта 1871 г. Жаклар».

¹⁾ См. 2-й том собрания афиш „*Murailles politiques*“, уже цитированный выше.

Повидимому в итоге своего заявления о готовности записаться добровольцем для борьбы с Версалем Жаклар отказался от должности помощника мэра, но отказ этот он послал без особой мотивировки, а вместе с мэром 18 округа Клемансо и одним из его помощников Лафоном, которые отказались продолжать службу в муниципалитете по другим мотивам.

Со стороны Жаклара просьба об отставке была истолкована как протест против того, что Клемансо и Лафон были временно подвергнуты аресту (о чем Жаклар упоминает в своем вышеприведенном письме), и даже (это мы увидим ниже) как отказ работать в муниципалитете при Коммуне. Если за свои старания до 25 марта о соглашении с мэрами и депутатами Жаклар не был избран на первых выборах к Коммуну 26 марта, то в результате отставки от должности помощника мэра он не был избран в члены Коммуны и на дополнительных выборах 16 апреля, когда члены республиканского комитета бдительности 18 округа выставили его кандидатуру вместе с доктором А. Реньяром как «кандидатов революционеров-социалистов». Жаклар получил всего 1166 голосов и избран не был ¹⁾.

Но Жаклар был слишком известный революционер, чтобы Коммуна не постаралась его использовать на руководящих постах. Повидимому, желание Жаклара записаться добровольцем для борьбы с Версалем привело к тому, что он назначен был своими товарищами и друзьями из членов Коммуны и военным делегатом Коммуны генералом Кюзере на пост начальника 17-го легиона, который охватывал 17-й и 18-й округа Парижа, и произведен был в чин полковника ²⁾.

Когда произошло это назначение, документы не указывают. В «*Journal Officiel*» Коммуны имя В. Жаклара как полковника и начальника 17-го легиона встречается впервые в номере от 28 апреля, но из дальнейшего нашего изложения видно будет, что назначение его состоялось гораздо раньше.

В связи с шпионажем, который старался расплодить в национальной гвардии Коммуны Тьер, назначение Жаклара вызвало целый ряд инцидентов.

¹⁾ См. F. Maillard. Elections des 26 mars et 16 avril. Affiches etc. Париж. 1871, стр. 201 и 223.

²⁾ О своем назначении Жаклар говорит в „Обращении“ своем к 17-му легиону национальной гвардии от 10 мая 1871 г., уже цитированном выше.

Документы об этих инцидентах частично напечатаны в материалах парламентского следствия о революции 18 марта ¹⁾, но понять их вполне возможно лишь после сопоставления с другими документами, напечатанными в газетах Коммуны, и с рассказом об этих инцидентах полковника д'Эсбеф (он же Вержес или Верже), который тоже служил в 17-м легионе и был одним из кандидатов на пост его командира.

По словам Верже, ЦК национальной гвардии допустил Жаклара к должности начальника 17-го легиона только временно, так как начальника легиона должен был избрать совет легиона. Но Жаклар объявил совет легиона распущенным и рассеял его собрание силой. «Тогда совет, поддержанный батальонами, воспротивился этому и путем расклейки афиш на стенах объявил о выборах начальника легиона и его штаба на завтра [даты этого «завтра» Верже не указывает] ²⁾. Жаклар не явился. Было два кандидата, почти неизвестных в округе, имена которых я забыл, и полковник В. [Это был сам Верже]. Начальник совета Жерар... отложил выборы, так как они не были достаточно анонсированы. Снова объявили о выборах... Жаклар снова не явился. Начальник Фаб, офицер из штаба Жаклара, явился с вооруженным отрядом и заявил совету, что он имеет приказ отвести всех членов совета в тюрьму. Но, не одобряя этого насилия, он предложил совету продолжать заседание и назначить нового начальника легиона... Совет назначил некоего Мюлея... Но как только Жаклар, Жерарден, Малон и Клеман [последние трое — члены Коммуны] узнали об этом, они послали сильный отряд верных стражников, зуавов Батиньоля, которые... овладели всеми документами и арестовали нескольких членов совета, которые хранили их... Совет легиона подал на это жалобу в Коммуну и в ЦК национальной гвардии, а в это время Жаклар, поддержанный муниципальной комиссией, состоявшей из Жерардена и Малона, продолжал быть начальником легиона. Коммуна по просьбе ЦК послала одного из своих членов Артюра Арну произвести расследование... Это расследование было в пользу совета легиона. В это время Мюлей в мэрии вызвал Жаклара на ссору. Они дали друг другу пощечины. Решено было закончить ссору дуэлью. Драться должны были на шпа-

гах». Но они примирились и не дрались. Назначены были новые выборы начальника совета [легионного], но и они были разогнаны вместе с советом легиона, а Жаклар продолжал пока командовать легионом, не пользуясь его доверием, но зато посещая часто клубы, где он был популярен ¹⁾.

Что рассказ Верже о волнениях в 17-м легионе из-за Жаклара не выдуман, об этом свидетельствует специальный единственный номер газеты «Le Fédéré de Batignolles», выпущенный 25 апреля 1871 г. и заключающий в себе протест против произвольных действий начальника легиона Жаклара.

Чтобы понять, почему вокруг этих выборов в начальники 17-го легиона разгорелась подобная борьба, важно принять в расчет указание того же Верже, что полковник Мюлей, как впоследствии выяснилось уже после поражения Коммуны, оказался шпионом, посланным, чтобы предать Коммуну. Он послан был Версалем вместе с маркизом Лапейр-де-Беллэ, который заседал в совете легиона ²⁾.

Поскольку Верже сам указывает, что кандидаты в начальники 17-го легиона были мало известны в 17-м округе, совершенно естественно, что члены Коммуны от 17-го округа Малон и Жерарден отнеслись к этим неизвестным кандидатам с недоверием и хотели иметь в качестве начальника легиона испытанного революционера, хорошо им известного, каким был Жаклар. То обстоятельство, что для удержания Жаклара применены были такие сильные средства, как [со стороны противников Жаклара] провокационная ссора Мюлея с Жакларом [закончившаяся примирением, потому что Мюлей, вероятно, трусил перед дуэлью], предательство офицера из штаба Жаклара, Фаба и [со стороны Жаклара] игнорирование им выборов в совете легиона, овладение документами совета легиона и арест некоторых его членов, — все это указывает, что против противников Жаклара были в Коммуне сильные подозрения. Они были так сильны, что даже расследование члена Коммуны Артюра Арну, высказавшегося в пользу совета легиона, не успокоило членов Коммуны от 17-го округа, почему они разогнали легионный совет.

¹⁾ D'Esboeuf. V. [Vergès]. Trahison et defection au sein de la Commune. Женева. 1872, стр. 72—88. О том, кто был Верже, см. в его другой книге „Le coin du voile“. 1871. Предисловие.

²⁾ См. книгу Верже об изменах в Коммуне, стр. 95.

¹⁾ См. Enquête parl. в одном томе, стр. 520—521.

²⁾ Разрядка имеется в оригинале. Взятое далее в прямые скобки — мои объяснения.

Нет никакого сомнения, что Жаклар оставался начальником 17-го легиона по назначению не из честолюбия, а вследствие недоверия членов Коммуны и самого военного делегата Коммуны Ключере к избранному Мюлею и другим членам совета 17-го легиона.

Об этом можно судить из «приказа» Жаклара по 17-му легиону от 10 мая 1871 г., где он объясняет, почему он не сдавал до сих пор командования 17-м легионом. Жаклар пишет:

«Твердо решив уважать статуты федерации национальной гвардии, равно как сохранять во всей его целостности авторитет Коммуны и ее муниципальных делегатов ¹⁾, я приказал, в согласии с муниципалитетом 17-го округа и согласно с предшествовавшим ему извещением ЦК, чтобы произошли новые выборы делегатов отрядов, батальонов и всего легиона, и я постарался окружить эти выборы серьезными гарантиями, которые отсутствовали у предыдущих выборов, происшедших скоропалительно и под давлением ненормального положения.

Сверх того я настойчиво потребовал и достиг того, чтобы в ближайший срок были произведены окончательные правильные выборы начальника легиона. Начальники батальонов созываются завтра вечером, чтобы сговориться по этому поводу и назначить срок выборов.

Этих объяснений будет достаточно, чтобы убедить гвардейцев 17-го легиона, что я никогда не имел намерения присвоить на пользу себе право толосования, которого я не переставал домогаться для национальной гвардии и для завоевания которого я сражался 18 марта во главе батальонов Монмартра, командование которыми было мне доверено ЦК ²⁾.

Я всегда повторял, что облеченный властью приказом Коммуны и ее военного делегата, я готов уйти по противоположному приказу, исходящему из того же источника. Ожидая этого приказа, я оставался на своем посту, так как это был мой долг и я держался его. Было бы преступлением, равным государственной измене, оставить мой пост по чьему-либо иному требованию, чем требование военного делегата.

¹⁾ Муниципальными делегатами Коммуны были члены Коммуны в избравших их округах.

²⁾ Здесь и дальше разрядка моя.

уступить попытке нападения столь жалкой, как попытка ночью с 5 на 6 мая против штаба 17-го легиона ¹⁾.

Наконец, чтобы рассеять всякую двусмысленность, но удовлетворенный тем, что моего преемника я избавил от всех затруднений моего положения, я подаю Коммуне мою отставку в качестве начальника 17-го легиона, выражая желание быть сейчас же замещенным ²⁾.

Париж, 10 мая 1871 г. В. Жаклар ³⁾.

Цитированный уже выше соперник Жаклара по кандидатуре на пост начальника 17-го легиона Верже утверждает, что Жаклар подал в отставку «в момент опасности», т.е. попросту говоря, из трусости ⁴⁾.

Но факты говорят против этого утверждения. Луи Барон, один из борцов Коммуны, ведший во время ее дневник, отмечает под датой 22 мая: «В мэрии Батиньоля 17-го округа... Малон и Жаклар руководят военным советом, ища, на каких пунктах этого округа надо построить баррикады» ⁵⁾.

Другой участник боев за Коммуну Суттер — Ломанн указывает, что 23 мая 1871 г. в Батиньоле «защита велась под руководством полковника Жаклара, человека энергичного и способного и преданного Малона, члена Коммуны» ⁶⁾.

Сын члена Коммуны Вермореля упоминает в цитированной уже выше биографии своего отца, что Жаклар сопровождал Вермореля на баррикады в Шато-д-О в 10-м округе 25 мая ⁷⁾.

Один из борцов Коммуны Оливье Пэн свидетельствует, что вечером 26 мая Жаклар с Верморелем оказывали самое энергичное сопротивление версальцам в 11-м округе, где

¹⁾ На что именно здесь намекает Жаклар, мне не удалось точно установить.

²⁾ Таким образом указание в Enquête parl., стр. 521, будто Жаклар был отставлен от командования 17-м легионом 26 апреля, надо считать неверным. Об отставке Жаклара в мае упоминает в письме к брату из Берлина от 28 мая 1871 г. и Вл. Он. Ковалевский (вышел за 2 недели до конца от службы). Об отставке Жаклара напечатано в „Journal Officiel“ Коммуны от 11 мая 1871 г.

³⁾ См. газету „Mot d'Ordre“, № 78 от 12 мая 1871 г. То же в „Murs des politiques“, том II, стр. 472.

⁴⁾ См. указ. книгу d'Esboeuf стр. 198. Кстати отметим, что Верже, по слухам, указывает, что Жаклар подал в отставку накануне или за два дня до входа в Париж версальцев. Как мы знаем, и это неверно.

⁵⁾ См. указ. книгу Баррона, стр. 178.

⁶⁾ См. Sutter-Laumann. Histoire d'un treute-sous. (1870—71). Париж. 1891 стр. 303.

⁷⁾ См. указ. книгу Вермореля, стр. 160—161, примеч. 1-е.

в это время сосредоточились все силы Коммуны. Рядом с Верморелем Жаклар сражался на бульваре Вольтера до 28 мая, когда квартал был взят версальцами ¹⁾.

Биограф парижских коммунаров Шеншоль упоминает, что Жаклар сражался на бульваре Вольтера в последние дни Коммуны ²⁾.

Эдмонд Лепеллетье также отмечает, что Жаклар «сражался энергично до последнего часа» ³⁾.

Наконец, Земфирий Ралли, в анонимно изданной им в 1874 г. книге о Парижской коммуне, основанной на документах и на рассказах ее участников и очевидцев, сообщает, что Жаклар, Тейсс ⁴⁾ и несколько других федералистов 27 мая, через несколько часов после похорон Домбровского ночью 26 мая, над гробом которого Верморель говорил речь, унесли смертельно раненого Вермореля и Лисбона ⁵⁾.

В словарях Ларусса и Ваперо-Гарнье находим сведения, что Жаклар с 10 мая 1871 г. был назначен генеральным инспектором укреплений Парижа и принял активное участие в вооруженном сопротивлении версальцам после их вступления в Париж, и можно считать вполне вероятным, что Жаклар в последние дни Коммуны был именно в этой должности, хотя в списке офицеров Коммуны, приведенном в книге Пролеса о военном делегате Коммуны Росселе, Жаклар (Шарль-Виктор) значится только как начальник 17-го легиона между бывшим его начальником Росселем и преемником Мюлеем ⁶⁾.

Итак, можно считать установленным, что Жаклар играл во время Коммуны очень крупную роль как ее военный деятель с первого и до последнего дня ее и как помощник мэра

¹⁾ См. статью Оливье Пэна „Бегство коммунаров из Парижа“ в „Слове“, 1880 г. № 11, стр. 16—21 в конце книги по особой пагинации. Здесь Жаклар назван Жакаром, но это сделано, очевидно, из цензурных соображений, так как в 1880 г., как увидим ниже, Жаклар был в России и был сотрудником „Слова“. В „Journal Officiel“ Коммуны упоминается, правда, Жакар, военный инженер 2-го класса (см. № от 10 мая), но что у Пэна речь идет именно о Жакларе, видно из того, что он называет его „товарищем Бланки, храбрым и ученым революционером“ и „командиром Монмартра“.

²⁾ См. Chincholle. Les survivants de la Commune. Париж. 1885 стр. 266—267.

³⁾ См. указ. книгу Лепеллетье, том III, стр. 25.

⁴⁾ У Ралли по ошибке указан Тейльс.

⁵⁾ „Парижская коммуна“ № 2. Изд. револ. общины русских анархистов. Женева. 1874, стр. 244.

⁶⁾ См. Ch. Prolès. Les hommes de la Revolution de 1871 г. Le colonel Rossel. Париж. 1898, стр. 128—134.

18-го округа до 27 марта. Стремление Жаклара к компромиссу с Версалем в первые дни Коммуны нельзя вменять ему в вину, так как он, не разделяя революционных увлечений и склонности к путчизму тогдашних бакунистов и бланкистов, мог думать, что для Парижа это наилучший исход. Эту мысль, как известно, разделяли с Жакларом лучшие деятели Коммуны в ее первые дни Варлен и Малон и эту же мысль, как мы знаем из упомянутого письма Маркса к Домеле Ньювенгуису, разделял и Маркс, считавший, что «социалистическое правительство не может стать во главе страны, если там не существуют настолько развитые условия, чтобы оно тотчас же могло принять надлежащие меры и так запугать буржуазию, чтобы выиграть первое условие для последовательной политики — время» ¹⁾.

Водоворот событий Коммуны очень скоро превратил Жаклара из «соглашателя» в одного из тех непримиримых борцов с Версалем, которые, по выражению Маркса в его письме к Кугельману, были «готовы «штурмовать небо» ²⁾.

Но вернемся к Анне Васильевне.

Можно предположить, что Анна Васильевна, как и ее муж и ее друг Андре Лео, в начале Коммуны не выказывала склонности к насильственным мерам, но зато не была настроена и соглашательски. Гарнье приписывает ей «экзальтированный ум» и влияние на Жаклара в момент его колебаний в сторону «полной преданности делу Коммуны» ³⁾. Она стояла за Коммуну с начала до конца всей душой, поддерживая мужа своим самопожертвованием и своей активной помощью делу революции.

Биограф Софьи Ковалевской Леффлер сообщает, что после снятия осады Парижа немцами, т.-е. в конце января 1871 г., Софья Ковалевская с мужем поехали в Париж, «чтобы выручить» Анну Васильевну. Как видно из письма В. О. Ковалевского к брату из Парижа от 9 августа 1871 г., он пробыл в Париже с женой во время Коммуны с 5 апреля до 12 мая.

Говоря об этом путешествии Ковалевских в Париж, Леффлер замечает: «Рассказывая впоследствии о своем путешествии, Софья сама не могла дать себе отчета в том, как им удалось проникнуть в город через немецкие войска. Они шли

¹⁾ См. цитир. письмо Маркса к Д. Ньювенгуису.

²⁾ См. „Письма Маркса к Кугельману“. Гиз. 1928, стр. 99.

³⁾ См. Vapereau. Dictionnaire universel des contemporains. Supplément a la 4-e édition par Léon Garnier. Париж. 1873, стр. 99.

пешком, затем ехали лодкою по Сене под угрозой быть расстрелянными, но тем не менее счастливо перебрались на противоположный берег и незамеченными вошли в Париж. Они были там при первом взрыве Коммуны. Софья много лет спустя собиралась обработать в литературной форме свои воспоминания об этом времени, но этому плану, к несчастью, не суждено было осуществиться.

Обе сестры ухаживали за больными в госпитале и здесь встретились с несколькими девушками из их круга из Петербурга. «Пока бомбы падали и все новые и новые раненые приносились в больницу, девушки шопотом обменивались воспоминаниями о своей прошлой жизни».

Мы узнаем таким образом, что Софья Ковалевская в качестве сестры милосердия была также участницей Парижской коммуны, рискуя при этом быть убитой версальской бомбой¹⁾.

О дальнейшей деятельности Анны Васильевны во время Коммуны мы можем судить по подписям ее под резолюциями на разных собраниях. От имени президиума собрания Анна Васильевна, вместе с членами женского наблюдательного комитета Андрео Лео, Пуарье и Бюизар, подписывает следующую резолюцию, напечатанную в газете «Крик народа» от 26 апреля 1871 г.: «Гражданки Монмартра на собрании 22 апреля постановили предоставить себя в распоряжение Коммуны, чтобы организовать походные госпитали для сопровождения отрядов, сражающихся с неприятелем и для подбирания на поле сражения наших героических защитников. Женщины Монмартра, одушевленные революционным энтузиазмом, хотят доказать действиями свою преданность революции».

В газете «Крик народа» от 28 апреля 1871 г. находим следующее извещение за подписью Анны Васильевны:

¹⁾ Андре Лео в № 43 „La Sociale“ от 12 мая 1871 г. в статье „Le complot monarchique en province“ сообщает, что „двое русских, г-н и г-жа Ковалевские, имеющие сестру в Париже, прибыли сейчас после перемирия в Версаль и просили пропуска. Получив везде отказ, они пошли к Бисмарку, который ответил на их просьбу: „Мне воспрещено вас удовлетворить, это не зависит от меня. Я дал слово Жюлю Фавру не пропустить в Париж никого без его формального разрешения“. Лицо, знающее об этом факте от г-на и г-жи Ковалевских, писало о нем из провинции в одну парижскую газету. Другие письма пришли по назначению, а это письмо не прошло“. Из этого письма видно, что Ковалевские хотели пробраться в Париж легально, но это им не удалось. Как видим, Андре Лео упомянула в статье о Ковалевских уже после их отъезда из Парижа.

«Комитет бдительности 18-го округа созывает всех гражданок на собрание, которое состоится в четверг в зале Буль-Нуар.

Комитет, заседающий на улице Акаций № 32, призывает всех гражданок, желающих активно содействовать требованию всех наших прав, чтобы они шли перевязывать раненых на поле сражения и ухаживать за ними в госпиталях.

Гражданок безработных просят записываться, и они скоро получают работу.

Комитет получает также пожертвования всякого рода — белье, деньги — в помощь жертвам войны.

За председательницу гражданки: Жаклар, Пуарье, Барруа, Коля, Эскофон».

Бенуа Малон¹⁾ сообщает, что Андре Лео агитировала за формирование женского батальона для защиты баррикад на случай боя в стенах самого Парижа, и можно думать, что Анна Васильевна принимала участие и в этой агитации.

Участвовала Анна Васильевна и в центральном комитете Союза женщин, основанном другой деятельницей Коммуны Елизаветой Дмитриевой, сторонницей Маркса, посланной из Лондона от Генерального совета Интернационала, «между прочим, для информации»²⁾. Центральный комитет союза женщин заседал в мэрии 10-го округа и объединял женские комитеты всех 20 округов Парижа (по 11 человек от каждого округа)³⁾, и нет никакого сомнения, что Анна Васильевна входила в него как представительница женского комитета 18-го округа (Монмартра), в котором она была, как мы видели выше, секретаршей.

Как и все члены женских комитетов, Анна Васильевна, как можно думать, днем участвовала в их заседаниях, а вечером выступала в клубах. Барон де-Вилье сообщает, что на Монмартре во время Коммуны имелся «Женский клуб», и Анна Васильевна, бывшая членом президиума в комитете бдительности Монмартра, конечно, в нем участвовала. Кроме клубов, имевших постоянное место для своих заседаний, были еще странствующие клубы, как, например, клуб «Избавление» и «Клуб женщин-патриотов для защиты Парижа»⁴⁾, и в них Анна Васильевна, вероятно, также участвовала.

¹⁾ Указ. соч., стр. 274.

²⁾ См. Сажин. Росс. „Воспоминания“. М. 1925, стр. 56.

³⁾ См. Enquête parlementaire, стр. 649.

⁴⁾ Барон де-Вилье, указ. соч., стр. 411.

«Ни в какую другую эпоху, — говорит барон де-Вилье, и его слова подтверждаются членом Коммуны Маломом¹⁾, — женщины не пользовались во Франции таким влиянием, как во время Коммуны».

Женщины вели пропаганду социальных идей Интернационала, образовывали ячейки женских объединений, женских синдикальных камер, стремились основать интернациональную федерацию работниц Парижа, формировали батальоны вооруженных женщин для передовых позиций и группы санитарок, обслуживавших в конце мая все без исключения санитарные пункты²⁾, и во всей этой работе женщин участвовала Анна Васильевна, ведь может быть кроме того ежедневную литературную работу в газете «La Sociale»³⁾.

IX. Организация побега Жаклара. Жизнь в Берне и в Цюрихе. (июнь 1871 г.—июнь 1874 г.)

Но вот в Париже наступила кровавая неделя конца мая 1871 г. Коммуна была повержена в прах и потоплена в крови. Те из коммунаров, кто не был убит или взят в плен, старались скрыться.

В это время несколько лиц, которых принимали за Жаклара, были расстреляны версальцами. Но сам Жаклар был арестован «спустя две недели после окончательного умирения восстания, когда первая горячка убийств уже прошла. Потому-то его и не расстреляли на месте, а оставили для публичной казни»⁴⁾.

28 мая, когда последняя баррикада коммунаров была взята, Жаклар вбежал в дом № 283 на бульваре Вольтер, где лежал раненый Верморель, за которым ухаживала консьержка, жена разорившегося аптекаря Манж. Жаклар сжег все свои военные принадлежности, переделался в штатское и благодаря Манж, которая сказала версальцам, что Верморель и Жаклар — ее родственники, спасся. Но вскоре Жаклар был узнан на улице, арестован и отведен в Сатори, оттуда в Оран-

¹⁾ Указ. соч., стр. 420.

²⁾ В. Малон, указ. соч. стр. 275.

³⁾ Книгопродавец Лемонье сообщает, что газета «La Sociale» делалась Вермершем и другими редакторами Отца-Дюшена, но он исходит видимо лишь из того, что редакции обеих газет помещались в одном доме, и сообщение это надо считать ошибкой (Lemonnyer. Les journaux de Paris pendant la Commune. Париж, стр. 72).

⁴⁾ См. указ. статью Оливье Пэна.

жери и, наконец, в Шантье (все это места заключения коммунаров). В краткой записке, по которой Жаклар был внесен в список арестантов, значилось: «Вышепоименованный Жаклар был командиром Монмартра и по его приказанию расстреляны генералы Клеман Тома и Леконт. Кроме того, уверяют, что он виновен в убийстве жандармов»¹⁾.

Естественно, что подобная рекомендация отдавала Жаклара на полный произвол тюремных надзирателей.

Участник Коммуны журналист Громье, сам сидевший в тюрьме Оранжери, рассказывает, что «Жаклара и некоторых его товарищей, раздев и привязав к столбу, били прутьями, служившими для прочистки ружей, причем Жаклар более других испытал действие этой позорной жестокости»²⁾.

Н. Д. Гизетти в своих уже цитированных выше мемуарах также рассказывает со слов самого Жаклара, что «в версальской тюрьме-клоаке... наиболее видных, образованных коммунаров с особым издевательством заставляли исполнять самые унижительные и грязные работы... «Жаклар, к парашке!» — команда, которой, как ударом хлыста, огреют, бывало, его пробуждение к новому дню ужасов»...

Есть даже известие в петербургской газете «Голос» от 2—14 июня 1871 г., что Жаклар сделал 7 июня попытку повеситься. Попытка самоубийства со стороны Жаклара мало вероятна, потому что он знал, что на свободе находится его жена и что разделить с ним ссылку в Новую Каледонию готовы не только его жена, но и ее сестра Софья Ковалевская с мужем своим.

О последнем узнаем из письма В. О. Ковалевского к брату из Парижа от 11 июня 1871 г.

«Жили мы в Берлине смирно, — пишет В. О. Ковалевский, — вдруг пришло известие о взятии Парижа, стали беспокоиться, затем письмо от Анюты, что все благополучно и что они оба, т.е. она с мужем, успели скрыться. Вдруг через день новое письмо, что он взят и что ему предстоит если не расстреляние, то ссылка. Конечно, в тот же день мы поехали в Париж и приехали очень кстати, так как уже на дороге прочитали в газетах, что и Анюта тоже арестована. Последнее, к счастью, оказалось пока несправедливым,

¹⁾ См. указ. статью Оливье Пэна. Мы видели, напротив, что Жаклар, как «командир Монмартра», заботился о спасении от расстрела генералов Тома и Леконта.

²⁾ См. анонимно изданную книгу Громье «La Commune. Journal d'un vaincu». Париж. 2-е изд. 1892. стр. 209.

хотя полиция уже охотилась за нею и взяла Андре Лео (известную писательницу)¹⁾. В этом положении Анята, конечно, не могла быть полезной и потому мы ее как можно скорее выпроводили вон из Парижа, а сами остались здесь хлопотать о нем. Я вчера был в Версали, где он сидит, хотя не мог получить свидания, но сегодня получил. Сомнения нет ни малейшего, что он будет сослан. Куда? — неизвестно; верно, в Новую Каледонию. Положение теперь вот какое: Анята, конечно, последует за ним, но так как его повезут вместе с другими ссыльными на транспортных судах вокруг мыса Доброй Надежды, то Аняте надо будет ехать одной, что, я думаю, невозможно. Софа рвется ехать с нею, что, я думаю, нелепо, потому что это помешает ей кончить свои математические занятия и выдержать экзамен, а это вероятно может случиться через 6 или 8 месяцев. Очевидно... сила обстоятельств говорит, что сопровождать Аняту через Суэц, Цейлон и Мельбурн приходится мне; кроме того, так как я человек свободный, то мне и приходится поселиться с ними в Новой Каледонии, а Софа, выдержавши экзамены в Берлине, приедет к нам туда... Иначе, строго рассудя, поступить невозможно. Софа и Анята стали совсем мне родными, так что разлучиться с ними мне будет невозможно...²⁾.

1) Андре Лео, как мы знаем, была другом Анны Васильевны. В письме упомянутого выше секретаря русского посольства в Париже Обрескова к управляющему III отделением графу Шувалову говорится, что Анна Васильевна была арестована „немного дней спустя после ареста ее мужа и перевезена в Версаль, где эта вполне подходящая друг другу пара ждет своей участи. Она, вероятно, найдет утешение в своем близком вдовстве в Новой Каледонии, пенитенциарную колонию которой предназначено заселить „петрольщиками“. Да сохранит бог Европу от возвращения их будущих детей“. Немного раньше Обресков сообщает, что от Анны Васильевны невозможно было добиться признания ее русской фамилии и она назвала себя „Наталей“. Очевидно, все эти сведения давались Обресковым на основании газетной „утки“.

2) В конце письма указано, что оно закончено 13 июня. В оригинале письма начертан также план путешествия в Новую Каледонию, рисунок которого я пропускаю. Чтобы читатель мог понять, почему В. О. Ковалевский и его жена так относились к Жакларам, что готовы были поехать за ними добровольно в ссылку в Новую Каледонию, которая была похуже нашей сибирской ссылки, надо знать, что Софья Ковалевская считала свою сестру Анну своей духовной матерью и, повидимому, сильно сочувствовала коммунарам, а В. О. Ковалевский был дружен со многими коммунарами. Политические взгляды его и сочувствие коммунарам видны из письма его к брату из Берлина от 28 мая 1871 г., где он пишет: „Подошли раздирающие вести из Парижа. Что там делается—просто страсть, июньские дни 1848 года—игрушка в сравнении с нынешними гуртовыми убийствами и расстреляниями; очень много из наших

Итак, из этого письма В. О. Ковалевского узнаем, что немедленно по получении известия об аресте Жаклара он с женой приехал в Париж (из Берлина). Целью их поездки, как видно из письма В. О. Ковалевского к брату из Парижа от 9 августа 1871 г., было «хлопотать о Jaclard'e (ее муже)». К 1 июля, — продолжает далее В. О. Ковалевский, — приехали с тою же целью родные из Питера, и мы живем теперь здесь вчетвером и кое-что успели сделать для облегчения его участи. Рассказов у меня есть для тебя десять томов».

О том, какие именно «родные из Питера» приехали на выручку Жаклара и что именно они сделали для Жаклара, узнаем из воспоминаний шведской писательницы Леффлер и польской революционерки Марии Залеской-Мендельсон о Софье Ковалевской, а также из упомянутой статьи Оливье Пэна о бегстве коммунаров.

Леффлер сообщает, что после подавления Коммуны Анна Васильевна вызвала в Париж свою сестру Софью Ковалевскую и умоляла ее о ходатайстве перед отцом, стариком Корвин-Круковским, к которому она обратилась с просьбой

хороших знакомых убиты и расстреляны; об Аняте и муже ее мы не имеем никакой вести и очень боимся за него, хотя он и вышел за две недели до конца от службы (мы видели, что, подав в отставку 10 мая как начальник 17-го легиона, Жаклар сделался инспектором укреплений, так что, полагая, что Жаклар „вышел от службы“, В. О. Ковалевский ошибается), но все-таки, если его поймут, то могут приговорить к смерти или ссылке. Возможно, что мы бы опять поехали, но вход в Париж закрыт положительно для всех. Мы уехали 12 числа, а 22 Париж был взят... (Собственно, 21 мая только вошли версальцы в Париж, а окончательно он был взят 28 мая). Лучшие и энергичные люди расстреливались на всех углах... По-моему, инсургентов нельзя винить в том, что они жгли общие здания. Я бы сделал то же ввиду смерти или ссылки; конечно, лучше взорвать дом, в котором меня режут, чем отдать его на спокойное пользование моим палацам. У них было до 200 заложников, и так как версальцы расстреливали всех, то и инсургенты, не добившись обмена или амнистии, расстреляли 63 человека, в том числе архиепископа, много важных попов, бывшего президента сената Бонжана и множество других. Версальцам, конечно, ничего не стоило выручить их, но они нарочно не сделали этого, чтобы весь одиум убийства заложников пал на инсургентов... Читая ужасные описания того, что делается в Париже, получаешь ужасную ненависть к политике и вообще человечеству. А вся Франция, смотревшая не говоря ни слова два месяца, пока резали Париж! Мне в самом деле кажется, что французы—нация, клонящаяся к падению, иначе нельзя объяснить себе ни этой камеры (реакционной палаты депутатов), ни этих выборов (в национальное собрание 8 февраля, оказавшееся в большинстве монархическим), ни всего, что там происходит... (разрядка моя).

простить ее за обман (сокрытие ее проживания в Париже) и помочь ей спасти Жаклара как ее жениха.

Старик-генерал Корвин-Круковский, знавший уже о Жакларе как о «женихе» своей старшей дочери из писем их обоим к нему, о которых говорилось выше, с большой готовностью приехал в Париж на выручку Жаклара вместе со своей женой. «В качестве военного он, очевидно, сочувствовал гневу Парижа против тех, которые подписали версальский мир» ¹⁾. «Генерал Круковский имел связи с Тьером и обратился к нему с просьбой о содействии. Тьер отвечал, что ничего не может для него сделать, но при этом как бы случайно упомянул о том, что пленных, среди которых находился и г. Ж. (Жаклар), переводят на следующий день в другую тюрьму. Дорога в эту тюрьму вела мимо здания выставки, возле которого толпилась всегда днем масса народу. Анна вмешалась в толпу и в то время, когда пленные проходили мимо, проскользнула незаметно через ряды окружавших их солдат, взяла г. Жаклара под руку и исчезла вместе с ним в здании выставки, из которого они выбрались через другой выход и без малейших препятствий достигли станции железной дороги» ²⁾.

В этом рассказе вызывает недоумение следующее обстоятельство. Мы знаем из письма В. О. Ковалевского от 9 октября 1871 г., что Жаклару удалось бежать из тюрьмы в Версали в воскресенье 7 октября, и потому трудно допустить, чтобы побег этот произошел «на следующий день» после свидания генерала Корвин-Круковского с Тьером, — свидания, которое наверно произошло не в октябре, а в июле, сейчас же после приезда генерала Корвин-Круковского в Париж.

Надо также принять в расчет, что рассказ Леффлер был напечатан после смерти жены Жаклара (умерла в 1887 г.) и Софьи Ковалевской (умерла в 1891 г.). Между тем Оливье Пэн напечатал свой рассказ о бегстве Жаклара в 1880 г., когда и сам Жаклар и его жена жили в Петербурге и, несомненно, о рассказе Пэна знали и его не опровергали.

По словам Оливье Пэна, Жаклару помогла бежать его сестра вместе с одним приятелем ее мужа. Они явились в ка-

¹⁾ См. Мария Мендельсон. Воспоминания о Софье Ковалевской. «Современный мир», 1912, № 2, стр. 146.

²⁾ См. «Софья Ковалевская». Воспоминания А. К. Леффлер, герцогини ди-Кайяanello. Перевод с шведского М. Лучицкой. Спб. 1893. То же в «Северном вестнике», 1892, № 9—12.

естве посетителей с надлежащими дозволениями в тюрьму Шантье, где «посетители, снабженные дозволениями, ходили по двору вперемежку с заключенными... Приятель мужа сестры Жаклара остался у ворот тюрьмы, а сестра взошла, захвативши оба дозволения. Об этом было заранее условлено с Жакларом. Ему удалось побриться и добыть себе довольно приличное платье, что сильно изменило его наружность. Когда сестра Жаклара взошла, оставалось несколько минут до запираания ворот тюрьмы. Уже с четверть часа как Жаклар притаился у самого выхода и, как только сестра вошла, он прокрался к ней и взял у нее дозволение. Затем со шляпой в руке он развязно подошел к смотрителю тюрьмы, знаменитому [своей грубостью] Морсеру и попросил у него дозволения увидеться со своим родственником Жакларом.

— Слишком поздно! — строго обрезал его смотритель. — Я не дозволю свиданий за 10 минут до запираания ворот.

— Но, милостивый государь, у меня есть дозволение... Я нарочно приехал из Парижа...

— Ах, отвяжитесь вы от меня! Есть у меня время слушать ваши возражения!

И верный своей обычной грубости, Морсеру вытолкнул за ворота тюрьмы мнимого посетителя, который, конечно, вторично не пытался уже видаться с Жакларом. В тот же вечер он уехал в Женеву, куда прибыл без всяких приключений.

Так как из цитированного выше письма В. О. Ковалевского от 11 июня 1871 г. мы знаем, что за Анной Васильевной «охотилась» полиция, и потому она была отослана родными из Парижа, то трудно допустить, чтобы в помощи побегу Жаклара приняла участие именно она, и более вероятно, что Жаклару помогла бежать его сестра. Это подтверждается и тем фактом, что кузина Анны Васильевны Софья Аделунг сообщает, что ее мать в это время видела Анну Васильевну в Гейдельберге, куда, повидимому, Ковалевские ее выпроводили для спасения ее от французской полиции. «Анюта была такой расслабленной, такой усталой душой и телом, что целых восемь дней она провела в свинцовом сне, от которого пробуждалась время от времени только для принятия пищи» ¹⁾.

Повидимому генерал Корвин-Круковский «сумел где-то безностью (с Тьером), где деньгами (у более мелкой сош-

¹⁾ См. „Sophie von Adelung“. Jugenderinnerungen an Sophie Kowalevsky. „Deutsche Rundschau“. Берлин. 1896. Том 89, стр. 418.

ки)»¹⁾ подготовить почву для облегчения участи Жаклара и создания для него лучших условий в тюрьме, которые и дали ему возможность осуществить побег. Трудно допустить, чтобы сам Тьер захотел помочь бежать Жаклару. По Пэнэ, о побеге Жаклара не знал и смотритель тюрьмы. Но сторожа тюрьмы могли быть прикосновенны к этому побегу, что подтверждается и указанием в словаре Вапери-Гарнье, где говорится, что Жаклар бежал при обстоятельствах, заставивших обвинить его сторожей в содействии побегу.

Указание Л. Гросмана²⁾, со слов А. Г. Достоевской, будто Жаклар бежал в Германию из крепости вблизи немецкой границы, совершенно не соответствует действительности, как это правильно отмечает в своих неопубликованных записках Н. Д. Гизетти. Но и собственный рассказ Н. Д. Гизетти «про то, как Анна Васильевна среди бела дня... увела Жаклара под руку из-под караула», тоже не соответствует действительности и заимствован ею у Леффлер, как она, впрочем, и сама на это указывает.

По рассказу Леффлер, план побега был связан с тем, что дорога в тюрьму вела мимо здания выставки, возле которого днем всегда толпилась масса народу. Между тем, мы знаем, что в Версали в 1871 г. никакой выставки не было. Последняя международная выставка во Франции была в 1867 г. и помещалась она на Марсовом поле в Париже, тогда как тюрьма Шантье, откуда бежал Жаклар, была в Версали.

Так как Анна Васильевна с июня 1871 г. жила в Гейдельберге до бегства Жаклара³⁾, то очевидно, что бегство его произошло не при содействии Анны Васильевны. Ближайшее участие в подготовке побега Жаклара приняли Ковалевские и генерал Корвин-Круковский, а в самом факте побега сестра Жаклара и приятель ее мужа⁴⁾.

В письме к брату из Франкфурта от 9 октября 1871 г. В. О. Ковалевский пишет: «В прошлое воскресенье [это было 7 октября] мужу Аниуты удалось бежать из тюрьмы из Версали, мы его быстро снарядили и выпроводили вон, а затем

¹⁾ Выражение Н. Д. Гизетти в ее неопубликованных записках.

²⁾ См. Л. Гросман. „Путь Достоевского“. 1922, стр. 143.

³⁾ Это видно, между прочим, и из того, что В. О. Ковалевский в письмах брату между 11 июня и 9 октября 1871 г. об Анне Васильевне не упоминает.

⁴⁾ Я остановился так долго на анализе рассказов о побеге Жаклара потому, что они очень характерны по своей противоречивости и часто фантастичности и дают некоторое представление о несостоятельности многих исторических легенд и мифов.

и сами уехали. Они [генерал Корвин-Круковский и его жена] просили меня проводить их до границы и до Франкфурта и так как взяли мое путешествие на свой счет, то я и согласился»...

Дальнейшее известие о Жакларах находим в письме Анны Васильевны к В. О. Ковалевскому без даты, но, повидимому, относящееся к ноябрю 1871 г. и писанное из Берна.

«Милый Владимир Онуфриевич,

Вы вероятно в большой претензии на нас, что до сих пор не получали вашего пачпорта (sic!)¹⁾; но вина была не наша, так как письмо ваше пролежало все время в Берне, покуда мы гуляли в Женеве²⁾, среди коммунаров Batignolles и Montmartre. Только по возвращению нашему, т.-е. вчера, нашли мы ваше письмо. К тому же мы никак не были приготовлены к вашему быстрому перемещению и воображали, что вы преспокойно остались в Париже.

Признаюсь, ваши быстрые voltes échevelées (отчаянные скачки) даже несколько смутили нас по следующей причине: мы ожидали или вернее Виктор ожидал, что вы пришлете ему, во-первых, книги, которые остались у одного его приятеля и которые очень необходимы ему, так как и без того приходится покупать одних учебников на несколько сот франков; а во-вторых, — что особенно важно — его пальто или pardessus [сюртук]. Вы знаете, что он уехал в чужом, который должен был отослать, и теперь, когда холода в Берне уже очень ощутительны, ему приходится ходить в одном сюртуке. Это очень обидно, тем более, что, признайтесь, неприятно делать этот расход при всех других необходимых, тогда как возлагалась такая твердая надежда на получение этого пальто от вас. Напишите, пожалуйста, существует ли еще надежда или приходится отложить ее и в этом случае примите в расчет время вашего ответа, потому что боюсь, что зима не будет справляться с этим немаловажным фактом и застанет нас совсем врасплох.

Ваш быстрый отъезд из Гейдельберга очень изумил нас, мы надеялись совершить часть пути вместе и переговорить об этих предметах.

Мы поселимся в Берне; Виктор уже принялся за занятия; я нашла здесь библиотеку и театр довольно посредственный,

¹⁾ Повидимому Жаклар бежал по паспорту В. О. Ковалевского.

²⁾ Жаклар бежал из Парижа в Берн, но в Женеву поехал с женой повидимому для свидания с бежавшими туда беглецами Коммуны.

этого на первое время достаточно, а там что бог даст. К сожалению, жизнь Берна по дороговизне далеко не соответствует недостатку других ресурсов.

Придется искать уроков, но в Берне немного иностранцев и не так скоро отыскать требуемого (sic).

Прощайте. Жмем вашу руку. Наш адрес: Markgasse, 47. Pansion Blatter-Sied. Madame Jaclard-Corvin».

Из этого письма узнаем, что Жаклары после бегства Жаклара из тюрьмы поселились в Берне, что Жаклар «принялся за занятия», причем одних учебников ему пришлось купить «на несколько сот франков»¹⁾ и что Анна Васильевна стала подписываться «Жаклар-Корвин». Повидимому, только теперь Жаклары официально повенчались, причем приняли новую фамилию, составившуюся из обеих их фамилий, чтобы легче замести следы своей связи с Коммуной в глазах полиции.

Из следующего письма Анны Васильевны без даты к В. О. Ковалевскому узнаем, что В. О. Ковалевский посетил Жакларов в Берне, что Жакларов несколько раз посетил также брат упоминавшегося уже нами выше В. И. Ламанского — Сергей Иванович Ламанский, что Жаклары собираются переехать в Цюрих «недели через три» и что Анна Васильевна хочет переводить Дарвина на французский язык для издания его в Париже ради заработка, так как родители ее хотя и помогают ей, но «по обыкновению страшно неаккуратны»²⁾. По указанию Анны Васильевны в этом же письме Виктор Жаклар «с будущего месяца начнет уже серьезно заниматься в Цюрихе, особенно в клинике Хорнера и в политехникуме по физике и математике».

В следующем письме тому же адресату без даты, но уже из Цюриха, Анна Васильевна сообщает, что «житейские и практические стороны» жизни в Цюрихе «не особенно благоприятны» и «отличаются своею дороговизною. Приходится во что бы то ни стало искать побочных занятий, чтобы faire face aux circonstances (справиться с обстоятельствами)».

Но с переводами на французский лад повидимому ничего у Анны Васильевны не вышло. «Очень досадно, — пишет она В. О. Ковалевскому, — что дело с переводами не может

итти на лад. Переводить же...¹⁾ и думать нечего; никакой французский издатель не согласится купить перевод 8 томов. Многие советуют мне перевести с отрывками Jenek's Baby; но без позволения автора едва ли это возможно; вы же не ответили мне ничего на этот пункт. Может быть, если сделать перевод в роде *resumé*, автор не может будет (sic!) заявить свои права. Что касается до России, то с этой стороны, кажется, нечего и надеяться. Переводы там словно на откуп или в руках акционерной компании, которые расхватывают все новое еще в рукописях и частным переводчикам, не принадлежащим к *côterie*, нечего и соваться с предложениями. Впрочем, не принял бы «Вестник Европы» или «Космос» перевод брошюры Бланки²⁾, которая очень блестяще и оригинально написана и интерес которой заключается всецело, разумеется, не в его астрономической учености, а в претяжке его таинственного имени». Тут же Анна Васильевна сообщает, что получила чрезвычайно изумившее ее письмо от Карла Маркса, который, предполагая, будто она перевела «Капитал» на французский язык, «просит уже будто бы готовую рукопись, чтобы сличить с заказанным им переводом, которым он, кажется, недоволен, хотя переводчик уже перевел всего Фейербаха на французский язык³⁾; а Фейербах стоит Маркса по запутанности слога. «Наконец, тут же Анна Васильевна сообщает, что собирается сходить к Герценам и что цюрихская полиция арестовала Нечаева, и просит В. О. Ковалевского взять в Париже у Роберта⁴⁾ ее «старый портфель с письмами» и переслать его ей в Цюрих пакетом из Германии. Это будет безопаснее, чем из Франции».

В следующем письме тому же адресату (без даты) сообщается о состоявшемся знакомстве с женою Герцена («или

1) Слово неразборчиво. Назван автор 8-томного сочинения.

2) Речь идет о книжке Бланки «Вечность звездных миров».

3) Имеется в виду переводчик «Капитала» J. Roy. См. Karl Marx. Le Capital. Traduction de J. Roy, entièrement revue par l'auteur. Paris. Lacharte. 1872. 351. Маркс обратился к Анне Васильевне, считая, что у нее имеется уже готовый хороший перевод «Капитала» на французский язык, потому что перевод Руа ему приходилось самому совершенно перерабатывать, а это ему было очень трудно из-за болезни печени. См. упоминание об этом в начале письма Маркса к Зорге от 4 апреля 1874 г. «Письма К. Маркса, Фр. Энгельса и др. к Ф. Зорге и др.». Спб. 1908, стр. 141.

4) Роберт, вероятно, муж сестры Жаклара. Возможно, что это — Фриц Роберт, секретарь-корреспондент нового романского федерального комитета Интернационала в Лашодефоне в 1870—71 гг. упоминаемый у Testut. L'Internationale. 7-е изд. Париж. 1871, стр. 197.

1) Как видно из письма В. О. Ковалевского к брату из Иены от 13 февраля 1872 г., Жаклар вспомнил «свою забытую медицину».

2) Старик Корвин-Круковский высылал Жакларам тысячу рублей в год. (См. воспоминания Маевича, гувернера детей Корвин-Круковских в «Русской старине». 1890, № 12).

Можно предположить, что для поездки в Россию Виктор Жаклар должен был замести следы своего активного участия в Коммуне. Повидимому для этой цели он в Швейцарии присоединил к своей фамилии часть фамилии жены (Жаклар-Корвин) в документах.

Так как заниматься практикой врача (по словам знавшего его Г. В. Бартенева, Виктор Викторович Жаклар был окулистом) он не имел права в России, то он стал готовиться к тому, чтобы сделаться преподавателем французского языка и литературы в какой-либо гимназии, для чего прослушал в Петербурге курс на педагогических курсах¹⁾.

Поскольку Жаклар только еще учился русскому языку, жене его приходилось ему помогать в этом. В шуточном письме в стихах из Палибина в Петербург от 18 июля 1874 г. Софья Ковалевская в следующих выражениях описывает мужа, задержавшемуся в Петербурге, время препровождения Жакларов:

... — «Полковница²⁾ с супругом

Твердит весь день вокабулы, но он ах! пока

Ему, как кажется, наука не легка.

Папашу Юрик³⁾ обогнал, хоть это худо:

Но про него согласны все: он просто чудо».

Но уже через несколько месяцев Жакларам пришлось переехать из Палибина в Петербург. Как видно из письма В. О. Ковалевского к брату от 30 сентября 1875 г. из Палибина, старик Корвин-Круковский внезапно умер в конце сентября вследствие лопнувшей у него артерии в нижней части желудка. Пожизненной владелицей всего имения и капиталов генерала осталась его жена. Но по смерти ее Палибино должно было перейти к единственному сыну Корвин-Круковских Федору Васильевичу, а дочери должны были получить приблизительно по 40 тысяч рублей каждая. Жаклары и Ковалевские решили переселиться в Петербург и жить вместе со старухой Корвин-Круковской, Елизаветой Федоровной. В. О. Ковалевский пишет о ней в том же письме: «Она ужасно милый человек, она же избавит нас от всех забот по домашнему хозяйству... Мы едем в Петербург около 10 октября».

Повидимому очень скоро после поселения в Петербурге В. В. Жаклар стал учителем французского языка и литера-

туры в женской мариинской коломенской гимназии (по словам Г. В. Бартенева)⁴⁾. Н. Д. Гизетти утверждает, что Жаклар, благодаря Корвин-Круковским связям, попал учителем в Смольный институт благородных девиц. Но я считаю это мало вероятным, так как в списке преподавателей этого института Жаклар не значится⁵⁾.

Но можно думать, что Жаклар отнесся очень серьезно к преподаванию французского языка и литературы в женской гимназии, так как он составил даже специальную хрестоматию «для средних и высших классов воспитательных учреждений со словарем, литературными введениями, биографическими заметками, объяснительными замечаниями и упражнениями»³⁾. Хрестоматия составлена очень толково и обнаруживает большое педагогическое чутье. По сведениям некоторых словарей, соавторство в этой хрестоматии приписывается и Анне Васильевне.

Составив хрестоматию, Жаклар, повидимому, потерял интерес к дальнейшему преподаванию, так как в том же 1878 г. мы видим его уже в новой роли — русского журналиста.

И. И. Ясинский рассказывает, что когда он в 1878 г. работал редактором в журнале «Слово», ему предложил статью о Вольтере «бывший парижский коммунар и содержатель бань на Васильевском острове»⁴⁾, «некий Жаклар, который подписывался Жика... Статья была научная, хорошо переведенная женою Жаклара, по рождению русской. Разумеется, она была с протестующим направлением. Но такие статьи сплошь и рядом проходили в тогдашних журналах. Я принял статью, и первая половина ее вышла в июльской книжке⁵⁾. За это И. И. Ясинский был вызван в цензурный комитет, где ему воспретили печатать продолжение статьи. Когда продолжение статьи все же было напечатано, хотя и с пропусками, книжка журнала с этой статьей была арестована и сожжена.

1) Что Жаклар был преподавателем женских учебных заведений, см. также в воспоминаниях Л. Ф. Пантелеева, стр. 316, примечание.

2) См. Н. П. Черепнин. Императорское воспитательное общество благородных девиц. Историч. очерк. 1764—1914. Т. III. СПб. 1914, стр. 426—428.

3) См. V. Jaclard—Corvin. Chrestomatie française etc. СПб. 1878. 2 тома.

4) Бани, повидимому, принадлежали В. О. Ковалевскому, который увлекался предпринимательством и денежными спекуляциями и на них разорился в 1879 г., и были лишь записаны на имя Жаклара.

5) В месяце—ошибка; на самом деле статья напечатана в августовской книжке.

1) Указание Малевича. См. указ. выше его воспоминания.

2) Намек на чин полковника Жаклара при Коммуне.

3) Юрик—Жорж, сын Жакларов, которому в это время было 1 год и 4 месяца и в июле 1874 г. уже говоривший по-русски лучше своего отца.

«Жика между тем укрепился в «Слове» и стал печатать статьи каждый месяц; он вел у нас политическое обозрение, а затем раздвоился и стал сотрудничать также в «Деле»¹⁾.

Действительно, в «Слове», начиная с декабря 1878 г. и до февраля 1881 г., когда «Слово» было прикрыто цензурой, затем в «Деле», начиная с декабря 1879 г. до мая 1884 г. (через месяц и «Дело» было прикрыто цензурой), мы видим почти в каждой книжке статьи Жика о политической жизни Франции и других стран. Статьи в «Слове» касаются исключительно Франции и дают критику политики ее либеральной партии, рисуют ее политическое положение, ее сенатские выборы, министерский кризис, парламентские вакансии, закрытие сессии парламента, политику бонапартистов и Гамбетты. Наряду с этим Жаклар пишет о Французской академии и академках, о «братстве Иисуса» (о иезуитах), о культурной борьбе во Франции, об амнистии коммунаров и о высылке иезуитов (в статье «Возвращающиеся и отъезжающие»), о Рошфоре (в статье «Новый общественный слой») и об Огюсте Бланки.

В статьях в «Деле» Жаклар дает политическую и общественную хронику в международном масштабе. Здесь, например, в специальной статье «Очная ставка цивилизации и варварства в Средней Азии» изобличается империалистическая политика Англии в Афганистане (1880 г. № 2), позднее (1881, № 4) Жаклар изобличает империализм Англии в южной Африке. Целый ряд статей Жаклара касается Востока, восточного вопроса в целом (1880 г., № 8), затем Турции (1880, № 11 и 1881, № 8), тунисской экспедиции (1881, № 7), египетского вопроса (1881, № 10 и 1882, № 6 и 9), политики империализма в Тонкине (1883, № 6) и в Китае (1883, № 11). Жаклар дает яркие характеристики таких деятелей европейской политики, как Гладстон, Биконсфильд, Гамбетта, Гарибальди и касается не только «великих держав», но и Ирландии (1883 г., № 5), Венгрии (1883 г., № 8 и 10), Испании (1883 г., № 9), которым посвящает целые статьи, и других стран, о которых говорит в своих общих политических обзорах.

Почти все статьи в каждой книжке журнала занимают от полутора до двух печатных листов и написаны с большой живостью и остроумием, иногда эзоповским языком, из цен-

¹⁾ И. И. Ясинский. Мои цензора. „Исторический вестник“, 1911, № 2, стр. 538—540.

зурных соображений. Классовая точка зрения пролетариата, однако, ясно проглядывает из этих статей для всякого внимательного читателя. Без всяких прикрытий для цензуры, точно и недвусмысленно эта точка зрения выражена в статье «Новый общественный слой» (см. «Слово», 1881, №1, глава 2). Читались статьи, повидимому, с большим интересом и запоминались. О них одобрительно отзывается, например, проф. И. М. Гревс¹⁾, бывший во время их печатания студентом.

По словам Г. В. Бартенева, политическую хронику Жаклара в «Деле» переводила его мать Екатерина Григорьевна Бартенева, одна из учредительниц русской секции Интернационала в Женеве и участница Парижской коммуны²⁾. С согласия Жаклара, Е. Г. Бартенева довольно сильно обрабатывала его статьи в интересах читающей русской публики. Но с течением времени Жаклар научился говорить и писать по-русски. По словам Г. В. Бартенева, доклады Жаклара о французских революциях (о Великой французской революции, революциях 1830 и 1848 гг. и о Парижской коммуне) были очень ценны для молодежи³⁾.

Что Жаклар принимал участие в политических собраниях в Петербурге, мы встречаем еще два указания — Л. Ф. Пантелеева и Н. Д. Гизетти. Первый в своей книге «Из воспоминаний прошлого» (СПб. 1905, стр. 316) рассказывает, что раз в конце 1878 г. присутствовал на собрании у писателя Вл. Викторовича Чуйко, где обсуждались «некоторые текущие общественные дела», и там был Жаклар. Н. Д. Гизетти в своих неопубликованных записках также сообщает о красочном рассказе Жаклара о Коммуне в одном кружке. Судя по близости Е. Г. Бартеневой с землевольцами и народовольцами, мы можем предполагать, что и друживший с Бартеневой Жаклар, сотрудник крайне левых русских журналов тех лет, имел какие-то связи с русским подпольем. Софья Григорьевна Кропоткина сообщила мне, что когда ее муж, известный анархист Петр Алексеевич Кропоткин, в 1881 г. сидел во французской тюрьме Клерво, она видела в Париже Жаклара, сын которого Юрий был оставлен одно время на попечении их общего друга Эли Реклю. По сведениям французской охранки начала 1880-х годов, Жаклар в Париже был очень близок

¹⁾ См. И. М. Гревс. „В годы юности“. „Былое“, 1921, № 16, стр. 139, примечание 3-е.

²⁾ Об Е. Г. Бартеневой см. наше исследование в „Каторге и ссылке“, 1929, № 11.

³⁾ Сообщено мне Г. В. Бартеневым в письме.

с т. т. Лавровым¹⁾. Во всяком случае Жаклар был связан с польской партией «Пролетариат», от имени которой в августе 1883 г. выступал в Париже с речью на похоронах члена Коммуны Эда²⁾. Лев Тихомиров в своих «Воспоминаниях» мимоходом упоминает, что Жаклара в качестве представительницы «партии» [«Пролетариат»] принимала в Париже в 1887 г. Мария Янковская-Мендельсон³⁾.

Но условия русской политической жизни были слишком тяжелы, и потому, как только во Франции была объявлена полная амнистия коммунарам, Жаклар воспользовался ею, чтобы туда вернуться. В № 7 «Слова» за 1880 год мы находим его статью об амнистии коммунаров, а статью о Бланки в № 2 «Слова» за 1881 год он пишет уже из Парижа, как видно из самой статьи. Впрочем, из-за жены Жаклар часто ездил в Петербург и жил вместе с нею то в Париже, то в Петербурге. В Петербурге Жаклары занимали квартиру в собственном доме на 6-ой линии Васильевского острова, № 15, рядом с Ларинской гимназией, а в Париже жили в Батиньоле. Шеншоль в своей книге «Оставшиеся в живых участники Коммуны», вышедшей в 1885 г., сообщает, что Жаклар «верный своим старым друзьям, присутствовал на свадьбе Фортена (рабочий, командовавший отрядом, расстрелявшим 6 заложников буржуазии во время Коммуны) и на похоронах Жюль Валлеса» (член Коммуны, журналист, редактор газеты «Крик народа») ⁴⁾.

Как видно из сообщения Дурново Победоносцеву, проживая в Париже, Жаклар «находился в постоянных отношениях

¹⁾ См. Р. М. Кантор. Французская охранка о русских эмигрантах «Каторга и ссылка», 1927, № 2(31), стр. 81—88. Жаклар назван здесь Паклардом, Эмбер-Гумбертом, но это несомненные ошибки в транскрипции французских фамилий, соединенные опечаткой в 1-ой букве — Jaslard.

²⁾ См. Да-Коста. «Бланкисты». Парижское фр. изд., стр. 63.

³⁾ См. Центрархив. Воспоминания Льва Тихомирова. Гиз. 1927, стр. 323. Международная социально-революционная партия «Пролетариат» возникла в январе 1883 г. на съезде агитаторов польских социально-революционных групп главных городов России. Партия стояла за террор эконо-мический и политический и имела соглашение с Исполнительным комитетом «Народной воли» о разграничении районов действия в России. Партия издавала прокламации, убивала шпионов. В феврале 1883 г. партия распространила прокламации в Варшаве. Привлечено к суду 190 человек по делу этой партии. (См. всеподданнейшие доклады министра юстиции за 1885 год. Дело о тайном обществе «Пролетариат», листы 434—510. То же самое за 1887 г., листы 314—358.

⁴⁾ Chincholle. Les survivants de la Commune. Париж. 1885, стр. 266—267.

представителем польской революционной партии «Пролетариат» евреем Карлом Мендельсоном и, благодаря своим связям с Россией через жену, занимался передачей писем Мендельсона в Варшаву. Он — друг Клемансо (последний имел в то время репутацию «сокрушителя министерств») и многих выдающихся французских радикалов¹⁾. Это сообщение Дурново в части, касающейся Мендельсона, подтверждается косвенно и Софьей Ковалевской, которая в письме к Марии Мендельсон от 11 сентября 1886 г. упоминает, что через Жаклара имеет о ней сведения, повидимому, через Мендельсона²⁾.

В течение всего этого периода жизни Анны Васильевны (1875—81 гг.), когда она жила в Петербурге (в Париж она уезжала ненадолго), встречи ее с Достоевским продолжались. Дружба их сделалась семейной. «Когда... я познакомилась с Анной Васильевной, — пишет в своих воспоминаниях жена Достоевского, — то мы подружились и искренно полюбили друг друга. Слова Ф. М. Достоевского о ее выдающемся уме, добром сердце и высоких нравственных качествах оказались вполне справедливыми» (стр. 56).

В 1879 году летом, когда Достоевские жили в Старой Руссе, «в Руссу приехала на сезон А. В. Жаклар-Корвин с семьей, которую мы оба очень любили. Муж почти каждый день, возвращаясь с прогулки, заходил побеседовать с этой умной и доброй женщиной, имевшей значение в его жизни». (См. «Воспоминания» А. Г. Достоевской, стр. 242).

Н. Д. Гизетти в своих неопубликованных записках также рассказывает со слов Анны Васильевны о дружеских встречах последней с Достоевским до конца его жизни.

«Между прочим, однажды при ней (при Анне Васильевне) вломился к Достоевскому в столовую молодой человек самого Достоевскому ненавистного «нигилистического» типа и стал требовать денежной помощи от «известного писателя» довольно-таки нахально. Достоевский вышел к жене в соседнюю комнату и при Анне Васильевне стал ее уговаривать отдать последние у них имевшиеся три рубля. У них у самих, оказывается, был острый финансовый кризис. Жена говорила, что если отдать, завтра сами они останутся без обеда. «Ну все-таки отдай», — упрашивал он, — «мы уже как-ни-

¹⁾ См. К. П. Победоносцев и его корреспонденты. Т. I. Гиз. 1923 стр. 680—682.

²⁾ См. «Мария Мендельсон», указ. соч., стр. 63.

будь, а у них, слышишь ведь, больные, ребенок, не теплое... И отдал, сконфуженный страшно, что только три рубля нашлось у «известного писателя», на что проситель только фыркнул недоверчиво и ушел, сердито хлопнув за собой дверью».

О сохранившейся между Анной Васильевной и Достоевским дружбе свидетельствует также письмо Анны Васильевны к Достоевскому этого периода, имеющееся в подлиннике в Пушкинском доме в Ленинграде. Вот это письмо:

«Многоуважаемый мой друг Федор Михайлович,

Я очень запоздала с обещанным ответом, — но причину тому моя неожиданная болезнь, — острый припадок невралгии, которая схватила меня в четверг вечером, после заседания у Философовой и продержала меня в сильном страдании трое суток. Писать было невозможно, так как боль была особенно в груди и боку. Это очень неопасно, но мучительно, теперь все почти прошло и пожалуйста не примите это за предлог отложить Ваш почти обещанный (подчеркнуто в подлиннике здесь и дальше. И. К.-В.) визит.

Незнаю (sic!) как я по т р а ф и л а с ответом. Боюсь не забыла ли я чегонибудь. Жалею, что не записала тогда вечером с Ваших слов по пунктам. Впрочем кажется ясно выразила Вашу мысль, т.е. желание участвовать в конгрессе (sic!) и между тем еще неопределенность планов. Я полагаю, что после этого сочувственного ответа самая простая вежливость заставит их прислать *carte de délégué* (билет делегата).

До свидания, дорогой мой друг, Федор Михайлович, — буду Вас ждать теперь и добрейшую Анну Григорьевну с нетерпением.

Крепко жму Вашу руку,
Ваша Анна Жаклар-Корвин.

Я пересылаю бумаги в двух конвертах, для большей верности. — Вероятно получите одновременно»¹⁾.

Чем об'яснить продолжение дружбы между коммунарой Анной Васильевной и реакционером Достоевским?

Может быть Анна Васильевна изменила своим юношеским идеалам и ушла от политики?

¹⁾ Письмо приведено по новому правописанию, но все остальное оставлено, как в оригинале. Письмо могло быть написано не позже осени 1879, так как упоминаемая в нем Философова была выслана царем Александром II из России осенью 1879 г. и получила разрешение вернуться только в марте 1881 г., после убийства Александра II и после смерти Достоевского.

Отнюдь нет. Жена Достоевского в своих «Воспоминаниях» отмечает, что Анна Васильевна «тогда слишком интересовалась борьбой политических партий» (стр. 56). Мы знаем, что Анна Васильевна помогала мужу в его работе по писанию политических обзоров заграничной жизни. Об интересе Жакларов к политике говорит и Л. Ф. Пантелеев и Н. Д. Гизетти в своих неопубликованных записках. Самое заседание у Философовой, о котором упоминается в письме Анны Васильевны к Достоевскому, имело политический характер, так как Философова занималась помощью ссыльным и заключенным революционерам.

То, что мы знаем о связи Жакларов с революционерами после смерти Достоевского из донесений департамента полиции, также говорит нам о том, что Анна Васильевна не изменила политике.

Наконец, содержание двух рассказов Анны Васильевны, напечатанных в 1886 и 1887 гг. в «Северном вестнике», — один против спиритизма, другой — с народнической тенденцией (о них речь дальше), — также свидетельствуют о ее верности прежним убеждениям.

Итак, дружба Достоевского с Анной Васильевной продолжалась вопреки тому, что их политические взгляды были «принципиально противоположны», как и в 1865 году.

Но, повидимому, беседы с Анной Васильевной представляли для Достоевского не меньший интерес, чем в 1865 г., если он летом 1879 г., как раз тогда, когда писал «Преступление и наказание», «почти каждый день» (по указанию его жены) «заходил побеседовать» с Анной Васильевной.

Мы не имеем никаких документальных данных о содержании бесед Достоевского с Анной Васильевной между 1876—1880 гг. Мы можем только догадываться, что оно было то же, что и в 1865 г. «Тогда постоянный и очень жгучий предмет споров между ними был нигилизм»¹⁾. А теперь, в годы «Земли и воли» 2-го периода, в годы первых политических процессов «50-ти» и «193-х», выстрела Веры Засулич в Трепова (24 января 1878 г.) и начала деятельности «Народной воли», предметом их споров был социализм.

И можно предположить, что споры Достоевского с Анной Васильевной были так же страстны, как и в 1865 г.

¹⁾ Слова С. В. Ковалевской о спорах 1865 г.

— Вся теперешняя молодежь глупа и недоразвита! — кричал иногда Достоевский (в 1865 году. И. К.-В.). — Для них всех смазные сапоги дороже Пушкина.

— Пушкин действительно устарел для нашего времени, — спокойно замечала сестра...¹⁾.

Теперь, в 1879 г., тема спора по существу та же.

— Все наши революционеры хотят истребить христианство, а без Христа, без любви во имя Христа никакого гармонического и справедливое устройство человечества невозможно, — кричит, примерно, Достоевский. — Для них социализм выше христианства.

— Христианство внушает человеку только идею его приниженности, социализм же повышает его чувство собственного достоинства и побуждает его на борьбу со злом мира во имя всего человечества, — спокойно замечает Анна Васильевна. — Я всегда понимала это. Вспомните мой рассказ «Михаил». И сам Михаил и его дядя — монах Амвросий — опустошенные души. Они оторвались от жизни во имя христианства и стали несчастны сами и ничего другим людям дать не могли. Христианство действительно устарело и годится только для старых баб. Мир обновится социализмом.

Достоевский уходит «вне себя от гнева, торжественно объявляя, что с нигилисткой спорить бесполезно», но завтра приходит опять «как ни в чем не бывало»²⁾.

В итоге этих частых споров Достоевский решает художественно показать, что христианство якобы не принижает личности покорностью, а носит в себе самом такой бунт, какой и не снился революционерам, что настоящие монахи якобы не опустошенные души, а жизнерадостные люди, стоящие в центре живых человеческих отношений, вопреки своей видимой оторванности от мира, что и «послушник» может быть интересным и внутренне счастливым человеком.

Таким образом роман «Атеизм», задуманный еще в конце 1868 г., но не написанный³⁾, становится прототипом нового романа «Братья Карамазовы», и в центре его ставится старец Зосима, как противовес монаху Амвросию в рассказе

Анны Васильевны «Михаил» и в противовес самому Михаилу один из сыновей Карамазова — Алеша изображается в виде послушника.

Сходство Михаила с Алешей было замечено и при жизни Достоевского Софьей Ковалевской. Последняя рассказывает: «Когда... я читала этот роман, по мере того как он выходил в свет¹⁾, это сходство бросилось мне в глаза, и я заметила это Достоевскому, которого видела тогда очень часто.

— А ведь это, пожалуй, и правда, — сказал Федор Михайлович, ударив себя рукой по лбу: — но верьте слову, я и забыл о Михаиле, когда придумывал своего Алешу. Разве, впрочем, бессознательно он мне пригрезился, — прибавил он, подумав²⁾.

Здесь Достоевский говорит о бессознательности восприятия образа Михаила. Но мы знаем уже, что Достоевскому не всегда можно верить. Нарочитое изображение Алеши и Зосимы в самых жизнерадостных красках в противовес Михаилу и Амвросию, изображенным в серых пессимистических тонах, позволяет думать, что Достоевский сознательно имел в виду образы Анны Васильевны, когда писал «Братьев Карамазовых». Одновременно он хотел показать, что и вообще христианство не то, за что его принимают «старые бабы», и что он верует не как фанатики-церковники.

Повторяем, мы высказываем только гипотезу о происхождении образов Алеши и Зосимы, но думается, что гипотеза эта не лишена оснований, принимая во внимание вышеприведенные факты из истории встреч и бесед Достоевского с Анной Васильевной.

XI. Последние годы жизни. Писательство. Болезнь. Смерть (1881—1887)

Мы подходим теперь к последним годам жизни Анны Васильевны. Это были годы разгрома «Народной воли», образования группы «Освобождение труда» за границей, первых марксистских кружков в разных городах России и подготовки покушения Александра Ульянова и его товарищей на жизнь Александра III в 1887 г. («второе 1-е марта»).

В эти годы Анна Васильевна жила то в Париже, то в Петербурге. Мария Мендельсон сообщает, что в 1882 г. Софья

¹⁾ Роман «Братья Карамазовы», печатался в «Русском вестнике» в 1879 и 1880 гг.

²⁾ См. «Воспоминания детства» Софьи Ковалевской.

¹⁾ См. «Воспоминания детства» Софьи Ковалевской.

²⁾ См. «Воспоминания детства» Софьи Ковалевской.

³⁾ См. письма Достоевского из Флоренции к А. Н. Майкову от 11—23 декабря 1868 г. и к племяннице С. А. Ивановой-Хмыровой от 8—20 марта 1869 г. в книге «Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, письма и заметках». Составил Ч. Ветринский (Вас. Е. Чешихин). М. 1912, стр. 257 и 259.

Ковалевская гостила у сестры недалеко от Парижа в Сен-Манде, а в августе 1885 г. близ Петербурга в Гатчине¹⁾.

О политической деятельности Анны Васильевны в эти годы нам известно только из сведений департамента полиции, что она помогала работе польской партии «Пролетариат», служа вместе с В. Жакларом ее связью между Парижем и Варшавой²⁾.

В некрологе Анны Васильевны сказано, что «она не переставала писать, но долгое время произведения ее не появлялись в печати». Только в 1886 и 1887 гг. напечатаны в «Северном вестнике» два ее рассказа «Записки спирита» и «Фельдшерица», первый за старой подписью Ю. О-в, второй за подписью А. Корвин. Кроме того, в Пушкинском доме в Ленинграде я нашел рукопись драмы Анны Васильевны в 5 действиях «Поперек (sic!) дороги» за подписью Жаклар-Корвин. В некрологе Анны Васильевны сказано, что она написала и «интересные воспоминания» о своей жизни во время осады Парижа и Парижской коммуны, но о судьбе этого произведения нам ничего неизвестно.

Рассказы Анны Васильевны этого периода и ее драма позволяют думать, что Анна Васильевна осталась при тех же взглядах, которые она исповедывала и раньше.

В рассказе «Записки спирита», напечатанном на первом месте в № 7 «Северного вестника» за 1886 г. (стр. 1—68), дано художественное выражение отрицания спиритизма как сплошного шарлатанства или результата сумасшествия.

Рассказ ведется от имени умершего в больнице для умалишенных, якобы оставившего свои записки. Выяснены условия его наследственных предрасположений, обучения, службы в канцелярии писцом и т. п. Герой посещает публичные сеансы медиумов, изучает спиритизм по книгам, знакомится с магнетизерами и «ясновидящей», и читатель убеждается, что это — шарлатаны. Неожиданно богатый князь, потерявший свою молодую жену, обращается к нашему герою и дает ему деньги для поездки в Америку на спиритический конгресс с целью изыскания средств для материализации духа покойной жены князя. Герой рассказа едет на конгресс, знакомится с массой спиритов, и все оказываются шарлатанами. Он знакомится также с молодой американкой и едет с ней

на ферму ее родных в качестве ее жениха. Здесь он начинает видеть в галлюцинациях дух жены князя, возвращается в Петербург, чтобы обрадовать князя, но тот не хочет уже видеть духа жены, так как собирается как раз вторично жениться. А галлюцинации героя продолжают, и его помещают в больницу для умалишенных.

Автор некролога Анны Васильевны сообщает, что она несколько лет изучала вопрос о спиритизме по научно-литературным источникам английским, американским, немецким и французским, что «при ее даровании дало ей возможность нарисовать яркую картину на фоне строго научной мысли». Повесть представляет большой психологический интерес и в то же время художественным средством пропаганды против спиритизма и в наше время.

Другой рассказ Анны Васильевны «Фельдшерица», напечатанный в № 3 «Северного вестника» за 1887 г. (стр. 89—115), носит явные следы жертвенной народнической идеологии. Рассказ ведется от имени земского врача, который в компании с одним столичным адвокатом едет в село к сельской фельдшерице и акушерке Бутиковой. Последняя оказывается бывшей возлюбленной столичного адвоката в то время, когда он еще был студентом, а она служила у своей тетки в номерах прислужкой. Она забеременела. Студент потребовал, чтобы она отдала будущего ребенка в воспитательный дом, но она не захотела. Тогда при содействии тетки он опоил ее, устроил ей насильно аборт и уехал. Она долго болела, но затем, благодаря участию врача-народника, возродилась к новой жизни, кончила акушерско-фельдшерские курсы, пошла служить народу в деревню, заразилась во время тифозной эпидемии и умерла.

Рассказ сохраняет некоторую злободневность и для наших дней, рисуя яркую картину самосознания молодой матери, которая не хочет расстаться со своим будущим ребенком и, обездоленная эгоизмом мужчины, находит в себе силы стать полезным членом общества. Надо вспомнить при этом, что оба рассказа напечатаны в такое время, когда у нас господствовала самая черная реакция после разгрома «Народной воли», когда образованное меньшинство русского общества увлекалось толстовством, индивидуализмом и чистым искусством для искусства, а в литературе господствовали безверие и разочарованность. Анна Васильевна как писательница

¹⁾ М. Мендельсон, указ. соч., стр. 147 и 159. По ошибке здесь Сен-Манде названо Сэн Моде.

²⁾ См. об этом в предыдущей главе.

в это самое время продолжает традиции народничества в литературе и борется с мистицизмом.

Еще более интересна по теме ненапечатанная драма Анны Васильевны «Поперек дороги». Главные действующие в ней лица — богатый крестьянин Сыромяга, прасол и целовальник 46 лет, его вторая жена 24-летняя Ульяна, дочь купца и фабриканта из крестьян, дочь Сыромяги от первого брака Груша 18 лет и компаньон Сыромяги и его бывший приказчик Просолов 32 лет. До замужества Ульяна любила Просолова, а теперь, когда его хотят женить на ее падчерице, их любовь возобновляется. Груша застаёт в беседке ночью Ульяну с Просоловым, зовет отца и тот выгоняет Просолова из дому. Узнав затем, что Просолов хочет увести Ульяну, Сыромяга бросается за ним с ножом, но дочь и приживалка запирают его в комнате. В бессильной ярости он вешается, чтобы отомстить жене своею смертью. И действительно, оказывается, что он стал Ульяне «поперек дороги». Она чувствует, что счастье ее больше невозможно, что она «наказана богом», что между ней и Просоловым стала кровь и смерть. Она решает отмаливать свой грех, чтобы добиться прощения мертвого мужа.

Неприглядные условия жизни крестьян-кулаков, их бытовые и религиозные предрассудки, калечащие их жизнь, представлены в драме с большой яркостью. Из драмы видно, что в отличие от народников 80-х годов Анна Васильевна несколько не идеализировала крестьянства в целом и ясно понимала всю темноту, которая царила даже в его богатой и внешне культурной верхушке.

К сожалению, имея сведения, что Анна Васильевна много писала, мы находим лишь упомянутые два ее рассказа и драму. Можно предположить, что большую роль в этом сыграли тогдашние условия русской цензуры¹⁾.

Впрочем, некоторое значение имели при этом, вероятно, и условия личной жизни Анны Васильевны.

Из книги Леффлер о Софье Ковалевской мы знаем, что Анна Васильевна заболела в декабре 1884 г. тяжелой болезнью сердца, отчего у нее бывали временные застои крови и ослабление деятельности различных органов; пострадало

¹⁾ Е. Д. Кускова совершенно права, когда мимоходом говорит об Анне Васильевне, что она «не смогла развить своего литературного таланта и быстро угасла духовно, отдавшись главным образом страстной любви к мужу, доставлявшей ей много страданий». (См. предисловие к письмам С. В. Ковалевской 1868 г. „Голос минувшего“. 1916, № 2, стр. 226).

и ее зрение, так что она не могла ни читать ни писать. Н. Д. Гизетти в своих записках говорит о «длительном нервном и сердечном заболевании», об образовании «какой-то опухоли в брюшной полости». А. Г. Достоевская в своем письме к жене Победоносцева говорит, что Анна Васильевна... «уже давно и опасно больна брайтовой болезнью» (болезнью почек). Летом 1885 г. Анна Васильевна все еще болела. Жизнь ее висела на волоске и зимой 1885—86 г. Она страдала невероятно, не могла ни дышать ни спать настоящим образом. В это время многие дни и ночи у ее постели проводила Софья Ковалевская, вызванная телеграммой из Стокгольма, где она уже занимала в это время кафедру математики в университете. Летом 1886 г. опять Софья Ковалевская была с Анной Васильевной, которая не имела сил сдвинуться с места.

Муж Анны Васильевны — Жаклар — был в это время во Франции и, как мы уже знаем, был на очень плохом счету у царского правительства.

Летом 1886 г. Жаклар приехал в Петербург, чтобы забрать Анну Васильевну в Париж для серьезного лечения, но она была так слаба, что ее нельзя было везти. Надо было ждать поправления ее здоровья.

Между тем 22 марта 1887 г. Жаклар получил предписание министра внутренних дел выехать из России через 3 дня. Пришлось прибегнуть к ходатайству французского посла через министерство иностранных дел об отсрочке высылки. Но отсрочка была дана лишь на 12 дней сроком по 6 апреля. И вот 2 апреля А. Г. Достоевская, продолжавшая и после смерти своего мужа посещать Анну Васильевну, пишет письмо жене Победоносцева с просьбой отсрочить Жаклару высылку недели на 2—3 «с целью устроить дела, продать принадлежащий жене дом и увести жену за границу... В это время французское посольство, как оно ему обещало, выхлопочет ему разрешение остаться здесь, так как он ни в чем не замешан и не подвергался обыску или аресту. Этим временем и жена его настолько оправится (может быть), что он увезет ее с собой».

Ходатайство А. Г. Достоевской через жену Победоносцева побудило последнего сделать запрос о Жакларе, так как уже через два дня, 4 апреля 1887 г., И. Дурново доносит Победоносцеву, что «прибыв в Петербург, Жаклар сообщал самые лживые и вреждебные нам известия в Париж о политических делах, а после 1 марта сообщения его превзошли всякую меру терпимости, почему, по моему настоянию, министр раз-

решил выслать его из пределов империи. Имея в виду тяжкую болезнь его жены и данное им слово более никаких корреспондентов не посылать, я вчера уже сделал распоряжение об отсрочке выезда его из Петербурга на 10 дней»¹⁾.

Приходится думать, что Жаклару не удалось через французское посольство добиться разрешения остаться в Петербурге до поправления здоровья Анны Васильевны. Осенью 1887 г. (а по сведениям из ее некролога в мае 1887 г.), хотя Анна Васильевна все еще не могла ходить, ее друзья на руках внесли ее в вагон, в котором она была увезена Жакларом в Париж. 12 сентября 1887 г. ей была произведена трудная операция (вырезана киста яичника). Как сообщает М. В. Залесская-Мендельсон, жившая в то время нелегально в Царстве Польском и в России, Анну Васильевну лечили самые выдающиеся французские врачи; операция была произведена Анне Васильевне в парижской квартире М. В. Залесской-Мендельсон и в этой же квартире Анна Васильевна умерла²⁾. Операция прошла благополучно, но неожиданно у нее развилось воспаление легких, и истощенный предшествовавшей операцией организм не в силах был вынести эту новую болезнь.

Точной даты смерти Анны Васильевны мы не знаем. В некрологе ее сказано, что она умерла в конце 1887 г. Это не вполне точно. По письму Софьи Ковалевской от 2 ноября 1887 г. к матери Аделунг в ответ на выражение сочувствия последней по поводу смерти Анны Васильевны можно судить, что Анна Васильевна умерла во второй половине октября 1887 г.³⁾.

«Истощенная тяжелою, хроническою болезнью, много лет ее мучившею, разочарованная во всех своих надеждах на жизнь, стесненная в своем развитии как писательница, — она, увы! — после всех этих страданий не нашла никакого облегчения, а только неизбежную, неумолимую смерть, унесшую ее во цвете лет»⁴⁾.

1) К. П. Победоносцев и его корреспонденты, стр. 680—2. Упоминаемое здесь „после 1 марта“ имеет в виду покушение на Александра III, организованное А. И. Ульяновым и его товарищами.

2) См. воспоминания М. Мендельсон, указ. выше, стр. 147.

3) См. указ. соч. Аделунг, стр. 423, где приведено письмо Софьи Ковалевской.

4) Леффлер, указ. соч., стр. 249.

Судьба В. Жаклара после смерти Анны Васильевны

Дальнейшие сведения о В. Жакларе очень скудны.

Как видно из «заключения» прокурора петербургской судебной палаты по делу Е. Г. Бартеневой и ее сына от 28 февраля 1891 г., Жаклар участвовал в марксистском конгрессе Интернационала 1889 г., который считается первым конгрессом II Интернационала¹⁾.

Жан Лонге в письме ко мне от 12 марта 1929 г. сообщает, что Жаклар до конца своей жизни был другом его отца Шарля Лонге, зятя Маркса, и вместе с ним и с членами I Интернационала и деятелями Коммуны Камелина и Тейссом участвовал в основании «Alliance Républicaine Socialiste».

Как видно из имеющихся в моем распоряжении 5 писем Жаклара к Ламанскому от 27 мая 1891 г. до 17 октября 1895 г., Жаклар пишет корреспонденции о французской жизни в «Новости» Нотовича и через Ламанского получает чеки на гонорар от редакции и посылает ему расписки для нее²⁾. Он часто спрашивается о «Фуфе», дочери В. О. и С. В. Ковалевских, и о подруге юности своей жены Ю. В. Лермонтовой. В письме от 17 октября 1895 г. он сообщает, что к нему заходил в его отсутствие Л. Ф. Пантелеев, повидимому, поддерживавший с ним связь по старому знакомству.

Мария Мендельсон сообщает, что в 1890 г. Жаклар женился во второй раз³⁾. Из письма Ламанского к Ю. В. Лермонтовой от 11 января 1894 г.⁴⁾, узнаем, что вторая жена Жаклара была раньше гувернанткой в Москве и скверно относится к его сыну Юрию⁵⁾. Последний живет на ферме у крестьянина,

1) В официальном отчете об этом конгрессе Жаклар в списке делегатов не значится. См. „Protokoll des internationalen Arbeiter-Kongresses zu Paris“. Nürnberg. 1890, стр. 129—133.

2) Э. К. Пименова сообщила мне, что Жаклар в начале 90-х годов писал корреспонденции и в „Гражданине“ Мещерского за подписью „Ж“. Но такой подписи я в „Гражданине“ за 1890—1892 гг. не нашел, тогда как в „Новостях“ она имеется. Полагаю, что Э. К. Пименова, работавшая и в „Новостях“, видела рукописи корреспонденций Жаклара именно там.

3) См. указанные ее воспоминания о Софье Ковалевской, стр. 173.

4) Письмо это было мне предоставлено дочерью Софьи Ковалевской — С. В. Ковалевской для ознакомления.

5) По словам С. Г. Кропоткиной, Юрий страдал недержанием мочи, и это доставляло много неприятностей его близким.

сестра которого служила прислугой у Жаклара. Юрий ухаживает за лошадьми, за что (sic!) отец его платит крестьянину 60 франков в месяц. Юрий бросил земледельческое училище в Версали, где раньше учился, и одно время служил кондуктором на конке. Он ждет 18 марта, когда получит самостоятельность (18 марта 1894 г. Юрию должно было исполниться 21 год), и хочет заняться торговлей или купить ферму. С дохода матери в Петербурге Юрий должен был получить 20.000 рублей и еще деньги от Шуберта (фамилия дяди Юрия со стороны матери, мать которой была урожденная Шуберт), а всего 70 тысяч франков. К отцу своему Виктору Жаклару Юрий собирается предъявить судебную претензию через адвоката.

Из этого же письма узнаем, что Виктор Жаклар работает в редакции «Justice» (газета Клемансо с 1880 г.) и имеет в год 12 тысяч франков дохода. Получался ли им этот доход только от работы в качестве журналиста или сюда входил и его заработок от практики в качестве врача-окулиста, нам неизвестно.

В августе 1893 г. на конгрессе Интернационала в Цюрихе Жаклар выступал докладчиком аграрной комиссии от имени «Федерации независимых социалистов» и «Синдиката журналистов-социалистов»¹⁾.

Как видно из упомянутого выше письма ко мне Жана Лонге, в 1899 г. (3 декабря) во время I конгресса для объединения французских социалистов в зале гимназии Жаппи в Париже Жаклар был на нем делегатом и протестовал вместе с Гедом, Вайяном и Ландреном против вхождения Мильерана, члена парламентской социалистической группы, в министерство Вальдека — Руссо рядом с Галифе, палачом Коммуны.

Судя по этому сообщению Лонге, Жаклар до конца своих дней остался верен революционным убеждениям своей юности.

Год смерти Жаклара нам точно неизвестен. Если верить Лепеллетье, он умер в 1903 г.²⁾ Н. Д. Гизетти писала мне, что имела о нем известие в 1906 г. через одного сотрудника «Humanité», приезжавшего в Петербург, что он еще жив

¹⁾ См. указание на это в „Protokoll des internationalen sozialisten Arbeiterkongresses in der Tonhalle Zürich, vom 6. bis 11. August 1893“. Цюрих, 1894, стр. 48—57.

²⁾ См. намек на это в 3-м томе его истории Коммуны (стр. 25), вышедшей в 1913 г.

и занимается практикой врача где-то в провинции. Все мои попытки собрать сведения о Жакларе посредством писем в Париж оказались тщетными.

Участие Жаклара в I Интернационале и в двух конгрессах II Интернационала, активная работа его в Коммуне 1871 г. и в петербургских левых журналах и содействие подпольным революционным партиям в России, — уже это одно дает ему право на наше внимание. Во всяком случае эпитет «бланкист», который обычно применяется к Жаклару при упоминании его имени, оказывается далеко неточным, так как бланкистом Жаклар был очень недолго в 60-х годах, а впоследствии стоял близко к французским марксистам. Когда бланкисты организовали после смерти Бланки в 1881 г. центральный революционный комитет, Жаклар в него не вошел.

Обращение к читателям

Для почтения памяти Анны Васильевны Корвин-Круковской-Жаклар, как одной из первых русских коммунарок — сторонниц Маркса и талантливой писательницы, мною собрано то, что я мог найти из написанного ею, и я желал бы это издать. Прошу всех оставшихся в живых ее родственников, друзей и знакомых прислать мне для этого издания какие у кого имеются письма Анны Васильевны и ее мужа В. В. Жаклара, ее записки об осаде Парижа и о Коммуне 1871 г. и другие ненапечатанные ею произведения. Прошу также указать точную дату смерти Анны Васильевны и ее мужа и сообщить о судьбе их сына Юрия, родившегося 18 марта 1873 г. и живущего во Франции. Желательно также получить фотографию В. В. Жаклара. После снятия копии с присланных документов они будут возвращены их владельцам. Адрес мой: Ленинград, 3, улица Красных Зорь, 26—28, кв. 96. Ивану Сергеевичу Книжнику-Ветрову.